

Российская Академия Наук
Институт философии

ИЗМЕРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

**Об основаниях и критериях оценки результативности
философских и социогуманитарных исследований**

Москва
2012

УДК 001.9+300.53
ББК 72.4+15.5
И 37

Составитель и отв. редактор

А.В. Рубцов

Рецензенты:

доктор социол. наук *Е.З. Мирская*
доктор филос. наук *В.И. Бакитановский*

И 37

Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. – М. : ИФРАН, 2012. – 159 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0234-8.

Книга представляет собой сборник статей, посвященных проблеме оснований и критериев оценки результативности исследований в области философии и социогуманитарного знания. Рассматривается широкий спектр вопросов, начиная с фундаментальной проблемы результата в философии и его отличия от прочих сфер знания и заканчивая специальными вопросами использования библиометрии при оценке эффективности исследований и принятии управленческих решений. Адресована специалистам в области философии, наукометрии и администрирования, а также всем интересующимся спецификой философского знания и новейшими методами его исследования.

ISBN 978-5-9540-0234-8

© Рубцов А.В., составитель, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Институт философии РАН, 2012

Предисловие

В настоящее время практически вся сфера знания активно пересматривает собственные основания: взаимоотношения с миром и обществом, взаимосвязи с культурой, политикой, властью. Соответственно, меняется и само понятие научного результата. Не исключено, что в философии эта ревизия может оказаться даже более глубокой, чем в естественных и точных науках, а также в сравнении с социогуманитарным знанием.

Одновременно с этим развиваются еще две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, сама наука пытается найти объективные, формализованные критерии оценки своей результативности, в том числе или даже прежде всего количественные. Это, в частности, сфера научной библиометрии, использующий такие показатели, как статистика публикаций и ссылок, индексы цитирования, импакт факторы. С другой стороны, в этом же заинтересованы и инстанции внешнего управления наукой. Им, как они полагают, также нужны в идеале исчислимые показатели, которые позволяли бы оценивать процессы и ситуации в науке на основе «объективных» данных.

Однако при этом необходимо учитывать и серьезные проблемы, возникающие при попытках формализовать такого рода оценки и замерить результативность исследований. Даже в естественных и точных науках подобного рода формализации порождают новые, ответные стереотипы поведения – работу не на результат, а на показатель (классический случай леонтьевского «сдвига мотива на цель»). Но гораздо большие проблемы обнаруживаются при попытках формализовать и «замерить» результативность в социогуманитарных науках и тем более в философии. Механический перенос методик оценки естественных наук в гуманитарные приводит к тому, что в основу оценки закладывается заведомо деформированная картина. Еще большие деформации возникают, когда не в полной мере или даже вовсе не учитывается специфика российской ситуации. Все это может привести к серьезным, если не фатальным ошибкам в принятии административных решений.

Таким образом, проблема даже не столько в самой библиометрии (хотя и здесь достаточно научной критики и самокритики методов), сколько в том, насколько критично принимаются ее данные, насколько осмысленно и корректно они используются.

Вместе с тем, попытка ответить на подобные вопросы или хотя бы более или менее корректно их поставить неизбежно выводит на более широкие обобщения и более глубокие постановки. В частности: что такое «результат» в философии и можно ли его замерять и оценивать так же, как в позитивной науке и даже в не философском гуманитарном знании? Какие ограничения при этом необходимо иметь в виду, оценивая результат, а тем более принимаемая управленческие и даже политические решения, касающиеся науки? Как можно сделать такого рода оценки более корректными? Насколько можно доверять зарубежным базам данных, их репрезентативности в отношении российских исследований? От всего этого сейчас во многом зависит и судьба российской науки, и ее престиж в мире – а значит, и престиж самой страны, государства.

Эти и ряд смежных вопросов поставили перед собой авторы данного издания.

Основной блок статей подготовлен в рамках проекта «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (Грант РГНФ N 11-03-00442 а). Авторский состав проекта: А.Н.Баранов – доктор филологических наук, заведующий Отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН; А.А.Гусейнов – академик РАН, директор Института философии РАН; Н.И.Лапин, член-кор. РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН; Н.В.Мотрошилова – доктор философских наук, зав. Отделом историко-философских исследований Института философии РАН; А.П.Огурцов – доктор философских наук, Институт философии РАН; А.В.Рубцов – руководитель проекта, руководитель Центра философских исследований идеологических процессов, зам. зав. Отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН; Б.Г.Юдин – член-кор. РАН, зав. Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН; А.Ф.Яковлева – заведующая Информационно-аналитическим отделом Института философии РАН.

Участники проекта выражают надежду, что данное издание внесет свой вклад в постановку и обсуждение животрепещущих проблем оценки результативности философских и научных исследований. Приглашаем к дискуссии и сотрудничеству всех заинтересованных в данной теме.

**Может ли философия быть неактуальной?
(Об оценке результативности философских
исследований)***

Вопрос об актуальности в философии не является в наше время праздным или отвлеченным. Наоборот, у этой «актуальности актуального» есть целый ряд оснований: от сугубо ситуативных до самых фундаментальных, связанных с осмыслением самой природы философской деятельности.

Проще всего было бы сослаться на некоторые новейшие тенденции в управленческой практике, связанные с попытками эффективного администрирования исследовательского процесса за счет максимальной формализации оценки его результативности. Здесь есть известные возможности, перспективы, но и становящиеся все более очевидными риски, связанные с опасностью недооценки глубинной специфики разных видов интеллектуального труда и как следствие – с созданием дополнительных, лишних трудностей в наиболее сложных и тонких исследовательских процессах, и без того крайне болезненно реагирующих на проблемы ненаучного, несодержательного характера.

Вместе с тем, вполне очевидно, что критерий актуальности является одним из центральных в оценке результативности исследований в области и философии, и социогуманитарного знания. Достаточно вспомнить, что именно позиция «актуальность исследования», «актуальность работы», «актуальность проекта» и т. п.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (№ 11-03-00442а).

является одной из первых в типовых структурах диссертаций, авто-рефератов, разного рода заявок и отчетов. В свое время к этой позиции в науке могли относиться несколько формально, как к дежурной задаче, на которую можно ответить отпиской наработанными фразами, однако по мере усиления управленческого присутствия в жизни науки (как бы к этому факту ни относиться), а также диверсификации финансирования исследований, эту позицию приходится раскрывать более содержательно и ответственно.

В такого рода тенденции, направленной на то, чтобы максимально выявить и формализовать актуальность исследований и их результативность, есть, в свою очередь, также разные основания и уровни. С одной стороны, это может быть связано с сугубо ситуативными тенденциями бюрократизации процесса, порой на грани злополучного «административного восторга», когда отсутствие компетентности в предмете и в управлении пытаются компенсировать формализацией оценок, по ожиданиям дающей результат чуть ли не автоматический и якобы стопроцентно объективный. При этом самим ученым достаточно известно, насколько эффективно можно манипулировать такого рода автоматизмом и чего порой стоит эта «объективность». Девиации в манипулировании формальной стороной дела уже и сами стали предметом исследования и жесткой критики в новейшей научной рефлексии, начиная с наукометрических штудий и заканчивая исследованиями в области социологии и этики науки. Незнакомство с этими результатами может приводить к излишней доверчивости «точным» методам и как следствие – к еще большей субъективизации якобы объективных оценок. Если называть вещи своими именами, можно получить ситуацию, когда наукой будут руководить, используя якобы точную и объективную, а на самом деле заведомо искаженную и в этом смысле просто антинаучную информацию. Причем слово «антинаучное» здесь будет работать сразу в двух смыслах: и как противоречащие истине, и как направленное против науки как института, цеха, сообщества, типа сознания и отношения к действительности.

Но с другой стороны, мы находимся в стадии постнеклассической науки, когда исследовательскому сообществу приходится вступать с человечеством в паритетные, партнерские отношения и доказывать миру, что исследования, во-первых, не наносят вре-

да и потенциально безопасны, а во-вторых, что они «стоят своих денег», что затраты общества оправданы и окупаются если не в обозримой перспективе, то хотя бы в принципе.

Казалось бы, это не самая острая проблема для философской профессии. Исследования в области философии, на первый взгляд, безобидны и по «себестоимости» не идут ни в какое сравнение не только с естественными, но и с целым рядом социогуманитарных наук (например, тех, где есть «поле»). Однако именно в отношении философии особенно часто приходится сталкиваться с непониманием смысла этой предельно сложной формы интеллектуального освоения мира, а потому и с малообразованными суждениями о бесполезности философии вообще. Более того, такого рода суждения могут и сами быть элементами мировоззрения и теории: достаточно вспомнить недавнюю позитивистскую установку, согласно которой «наука сама себе философия». Эта установка уже дезавуирована не только философскими исследованиями, но и работами в области собственно научной рефлексии, логики и методологии науки, однако она была популярной, а у части не особенно осведомленной публики популярна и сейчас.

Далее, в настоящее время идет активный процесс переосмысления и общественной миссии науки, и самого понятия результата в области познания (не только философского). Усложняются отношения между фундаментальной и прикладной наукой, выявляются все более сложные схемы, когда фундаментальный результат дает отложенный прикладной эффект, часто почти непредсказуемый. Это имеет прямое отношение и к философии, которая с не особенно большими оговорками тоже делится на фундаментальную и прикладную. При этом практическая утилизация результатов прикладной философии может быть даже более оперативной, чем в технических отраслях и в «прикладном естествознании». Также это относится и к социогуманитарному знанию, работающему на стыке с философией, например, социальной и политической. Самый очевидный, яркий, а нередко и болезненный пример – использование электоральной социологии в политтехнологических целях. Здесь есть риски, по масштабу последствий ничуть не меньшие, чем при утилизации результатов физических исследований, наук биомедицинского цикла

и т.п. Что же касается философии как таковой, то и здесь есть богатый опыт утилизации ее концептуальных результатов через идеологию, причем самого разного свойства и с разными социальными, политическими и даже историческими последствиями. После масштабных трагических событий прошлого века эта тема становится одной из центральных, причем идея «результата» оказывается сильно окрашенной темой ответственности.

Далее необходимо отметить, что идет постоянный процесс переосмысления взаимоотношений, с одной стороны, между философией и наукой, а с другой – между философией и обществом, социальной (в самом широком смысле этого слова) практикой. Естественно, это также влияет на понимание как актуальности в философии, так и ее результата. И граница эта довольно сложно устроена. Например, если говорить о науке, то, строго говоря, едва ли не все великие ученые, совершившее поистине фундаментальные открытия, подвигшие на научные революции, были в определенном смысле и философами – или не были великими. С известными оговорками это можно сказать и об исторических деятелях. Более того, можно даже предположить, что плачевные результаты в политике и управлении часто связаны именно с зауженным горизонтом видения проблем, с недостатком той рефлексии, которой как раз и учит философия.

И наконец, переосмыслением самой сути профессии, а значит, понимания актуальности задач и результатов деятельности, занята сейчас и сама философия. Особенно это выражено в критике модерна и в переходе к ряду постсовременных представлений. Здесь есть опасность рассинхронизации, когда от философии будут ждать и требовать результата в том смысле, какой будет уже не вполне адекватен с точки зрения самой философии. Более того, есть опасность, что в этой рефлексии философия придет к выводу, что результат здесь вообще вторичен по отношению к созданию и запуску разных «интеллектуальных машин». Если это серьезнейшая проблема для самого профессионального сообщества, можно представить себе, какой разрыв в понимании сути проблемы возникает между «цехом» и «внешней средой».

Все это говорит о том, что вопросы оценки актуальности и результативности философских и социогуманитарных исследований выходят сейчас на первый план, причем здесь порой са-

мым неожиданным образом смыкаются административные запросы и собственная рефлексия, библиометрия и мировоззрение, политика и теория.

* * *

Понятие актуальности применительно к философии не имеет заранее заданного, общепринятого смысла, в том числе в собственно философской среде. Также весьма по-разному употребляется и сам термин «актуальная философия». Это, в частности, проявилось в момент, когда в ИФ РАН возникла идея издания ежегодника ровно с таким названием: «Актуальная философия»: у потенциальных авторов тут же возникла проблема – а что, собственно, имеется в виду?

Такая полисемия – следствие не столько трудности профессиональной конвенции, сколько многосложности самого явления и связанного с ним понятия. Например, это может быть философия, связанная с передним краем научных исследований, с наиболее острыми проблемами цивилизации, культуры, общества, страны, ее политики, экономики, социальной сферы и т.п. Но актуальность такого рода может пониматься и как всякое философствование, связанное с насущными проблемами человека (А.Филиппов), то есть на грани отождествления актуального и гуманитарного.

Однако с не меньшими основаниями можно предположить, что критерий актуальности связан здесь не столько с выбором предметной ориентации, сколько с самим подходом к проблеме, с горизонтом анализа и актуализируемыми аспектами.

Так, с одной стороны, не будет преувеличением сказать, что всякая философия так или иначе актуальна – вопрос в особенностях понимания, воплощения и отслеживания этой актуальности. В этом смысле утверждение о неактуальности той или иной философской концепции может легко оказаться излишне самонадеянным и неосторожным. Всякий взгляд на прошлое в философии как на окончательно преодоленную и уже никогда не актуализируемую архаику чреват неожиданными заблуждениями и разоблачениями. Например, античные философы в большинстве своем разделяли общепринятое в ту эпоху убеждение, согласно которому чело-

век целиком находится во власти неотвратимости судьбы, рока. Но, вопреки господствовавшим обыденным представлениям, они считали, что это не мешает, а, напротив, способствует их добродетельному, индивидуально-ответственному поведению. Подобная парадоксальная позиция многократно обсуждалась и воспроизводилась в последующей истории мысли, оставаясь каждый раз философской экзотикой, малопонятной обыденному сознанию, а часто и научному сообществу (один из характерных примеров – протестантская этика Макса Вебера, на которую теперь ссылаются постоянно, но без объяснений, а часто и без понимания парадоксального соотношения избранности и ответственности). Однако в наше время подобные представления в почти античной схематике получают подтверждение в ряде когнитивных исследований, показывающих, что всем действиям, в том числе кажущимся совершенно произвольными, предшествуют определенные четко фиксируемые сигналы. Тем самым в наше время неожиданно актуализируются идеи о соотношении необходимости и свободы, долгое время казавшиеся примитивными и архаичными. Подобное понимание актуальности в философии связано, в частности, с особым типом темпоральности этой формы интеллектуальной жизни, в которой «стрела времени» устроена куда сложнее, чем например, в истории позитивной науки или в техническом прогрессе.

Подобная оценка философского результата как «вечно актуального» (пусть даже в потенции) может относиться и к древним именам, и к самым, казалось бы, отвлеченным, надвременным концепциям. Сплошь и рядом для философа наиболее актуальным может оказываться как раз то, что его современникам представляется не заслуживающим внимания человека со здравым смыслом. Просто философ усилием предельной рефлексии выводит на поверхность, эксплицирует и подвергает критике те самые «очевидности», которые присутствуют в головах у всех, но не отслеживаются, не промышляются и, срабатывая автоматически, остаются для нерелексующего сознания невидимыми. Так, лапласовский детерминизм можно считать чистым умозрением, можно обнаруживать в нем нечто актуальное для науки своего времени – а можно видеть в нем скрытое умонастроение и даже своего рода стиль эпохи. Аналитики заметили, что «Опасные связи» Шодерло де Лакло в логике сюжета и отношений между персонажами и ситуациями идеально воспро-

изводят жесткую механистическую детерминацию. Иными словами, эти связи не только «опасные», но еще и однозначно причинно-следственные. Вся эта целостность, конечно же, закладывается с самого начала, но только потом обнаруживается эта удивительная согласованность механистической динамики в философской и физической картине мира, в политике и моделях социальности, в эстетике и художественной практике и т. д., вплоть до оттенков морали и индивидуальных жизненных стратегий.

Более того, учитывая эти «скрытые сдвиги в очевидном», в известном смысле можно даже утверждать, что философия являет собой интеллектуальный эпицентр актуальности. Это справедливо в той мере, в какой ей удастся опережать ход событий, предлагая разного рода откровения, проекты, предсказания и предвосхищения, часто оцениваемые далеко не сразу. Здесь можно говорить об опережающей актуальности – актуальности «на вырост». История философии полна примеров того, как идеи в их глубине и значимости распознавались, выходили за узкие рамки школы и становились достоянием широких интеллектуальных кругов через десятилетия, а иногда и столетия после того, как они впервые были сформулированы. Нечто подобное есть и в истории науки (см., в частности, статью А. Огурцова в настоящем издании), однако философия в этом отношении дает куда более многообразный и выразительный материал.

Можно даже утверждать, что по-настоящему новым философским идеям, как правило, вообще свойственно проходить через первоначальный этап, когда их не замечают, осмеивают, осуждают, а иногда и запрещают. Этот временной лаг, это отставание может являться в самосознании философии даже одним из фундаментальных. Однажды на Ж.-П. Сартра в аэропорту набросились журналисты с желанием услышать от знаменитого философа что-то необычное, в частности, узнать, что нового происходит в философии. Сартр ответил: «Бог умер». Этой очевидной отсылкой к принадлежащему Ницше утверждению почти столетней давности он явно показал, что сенсация в философии имеет совсем иной хронотоп, чем тот, который принят в современных СМИ, да и вообще в обычной жизни.

При этом, когда мы говорим об актуальности «на вырост», о конфликте между философом и обществом, речь идет вовсе не обязательно или даже в последнюю очередь о прямом, непосред-

ственном проектировании политики, социальности, познания, технологий и т. п., хотя и это сплошь и рядом имеет место. Часто опережение происходит как раз в самых отвлеченных сферах, на высших уровнях умозрения. Философия только на первый взгляд схватывает, отражает и теоретически санкционирует общее умонастроение эпохи, ее живую логику и мироощущение. Гораздо важнее то, что одновременно она ищет конструктивный, проектный выход из этих ситуаций – меняет акценты, приоритеты интереса мышления и действия, саму тональность существования. А потом оказывается, что постепенно, со временем, наука, политика, социальные практики, право, повседневная мораль, а иногда даже и искусство входят в круг актуальности, ранее очерченный философией. Часто они делают актуальным то, что философия актуализировала даже не вчера, а достаточно давно. Причем делают они это не сами по себе, а под влиянием среды и контекста, трансляция которого из философии заслуживает отдельного анализа и описания.

* * *

Философия изначально расчленилась на ряд сравнительно самостоятельных разрядов (аспектов). В современном виде она представляет собой уже давно разветвленную область знаний. Причем здесь важно учитывать как дифференциацию предметных областей и уровней, так и собственно жанры философствования – мышления, а то и просто письма. Эти различия важны также как в плане понимания специфики актуальности, так и с точки зрения оценки результативности. Одни работы, авторы и целые направления более непосредственно включены в актуальный контекст познания и жизни общества, политики и науки, интеллектуальных, духовных, художественных и нравственных исканий своего времени – другие, наоборот, по крайней мере, представляются скорее вещью в себе, попыткой мыслить по возможности вне давления конкретного исторического времени и социально-политического пространства, преодолевая соблазны втянутости – что называется «не на злобу дня». Эти различия в степени актуализации можно обнаружить и в синхронном срезе (в сравнении разных философий и философов «своего времени»), и даже в наследии одного и того

же автора, работы которого школьная история философии легко относит к более актуальным или, наоборот, к более «фундаментальным». Хорошо просматриваются такие различия и в исторической асинхронии, в которой при желании можно обнаружить своего рода синусоидальные, маятниковые колебания между полюсами максимальной отстраненности и непосредственной втянутости, философического воспарения над бренной жизнью и страстного, заинтересованного погружения в нее.

Может показаться, что здесь есть противоречие с первоначально высказанной идеей универсальной актуальности философии. Однако это не так: просто в одних случаях ее актуальность бросается в глаза и культивируется, а в других остается скрытой и требующей для своего выявления специальных усилий. А иногда времени, исчисляемого годами, десятилетиями, веками. Как говорил герой одного популярнейшего в свое время фильма, причем именно про науку, идея должна созреть, ведь даже если собрать вместе девять беременных женщин, ребенок за месяц не родится. Самое острое в сюжете было то, что это говорили люди, время жизни которых после облучения измерялось едва ли не неделями.

Сюда же непосредственно примыкает и вовсе практическая проблема, связанная с поспешными попытками к тому, чтобы философию и социогуманитарные исследования встроить в те же форматы «объективной», формализованной, количественно фиксируемой и «бес-субъектно» исчисляемой оценки результативности, что уже (хотя и с разным успехом) применяются в точных и естественных науках.

Здесь сразу выявляется множество специфических и во многом решающих моментов, из-за которых такая оценка при механическом копировании естественнонаучных, негуманитарных форматов дает как раз не объективную, а чудовищно деформированную картину состояния нашей философии и гуманитаристики. Особенно это выражено применительно к российской ситуации, по целому ряду параметров не укладывающейся в стандартные схемы исчисления результативности. Об этом написано уже вполне достаточно, в том числе и в разных текстах настоящего издания, однако до сих пор эта критика не стала основой для принятия основательных управленческих решений, а главное, практически не осмыслены «морально-политические» последствия недоучета этой специфики. Если сегодня это лишь отчасти портит имидж

российской философии в глазах общества и власти, а также имидж российского философского и гуманитарного знания в мире, то завтра, если не провести необходимую коррекцию в понимании проблемы и в использовании «апробированных» методик, могут быть приняты глубоко ошибочные и крайне опасные управленческие и даже политические решения, последствия которых для ряда философских и гуманитарных отраслей могут оказаться фатальными и необратимыми.

Может показаться, что эта проблема философской и гуманитарной библиометрии сугубо техническая, решаемая на уровне методики (даже не методологии) и уж во всяком случае не связанная с таким фундаментальным предметом, как актуальность философии в историческом, интеллектуальном и социально-политическом измерении (то есть с тем, о чем говорилось в начале данной статьи). Однако это не так: чтобы оценивать результативность философских и социогуманитарных исследований в целях мониторинга работы и принятия управленческих решений, необходимо предварительно составить хоть сколько-нибудь корректное представление о том, что такое философский «результат», в чем именно, когда и как он проявляется и что служит для него необходимым контекстом, порождающей средой. В противном случае легко принять за результат конъюнктурные подделки и при этом проглядеть, а то и вовсе загубить результат подлинный.

* * *

Оценка результата в философии (или, как сейчас приходится выражаться «результативности философских исследований») средствами, обычными для других сфер интеллектуальной деятельности, существенно затруднена. Разумеется, каждая сфера имеет свою специфику и, возможно, критерии оценки каждый раз должны уточняться. Тем не менее, философия в этом отношении выделяется среди всех других областей знаний. Если она и не «царица наук», как думали одно время, тем не менее, она охватывает познание в такой широте и предельности, которые имеют отношение ко всем его формам. Результат в философии, таким образом, сам является самостоятельным предметом анализа.

Проще всего сослаться на уже упоминавшийся временной лаг, который в философии по факту и по определению существенно, а иногда и на порядок больше, чем в обычной науке, в позитивном или даже в социогуманитарном знании. Философ нечто открывает, но и его самого (идею, работу, направление) еще должны открыть в философии и прочих связанных науках, отраслях деятельности и т. п. Даже когда кажется, что философ работает непосредственно с предметом исследования, он всегда одновременно работает и с другими философами и философиями. Тема интеллектуального саморазвития, самодвижения мысли вообще одна из основополагающих в философии. Есть даже точка зрения, согласно которой философы вообще говорят все время об одном, решают одни и те же вопросы и лишь создают для этого разные «машины мышления», о которых говорилось выше. В таких случаях и вовсе проблематично выявить «результат» сразу и без скрупулезного, специализированного анализа.

Когда в последнее время только начали вводить более регулярную, формализованную и развернутую отчетность, многие сотрудники, в том числе вполне признанные философским сообществом в качестве безусловных авторитетов высшего уровня, испытывали затруднения при заполнении граф, в которых надо было в двух-трех фразах сформулировать «достигнутый результат». Поначалу они нередко практически повторяли формулировки планов научной работы, лишь меняя модальность времени: писали не «планируется исследовать», а «исследовалось». Понятно, что это был не вполне ожидаемый язык, поскольку предполагалось, что отчитывающийся должен писать не о том, что он исследовал, а какие именно содержательные результаты в данном исследовании получены. Проще всего это свести к проблеме отсутствия определенного рода административного навыка. И тогда тут особенно нечего обсуждать, тем более что довольно скоро философы, будучи, как правило, людьми с достаточно развитым интеллектом и не чуждыми навыкам письма, освоили этот язык и теперь заполняют формуляры регулярной отчетности без особых затруднений. Но можно увидеть здесь и более глубокую проблему – проблему понимания, что есть результат в философии как таковой, в чем его специфика. Может ли этот результат быть сформулирован по аналогии с обычной наукой – если говорить всерьез, а не на уровне формальных

отчетов, в которых есть своя управленческая польза, но которые схватывают лишь первое приближение к истинному понятию философского результата.

В качестве иллюстрации можно привести простой мысленный эксперимент: Платона ставят перед необходимостью в трех фразах изложить научный результат какого-нибудь из его диалогов, причем не в модальности «исследовалось», а именно в модальности «было выявлено». Скорее всего, сначала он все же написал бы о том, что обсуждалось, потом, после объяснений, скрепя сердце переписал бы в модальности «выявлено» (если не вытолкал бы сразу взащей), но зато потом, уже в приватном диалоге с Сократом, посетовал бы на то, что спрашивающие совершенно не понимают природы философского мышления, его сути, особенностей движения философской мысли. Платон в данном отношении особенно выразительный пример, поскольку в его произведениях, в частности, в сократических диалогах, результат состоит как раз в отсутствии результата, в том, что в них развенчиваются поверхностные, ходячие представления об обсуждаемом предмете.

Все это вовсе не отменяет схем признания и интеллектуальной раскрутки философских работ и концепций, аналогичных или почти аналогичных тем, что работают в позитивной науке. Речь, однако, о том, что в философии постоянно возникают ситуации, в стандартную схему признания и раскрутки не укладывающиеся. Можно даже с оговорками согласиться, что в ряде разделов философии, там, где интеллектуальная процедура более формализована, действуют почти стандартные «машины признания», однако и тут периодически возникают исключения из правил, причем такие, что по своей реальной и развернутой во времени результативности ничуть не уступают сразу и количественно признанным работам, а то и превосходят их.

Так, например, основное сочинение Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» было опубликовано безгонорарно тиражом в 800 экземпляров, но за полтора года было продано сто экземпляров, и издатель, оставив 50 экземпляров, пустил остальной тираж под нож. Философу пришлось ждать признания более 30 лет. Но после этого уже около 150 лет он является одним из самых публикуемых и читаемых авторов, в том числе (и даже в особенности) в России. И хотя близкие примеры, как

уже отмечалось, есть и в истории науки, но все же здесь философия скорее более похожа на искусство, а именно не некоторые особенно яркие сюжеты. Вот один из примеров, признанных классическими: «Ян Вермеер, который считается сегодня самым выдающимся голландским живописцем, при жизни был гораздо менее почитаем. Французский аристократ Балтазар де Монкони в 1663 году писал в своем дневнике: “Я был представлен художнику Вермееру в Делфте, но тот не имел в своем доме ни одной собственной картины. Мы, однако, обнаружили одну у пекаря, который купил эту работу за сотню ливров. Я же думаю, что и шесть пистолетов было бы слишком высокой ценой”. В наше время к большинству его произведений все чаще добавляют эпитет “бесценный”» (http://weekend.ria.ru/art/20121103/777117112.html?utm_medium=adnews&utm_source=www.vedomosti.ru&utm_campaign=adnews_campaign_134&utm_content=adnews_399570).

Таким образом, в философии, как и в других формах культуры (особенно художественной), не всегда существует прямая корреляция между прижизненным признанием и посмертной славой. А нередко эта связь является даже обратно пропорциональной. Это подтверждается многочисленными примерами, когда философы и философские учения десятилетиями ожидают внимания и оценки, которых они заслуживают. Не менее показательны и противоположные случаи, когда широко популярные, признанные имена оказываются со временем забытыми. Философия не входит в число областей знания, отмеченных Нобелевскими премиями. Но философы, тем не менее, их получают, хотя и редко, в качестве литераторов. Первым среди них был Р.Эйкен, получивший в 1908 г. Нобелевскую премию по литературе (хотя он в отличие от Камю и Сартра, тоже ставших позже Нобелевскими лауреатами, писателем не был). В те годы популярность и рейтинг Эйкена были необычайно высоки, намного выше, чем, например, живших в те же годы и уже создавших свои основные произведения Дильтея, Гуссерля. Но сегодня, в отличие от последних, идеи которых находятся в центре гуманитарных дискуссий, его имя мало кому известно за пределами узких специалистов по истории философии. Словом, говоря об оценке веса трудов и имен в философии, нельзя забывать, что в ней запоздалое признание соседствует и в какой-то мере компенсируется быстрым забвением.

Это вовсе не такое уж неповторимое явление в культуре. В свое время были проведены эконометрические исследования в области киноискусства, выявившие закономерность: если замерять не мгновенный результат, а достаточно длительный период, то наиболее экономичными и рентабельными оказываются... фильмы сложные, относящиеся к кинематографической элите, к высокому стилю, и вовсе не рассчитанные на массовую популярность. Хиты могут срывать бешеные прибыли, но потом сходят с экранов, в то время как элитарные шедевры продолжают десятилетиями транслироваться в малых залах, со временем по доходности опережая проходящие кинематографические сенсации.

С этой точки зрения стандартные оценки философии по оперативно замеряемой цитируемости и т. п. неизбежно приводили бы к тому же эффекту, как если бы классиков философии оценивали по количеству ссылок, которых они достаивались у своих современников. Или как если бы гениев кинематографа оценивали по доходности проката в режиме обычной синемаэкономики.

На это можно возразить тем, что стандартные методы ориентированы не на оценку уникальных явлений, а на «усредненную оценку усредненного». Однако здесь есть, как минимум, два решающих момента.

Во-первых, в этом случае необходимо так выстроить процедуру оценки результативности исследований, чтобы статистическое «усреднение усредненного» занимало положенное ему место, не претендовало бы на большее и оставляло бы открытое поле возможностей использования традиционных для философии куда более сложных и длительных процедур оценки – и прежде всего не количественных, а качественных.

Во-вторых, необходимо также учитывать живую взаимосвязь уникальных, классических работ с общим интеллектуальным контекстом времени и места. В футболе известно, что сборные сильны, если мячами стучат во дворах (если конечно не рассчитывать на базу из легионеров). То же и в науке: если у вас есть десять высокопродуктивных исследователей на сотню средне- и малопродуктивных, то наивно рассчитывать, что проблема решается арифметически, простым вычитанием. Если сократить «лишних», оставив десяток продуктивных, то довольно быстро мы получим ровно ту же пропорцию: один лидер на девять посредственностей. Как показывают

эмпирические наблюдения, среда, в которой и из которой вырастают философские таланты и гении, по объему на порядки больше числа выдающихся мыслителей. Так обстояло дело с самого начала, не только в современном массовом обществе. К примеру, дошедшая до нас из древнегреческой эпохи книга Диогена Лаэртского, обобщающая жизнь и учения философов, содержит более тысячи имен, из которых в современных учебниках осталось и в канон философского образования вошло несколько десятков. Любопытно заметить, что вполне сопоставимой будет пропорция всего набора имен отечественных философов нашего времени, представленных, например, в известном словаре П.Алексеева, с именами тех, чье творчество оставило след в теории и хотя бы на поколение пережило их самих.

Проблема среды и контекста в философии важна не меньше, чем в науке, а часто и больше. Философия в своих высших достижениях, как и любое интеллектуальное и художественное творчество, – дело индивидуальное. Большой редкостью являются работы даже среднего уровня, написанные двумя авторами. Но философы не являются одиночками, они всегда окружены собеседниками, учениками, оппонентами. Более того, они очень часто появляются кластерами, как это было, например, в Древних Афинах в V–IV вв. до н. э., в Италии эпохи Возрождения, во Франции в 18 веке, в Германии в XVIII–XIX вв. Эта эмпирически фиксируемая закономерность подтверждается и в случае России, если взять два плодотворных этапа её философского развития – религиозную философию школы В. Соловьева (конец XIX – начало XX вв.) или, например, гуманистическую философию второй половины XX в. (А.А.Зиновьева, Э.В.Ильенкова и др).

* * *

Естественно предположить, что за необходимыми различиями в методах оценок стоят разные отношения к жанрам и уровням философствования, разные этические схемы (этикеты) интеллектуального сообщества и, более того, разные установки, разные модели философствования. Самое простое связано с правилами и традициями цитирования, оставления ссылок – формирования «научного аппарата».

Советская философия в соответствии с идеологическими установками традиционно поддерживала в философии культ научности. Кстати, она так и называлась: «научная философия». В этой модели не только курсовые и дипломные работы, рефераты и диссертации, но также все статьи и книги оформлялись в соответствии со строгими стандартами научной формы. Это в свое время сыграло положительную роль, поскольку советская философия, при всей идеологической ангажированности ряда ее разделов, существенно повысила общую философскую культуру, в том числе и касательно техник оформления исследований. Можно даже сказать, что именно в советский период в России (в СССР) возникла в полной мере профессиональная философия, более или менее эмансипированная от прочих интеллектуальных профилей, в частности от литературы и истории, от общественно-политической публицистики и т.п. Возникла философская школа во всех смыслах этого понятия, начиная с институтов и практик преподавания и заканчивая формированием ученичества, линий преемственности, традиций наследования, не говоря уже о нормах представления и оформления результатов.

Однако здесь были и свои проблемы. Если бы нынешняя библиометрия взялась индексировать эти массивы ссылок и цитирования, ей пришлось бы сначала выделить, как-то оценить и скорее всего, элиминировать целый корпус обязательных, ритуальных и сугубо формальных ссылок на основоположников и классиков, на партийные документы, а частично и на работы политически значимых авторитетов.

Вместе с тем, советская философия в свое время практически закрыла особые жанры философствования, которые менее подчиняются форматам строгой научности, а то и вовсе им не подчиняются: письмо на грани философии и истории, философии и литературы, свободную философскую эссеистику, публицистику и т.п. (популярное изложение штампов «научной» философии и идеологической конъюнктуры не в счет). Кстати, надо признать, что эти более литературные жанры как раз и представляли цвет дореволюционной русской философии, временно почти забытой в официальном философствовании советского периода (за исключением считавшихся философами классиков высокой отечественной литературы, таких как Толстой или Достоевский, или представите-

лей революционной публицистики), а теперь реабилитированной, вновь введенной в философский и научный обиход и ставшей лидирующей по тиражам, обращениям и тому же цитированию.

Соответственно, сейчас возрождаются и сами эти жанры философского письма. Этот корпус текстов и связанных с ним работ как объект формального анализа стандартным методам библиометрии вряд ли в полной мере соответствует. Но тогда необходимы и соответствующие коррективы, которые позволяли бы учитывать такого рода жанровую специфику.

Кроме того, и в классической и в современной мировой философии «научной» ориентации использование аппарата тоже бывает весьма разным. Иными словами, это может быть проблемой даже не жанра, а «всего лишь» исторически сложившегося национального стиля письма, в свою очередь распадающегося на индивидуальные стили. Достаточно, например, сравнить научные аппараты книг и статей отечественных и западных авторов, чтобы увидеть огромную разницу: аппарат западных авторов (скажем, немецких профессоров), как правило, многократно больше. Это отчасти связано и с традициями образования: немецкая традиция предполагает, что профессор читает заранее подготовленный и написанный им текст, в то время как российская аудитория предпочитает свободную устную импровизацию и лектор, если он будет вести себя на манер немецких профессоров, заранее обречен на провал. В нашей традиции уже само словосочетание «читать по бумажке» заключает в себе негативный смысл.

Это интересный момент, заслуживающий отдельного рассуждения. В позитивной науке, где работают гигантские внутренне взаимосвязанные исследовательские мегамашины, как правило, глобальные, усредненное цитирование при аккуратном анализе дает свои результаты. Однако при этом менее важны векторы упоминаний, ссылок и цитирования: кто на кого ссылается. В философии же практически не важно, сколько исследователей ссылаются, скажем, на Хайдеггера (с ним и так все ясно), но было бы чрезвычайно полезно выявить круг имен, на которые ссылается сам Хайдеггер. Здесь иерархия авторитетов и репутация формируется скорее так, а не наоборот. Но даже в этом случае пришлось бы корректировать стандартные методики, поскольку сам Хайдеггер, как и многие другие классики вполне современной философии, обыч-

ным аппаратом практически не пользуется, что ни в коей мере не снижает уровня интеллектуальной строгости такого рода философской работы. Здесь есть скрытые ссылки, предполагающие почти автоматическое понимание у подготовленной аудитории, но не у специалистов в стандартной библиометрии.

Необходимо также учитывать и целый ряд других жанровых особенностей философской литературы. Например, в философии, в отличие от науки в обычном смысле слова, цитирование может быть и вовсе не связанным с наследованием строгих концептуальных линий. Цитирование и ссылочный аппарат в науке обычно означают признание авторитета и опору на предыдущий результат, что и фиксируется библиометрической статистикой. В философии же цитата вполне законно может быть сугубо фрагментарной, означающей вовсе не наследование или признание исследовательской линии, а простое использование локального фрагмента, обрывка материала, наконец, просто удачного, выразительного, яркого высказывания. При этом использующий данный локальный фрагмент может вовсе не соглашаться с общей концепцией источника цитаты, может быть даже резким оппонентом данной концепции.

Еще в большей степени эта проблема проявляется в актуальной философии там, где ее работа связана более непосредственно с жизнью общества, например, с общественно-политической практикой. В науке как таковой, в особенности в точных и естественных науках, ссылочный аппарат, как правило, отражает позитивную преемственность. И даже в случае полемики, при необходимости опровержения критика здесь является признанием: то, что заслуживает критики, уже результат, опровержение позиции или опыта – тоже позитив. Однако, например, в общественно-политической философии все может быть ровно наоборот, о чем в дальнейшем будет сказано специально и подробнее.

* * *

Ко всему сказанному выше следует добавить изменение предмета философии, её места в системе знания и в обществе, что, разумеется, ведет к новому пониманию результата в философии. В первую очередь, сегодня важно учесть, что с момента входа в

ситуацию постмодерна поставлен (и не снят) вопрос о возможном изменении самого формата философии как таковой и в ее взаимоотношении с актуальным контекстом. Здесь достаточно сослаться на Ж-Ф. Лиотара, показавшего плотные переплетения знания и власти, эпистемологического и политического. Согласно одной из наиболее сильных постсовременных версий такого изменения формата философской работы (Р.Рорти), философия в прежнем, самодостаточном и системосозидающем формате едва ли не обречена (как и религия) на исчезновение: она уступает место специально отрефлектированной деятельности по «смазыванию поверхностей». В самом деле, согласно этим представлениям, не исключено, что для философии конца XX – начала XXI в. все менее актуальной и все более спорной становится задача достраивания знания до его интеллигибельной полноты и завершенности, до идеала универсализма. Но при этом все более насущной становится задача снижения непродуктивного трения между наукой и политикой, властью и культурой, государством и обществом, политической, интеллектуальной и деловой средой и т. д. и т. п., вплоть до минимизации опасных зазоров между временами, цивилизациями и культурами. Тем самым по-новому встает вопрос о соотношении, критической и конструктивной функции философии. Такую позицию можно не разделять и оспаривать, можно принимать или не принимать более сильные или, наоборот, более слабые ее версии, но в любом случае приходится признать, что в ней есть и понятная, по своему изящная профессиональная установка, и очевидная связь с многими новейшими реалиями интеллектуальной ситуации и деятельности.

Далее, приходится учитывать особенности постнеклассической ситуации для всякого рода знания, включая философское и социогуманитарное. Как уже отмечалось, в отличие от науки классического и даже неклассического периодов, постнеклассическая наука все более утрачивает статус «священной коровы», оказываясь перед необходимостью специально, на регулярной основе протраивать свои взаимоотношения с обществом, по большому счету – с человечеством. Ей приходится доказывать, что гигантские средства, которые вкладываются в современную науку, идут не просто на удовлетворение исследовательского любопытства ученых, но и приносят результат – пусть даже бо-

лее или менее опосредованный и отдаленный. Одновременно, приходится доказывать, что риски, которыми чреваты исследования и в особенности утилизации их результатов, не так фатальны, что они контролируемы и оправданы пользой. Например, для ЦЕРНа это уже реальная проблема обоснования всей этой беспрецедентной мировой складчины. Казалось, что проблем с обоснованием своей нужности меньше у наук биомедицинского цикла, однако и там быстро обозначился целый комплекс «засад» биоэтического плана. Философские и социогуманитарные исследования, на первый взгляд, менее подвержены этим претензиям, поскольку обходятся обществу на порядки дешевле современной микрофизики или молекулярной биологии, однако и здесь эта проблема не только существует, но и обостряется. Пока у власти хватает интуитивного понимания, что даже ради экономии резко сокращать, а тем более прикрывать фронт гуманитарных исследований нельзя – хотя бы из соображений косыгинского выражения, что это также бессмысленно, как «стричь свинью»: шерсти мало, а визгу много. И в то же время приходится констатировать дефицит позитивного плана – отчетливого понимания того, зачем все это философствование вкупе с гуманитаристикой нужно кому-то, кроме самих философов и гуманитариев. Хотя, надо признать, что сам факт того, что это нужно самим философам и гуманитариям и что всегда имеется достаточно людей с ярко выраженным интересом к этим занятиям, могло бы и должно было бы стать достаточным оправданием и их существования, и их поддержки со стороны государства. Отсюда, в частности, вполне конкретные и операциональные установки на то, чтобы максимально «оптимизировать» процесс, сначала отработав механизмы «объективной», формализованной, машинизированной оценки результативности такого рода исследований, а затем и найдя своё место, минимизировав то, что является якобы «лишним», работающим на себя, а не на результат и актуального смысла не имеет.

Словом, философия, как в определенной мере и вообще фундаментальная наука, оказывается в ситуации, когда она, будучи и оставаясь профессиональным (не публичным) занятием в то же время попадает в зависимость от мнений и решений людей, которые могут судить о ней лишь со стороны и дилетантски, без до-

статочных компетенций. И это – не результат злой воли (хотя, возможно, и злой воли здесь хватает), а неких объективных процессов современного общественного развития.

Философская работа в свете того нового образа и общественного статуса этого рода деятельности, которые задаются в перспективе интеллектуальных и практических опытов постмодерна, разумеется, тоже может быть измерена формализованными количественными методами, но совершенно очевидно, что это должны быть совершенно иные методики, чем привычное цитирование в элитарных журналах, и сама методика их исчисления должна быть другой. Здесь скорее следует говорить о представленности не в топжурналах, а в СМИ и социальных сетях и о том, чтобы определить меру такой представленности, которая с точки зрения интересующего нас вопроса о критериях результативности философско-гуманитарной науки может быть не только недостаточной, но и чрезмерной. В этом случае уже не будет работать принцип: чем больше – тем лучше.

В советское время, когда философия была служанкой идеологии и политики, практиковался эскейп, позволявший заниматься философией якобы свободно и непредвзято. Теперь это тоже осталось (мы «выше», мы не втянуты, а потому свободны). Такая позиция несомненно ущербна прежде всего ложной установкой, будто философия может замкнуться на саму себя, а социальное и гуманитарное знание может существовать вне мировоззренческого базиса, пусть даже непроговариваемого и непромысливаемого.

Социологические, политологические, политэкономические построения как бы без мировоззренческого базиса и вне конкретного философского контекста на основе старого лозунга, что наука сама себе философия, на самом деле воспроизводят мировоззренческие штампы недавнего времени, выдержанные, например, в духе упрощенного экономического детерминизма.

Парадокс состоит в том, что система оценок результативности философского труда на основе представленности в международно признанных академических топжурналах, не учитывает то, как философия представлена в публичном пространстве, в прямом обсуждении злободневных мировоззренческих проблем, и тем самым ориентирует её на самоизоляцию от общества, на такие «результаты», которые могут быть интересны только самим философам.

Все вышесказанное, не претендуя на полноту и окончательность, являясь обобщением темы лишь в первом приближении, тем не менее, показывает примерные объемы и многообразные ракурсы проблемы, отдельные (далеко не все) направления развертывания ее анализа. Но здесь уже выходят на первый план, казалось бы, простые, однако обычно «проглатываемые» вопросы об объеме, предмете и субъекте оценки результативности, а именно: что оценивается в качестве носителя результата, под каким углом зрения и кем именно? Эти вопросы имеют самое прямое отношение к «объективным», количественным, прежде всего библиометрическим методам такой оценки. Более того, именно здесь эти вопросы наиболее проявлены одновременно и как решающие, и как далеко не решенные.

Начнем с объекта, того, что является единицей учета. За такую принята статья в научном журнале. В какой мере статья может считаться адекватным показателем результативности в области философии?

Чтобы ответить на этот первый и решающий вопрос, необходимо провести одно существенное различие между философским исследованием и исследованием философии или, в другой терминологии, между философией и философствованием. Одно дело философы, которые открывают новые горизонты мысли, такие как Владимир Соловьев, Гуссерль, Сартр, Бахтин, Лосев и др., и другое – специалисты, исследующие их творчество, огромное число которых с трудом поддается учету, а их продукция по объему в тысячу, в десятки и сотни тысяч раз превосходит то, что написали их герои. Здесь приблизительно такая же разница между писателями и литературоведами, как, например, между Пушкиным и пушкиноведами. Более или менее объективному учету, контролю, стимулированию поддается труд исследователей в области философии, научных работников – не тех, кто создает философию, а тех, кто изучает, анализирует то, что уже создано. И здесь статья может служить показателем. Хотя и в этом случае существует целый ряд ограничений. Во-первых, даже для тех, кто исследует творения философов, статья, как правило, является фрагментом большого труда и не всегда имеется возможность выделить этот фрагмент

из целого произведения до его завершения. Во-вторых, в случае философии не всегда легко провести различие между творцами (мыслителями) и научными работниками, так как в последние полтора-два столетия философия развивается по преимуществу в институциональных формах (университетах и исследовательских институтах). Философы являются также научными работниками (преподавателями, сотрудниками НИИ) и только время выделяет их из общей массы людей, занятых в области философии. А одна из особенностей «философов с большой буквы» состоит в том, что они не любят писать статей (о чем ниже), и не любят цитировать других, а если цитируют, то, как правило, великих предшественников, но не современников. С учетом этих ограничений можно сказать, что статья в доброкачественном научном журнале является показателем успешной работы её автора и вполне может быть засчитана как её результат. Но из этого не следует, что те научные работники, которые не имеют таких статей в какой-то большой (исчисляемый годами) отрезок времени, на основании одного этого критерия могут и должны быть оценены негативно. Даже если взять близкий нам, запечатленный в живой памяти опыт, то мы видим, что многие, уже признанные в своих творческих результатах мыслители, такие как Г.С.Батищев, Б.А.Грушин, Э.В.Ильенков, М.К.Петров и др. по формальным (количественно исчисляемым «статейным» критериям оценки) отнюдь не были передовиками. М.К.Мамардашвили здесь оказался бы и вовсе двоечником.

Для философа показательной единицей успешности творчества является прежде всего книга – цельное исследование, которое по формату и характеру не уместается ни в жанр, ни в размер статьи. Это относится в какой-то мере также к научным работникам в области философии (рядовым сотрудникам НИИ и преподавателям) и в полной мере относится к философам с большой буквы, претендующим на идейный прорыв, на новое слово по фундаментальным философским проблемам. Несомненный факт состоит в том, что статья не делает философа. Даже за последние 100-150 лет, когда получили достаточно широкое распространение профессиональные журналы, практически не было случая, чтобы философ получил имя и признание благодаря статье – в основном только благодаря книгам. Этим философы и гуманитарии в целом отличаются от современных ученых в области математики и естественных наук. За

каждым великим и даже просто широко известным философом стоит книга (а чаще всего ряд книг): за Гуссерлем – «Логические исследования», за Витгенштейном – «Логико-философский трактат», за Соловьевым – «Оправдание добра», за Хайдеггером – «Бытие и время», за Сартром – «Бытие и ничто», за Лосевым «Диалектика мифа» и «История античной эстетики», за Адорно – «Негативная диалектика» и т. д. Одна из важных и ближайших задач количественных замеров результативности в области философии и, возможно, других гуманитарных наук, состоит в том, чтобы разработать методiku количественно-качественного описания и анализа книг.

Ещё один аспект недостаточности статьи в научном журнале в качестве основной единицы измерения философского труда состоит в следующем. Философия – не только академическое исследование, она ещё представляет собой диалог с обществом, который ведется не на узкопрофессиональной, а на публичной площадке. В этом случае на первый план выходят такие формы работы, как участие в общественно значимых дискуссиях, активность в СМИ, систематизация философских знаний (словари, энциклопедии, учебники). Как уже отмечалось выше, философско-гуманитарная наука как раз в той части, в какой она прямо выходит в политику, в образование, в публицистику, в другие формы практической жизни, оказывается актуальной и востребованной в самом непосредственном смысле – именно в этой части она вовсе не включается в академические выборы, выпадает из подсчетов и рейтингов.

Одним из критериев общественной значимости философии всегда был и остается интерес, проявляемый к ней за пределами узкопрофессиональной среды. Поэтому очень важно при оценке философских имен и трудов учитывать степень их представленности, а тем самым и влияния, которое они оказывают на общественное сознание и на другие области знания (последнее следует подчеркнуть особо: когда на философа ссылаются представители других наук, это может значить даже больше, чем признание в собственно философском экспертном сообществе). Количественные замеры в данном случае также возможны и они, по-видимому, могут быть связаны с тиражами книг и изданий.

Отдельным вопросом является репрезентативность научных журналов, подлежащих учету. Этот вопрос основательно исследован в статьях Н.В.Мотрошиловой, в которых выявлены имею-

щиеся в этом вопросе деформации и несправедливости. Поддерживая и развивая сделанные ею выводы, следует особо отметить два момента: абсолютный приоритет отдан журналам на языках латинского алфавита и количество представленных журналов не соотносено с числом специалистов, институционально и профессионально работающих в области философии.

Все это касается объекта оценки. Ещё сложнее обстоит дело с предметом. Что такое результат в философии? И вопрос не только в том, что в философии критерии значимости иные, чем в других науках, что у неё своя собственная строгость, которая носит более логический и исторический, чем фактический характер. Отдельная, единственная в своем роде проблема состоит в том, что философия существует в многообразии различных учений, дающих разные ответы на один и тот же вопрос, в ней могут быть равно значимыми научные традиции и результаты, которые отрицают друг друга. Достаточно назвать такие имена как Рорти и Хабермас, а если взять отечественную мысль, то уже называвшихся Зиновьева и Ильенкова, которые по-разному понимают саму философию и её место в обществе.

Для многих случаев вопрос о результате оказывается трудным даже в чисто техническом аспекте. Бывает, что книга фундаментальная, а ее «результат» в кратком изложении, тем более в нескольких отчетных формулах не упаковывается в принципе (в отличие от точных наук, где есть вывод, формула открытия, а остальное – доказательства, обоснования, подтверждение – верификация). Ещё более разительный пример, когда специалист реализует многолетний, часто растягивающийся на всю жизнь проект по переводу и комментированию классических текстов: в этом случае результат «всего лишь» состоит в том, что специалист точно перевел и откомментировал какое-то произведение или его часть. Зная, сколь разными по трудности могут быть тексты и в каком состоянии находятся источники, никто не может определить в этой работе какие-то общие и строго формализованные нормы.

Не менее важно учитывать, кому предназначается тот или иной результат, для кого он представляет актуальность – для общества в целом, для тех или иных управленческих структур, для смежных специальностей, вообще для читающей публики, для самого

философского цеха или для какой-то предельно узкой сферы внутри философии (как, например, нередкие в нашей среде споры по поводу точности русского перевода того или иного философского термина зарубежного автора). Все это – результаты, каждый из которых по-своему важен, но которые при этом различны и требуют различных способов исчисления.

Также необходимо выявление удельного веса различных форм (уровней) результативности, а быть может даже выстраивание их иерархии. В любом случае, на наш взгляд, базовой должна быть оценка в рамках профессионального сообщества и по его критериям. Общая мысль состоит здесь в том, что истинную ценность философского труда могут оценить только философы, хотя, разумеется, получить более или менее точно выявленное мнение философского сообщества – дело совсем непростое и уж точно не одноактное.

Это вплотную подводит нас к вопросу о том, кто оценивает. Этот вопрос является, пожалуй, самым сложным, ибо здесь трудности понимания дополняются, переплетаются с интересами людей и ведомств. Здесь как минимум два момента представляются самыми злободневными. Первый связан с тем, насколько те, кто осуществляет библиометрический анализ, нейтральны по отношению к тому, что они измеряют, и существует ли в данном деле достаточная конкурентная среда, являющаяся какой-то гарантией объективности получаемых результатов, совершенствования методик в целях такой объективности. Второй момент касается вопроса о том, кто, как и в каких целях использует библиометрию: рассматривается ли она как подручное средство или как основной критерий оценки, является ли элементом управленческого механизма или элементом самоанализа профессионального сообщества.

Еще один трудный, и злободневный вопрос, связанный с субъектом оценки, состоит в том, чтобы получаемые библиометрией количественные показатели дополнить качественными характеристиками экспертного сообщества. И в этом случае необходимы строгие методики, ибо и экспертные оценки также могут быть односторонними, субъективными, искажающими реальную картину.

Итак, мы попытались показать, как не самые удачные попытки применения новых методов оценки результативности выводят на старые и гораздо более общие, фундаментальные проблемы. Поэтому необходимо не только совершенствовать методики, не форсируя их внедрения в управленческую практику, пока не будут обеспечены адекватные условия сбора и обработки информации, но и прорабатывать всю совокупность и контекст связанных с этим проблем, в том числе требующих осмысления спецификой философского и социогуманитарного знания в целом и на современном этапе в особенности. Суммируя предварительный обзор проблемы, можно предложить для дальнейшего обсуждения и разработки следующие тезисы.

– Вопрос о критериях результативности философского, как и в целом научного труда – не чиновничий вопрос (таким он становится лишь во вторую очередь); прежде всего он является вопросом самосознания и самоорганизации научного (в нашем случае философского) сообщества, показателем его дееспособности.

– Результативность философских исследований не задаётся извне, она вырабатывается в ходе специального изучения процесса развития и современного состояния мировой и отечественной философской мысли; при этом нельзя ограничиваться общим понятием результата в философии (в отличие от других областей знания), его необходимо конкретизировать применительно к различным уровням (аспектам) философии, жанрам философского творчества.

– Принятая в настоящее время система рейтингования на основе статей и цитирования в топжурналах имеет ряд существенных недостатков, связанных с отбором журналов, а также с тем, что не учитываются особенности цитирования в философских текстах. Но даже свободная от этих недостатков, такая процедура не является основополагающей для оценки философского труда. Позволяя в некоторой степени судить о качестве текстов и профессиональном уровне исследователей, которые представлены в данной системе, она не может рассматриваться в качестве критерия негативной оценки тех, кто в неё не попал.

– Основной единицей оценки философского труда является книга (развернутое исследование, выходящее за рамки жанра и формата статьи). Необходимо ставить вопрос об идентификации философской книги, о её жанрах, критериях определения профессионального качества и общественной востребованности, ответственности автора, философских институций, издательств и т. д.

– Особым для философии и других гуманитарных наук является вопрос о представленности в публичном пространстве (за пределами собственно академического сообщества), что несомненно является одним из важных показателей их общественной значимости. Речь идет о прямом участии философов в такого рода процессах и о непосредственном воздействии философских идей на политику, образование, управление, человеческую повседневность, другие сферы жизни, осуществляемом через общедоступные средства информации, дискуссии и другие формы общественной активности. Существующие на сегодняшний день рейтинги и практикуемые в академической среде показатели эффективности научных работ практически не учитывают этот аспект.

– Философия связана с естественным языком и укреплена в национальных традициях интеллектуальной жизни, поэтому её следует оценивать, прежде всего и по преимуществу в контексте национальной жизни; в этом отношении она ближе к литературе, чем к точным наукам. Во всяком случае конкурентоспособность отечественной философии не может измеряться экспортным спросом на неё. Ни представленность в международных журналах, ни переводы на иностранные языки не могут считаться достаточными показателями этого (хотя, разумеется, и то, и другое сами по себе важно). Более адекватным и информативным с точки зрения сравнительной оценки является, например, спрос на зарубежную и отечественную философскую литературу в пространстве русского языка (по аналогии с тем, как посещаемость отечественных и зарубежных кинофильмов, рассматривается в качестве сравнительного критерия их конкурентных возможностей).

Общий пафос наших размышлений состоит в том, что оценка философского труда должна способствовать развитию философии в её собственных форматах и традициях, не порождая при этом ажиотажного стремления работать на формально исчисляемый рейтинг.

Недоброкачественные сегменты наукометрии*

Наукометрия и библиометрический анализ как её часть в принципе не нуждаются в представлении и защите. Начиная с 60–70-х гг. XX в. эта дисциплинарно оформившаяся область знания, выраставшая из недр социологии науки, науковедения, постепенно заняла своё место в количественном (в основном) исследовании науки, а также получила то или иное практическое применение при разработке и осуществлении **science policy**, **политики государств** в отношении науки (не путать с научной политикой), при оценке результатов и динамики научно-исследовательской деятельности. Нет сомнения в том, что на этапах, когда особо затребована со стороны общества инновационная активность, как это происходит в России наших дней, значение науковедческой, в том числе наукометрической, информации существенно возрастает. (Затребованность со стороны общественного развития, что вполне понятно, не тождественна конкретной *востребованности*, которая зависит от определенных лиц и инстанций.) Затребованная информация тем более должна быть объективной, достоверной, доброкачественной, что в свою очередь предполагает строгую оценку состояния дел в данной области. Особенно это касается России, где положение более сложное, противоречивое, чем в других странах.

С одной стороны, Россия оказалась в числе стран, которые достаточно интенсивно осваивали зарубежный опыт теоретической и прикладной социологии науки, науковедения. Что касается на-

* Печатается по изд.: Вестн. Рос. акад. наук. 2011. №2. С. 134–146.

уко- и библиометрии, то еще в советское время данная сфера стала вполне профессионально развиваться у нас в стране [1–4]. Сейчас в ней работают авторитетные отечественные специалисты; имеются специальные периодические издания¹. С другой стороны, сколько-нибудь самостоятельной и единой *национальной системы* регулярного обчёта науки у нас долгое время не было – прежде всего из-за отсутствия заказа и финансовой поддержки со стороны государства, без чего эта довольно дорогостоящая и институционально разветвлённая деятельность не могла системно оформиться, тем более плодотворно развиваться. Предпринимаемые сейчас попытки изменить ситуацию пока не привели к существенным сдвигам. В подобном положении, правда, оказалась не только Россия, но и многие страны, если не их большинство.

К настоящему времени оперативно и масштабно организованные базы данных – по преимуществу, если не исключительно, американские – фактически сделались для всего мира основными источниками и «законодателями» количественно-эмпирических обследований науки. Их повсеместному использованию в немалой степени способствовало то, что некоторые сегменты статистических обчётов (в их числе сравнительные схемы и графики) были более или менее добротными, носили именно фактический характер и могли подвергаться проверкам и уточнениям. Так, обобщённая и сравнительная статистика науки по «валу» и по динамике (число исследователей и научных учреждений, финансовые вложения государства и бизнеса в развитие науки и т. п.), расчёты по отдельным странам, группам научных дисциплин, конкретным наукам в целом воспринимаются с доверием. Такая информация используется на разных уровнях как внутри науки, так и вне её, например, в конкретных сферах политики в отношении науки, тем более что все сравнения строятся на той статистике, которую предоставляют отдельные страны. В специальной наукометрической литературе, в том числе отечественной, степень доверия к целостной системе библиометрической информации и к её отдельным составляющим (например, к базе данных ISI Thomson Scientific, то есть к указателю цитирования **Science Citation Index**, а также к базам данных по со-

¹ В таких специализированных периодических изданиях, как «Науковедческие исследования» и альманах «Наука. Инновации. Образование» регулярно публикуются науко- и библиометрические работы.

циальным наукам – Social Science Citation Index или к ISI National Science Indicators, где делаются попытки оценить сравнительный вклад стран в развитие науки) [5] достаточно высокая. Насколько обоснованно это доверие, остаётся вопросом, разрешение которого в значительной степени зависит от области научных знаний.

Говоря о *критической ситуации*, сложившейся к настоящему времени, я далека от того, чтобы возлагать главную вину на Thomson Reuters Corp. и другие, в основном американские, фирмы, занимающие господствующее положение на рынке информационной наукометрии. Они, как правило, выполняют свою работу профессионально, открыто объявляя и соблюдая как правила игры, так и её неизбежные рамки и ограничения (например, то, что обсчитываются в основном журнальные публикации). Вместе с тем, как будет показано далее, воедино сплетается множество исторических данностей, предпосылок и следствий, которые «на выходе» способствуют, скорее, не отражению, а искажению количественных и тем более качественных параметров исследовательской деятельности учёных разных стран и различных специальностей. Понятно, что всю лавину информации, обрушивающейся на специалистов и потребителей, вряд ли возможно подвергнуть тщательной проверке. Вот почему за целые десятилетия основательная критическая работа, например, применительно к российской науке, здесь почти не проводилась.

И всё же сначала скажу о «хороших новостях» в отечественной наукометрии. В последнее десятилетие некоторые российские специалисты в данной области не просто обратили внимание на недостаточность исключительного и даже преимущественного использования – как основы для *качественных* оценок – базы данных корпорации Thomson Reuters Web of Science (WoS). Они всё чаще проводят в отношении российской науки собственные расчёты и существенно корректируют зарубежные данные. Показательными – наряду с публикациями И.В.Маршаковой-Шайкевич [6, 7] – являются, скажем, исследования новосибирских специалистов [8]. Они отмечают, в частности, что вопрос цитирования для учёных Сибирского отделения РАН (добавим: и не только для них) стоит очень остро. «Публикация в рейтинговых журналах существенно влияет на финансовые аспекты научной деятельности. Следует отметить, что применение зарубежных информационных ресурсов,

таких как БД **Web of Science (WoS)**, **Scopus** и др. для оценки российской науки имеет свою специфику. Количество российских изданий, учитываемых в БД, довольно ограничено. Эти базы страдают неполнотой некоторых полей и содержат ошибки постатейных списков литературы. Поэтому использовать индекс цитирования в качестве критерия оценки эффективности научного труда следует с осторожностью, подвергая количественные результаты смысловому анализу» [8, с. 127, 128]. Названные авторы опираются на данные WoS только тогда, когда они не содержат существенных (на целые порядки) отклонений от действительной картины развития той или иной области знания. В то же время сибирские специалисты по наукометрии делают свои подсчёты и выносят собственные оценки. (Кстати, они подтверждают внушительное преобладание научного вклада институтов Академии наук перед другими учреждениями того же или сходного профиля, что немаловажно в свете необоснованных нападков на РАН.)

Впечатляет также серия прекрасных исследований тамбовского специалиста по наукометрии В.М.Тютюника, касающихся нобелевских премий и их лауреатов. Полнота, тщательный отбор и анализ фактов, оригинальность подхода в работах этого автора удивительны. Хочется специально отметить то внимание, которое он проявляет к проблеме международного признания российских нобелевских лауреатов и академиков (на примере химии). Хотя В.М.Тютюник и опирался на данные, полученные в различных центрах мира, но уточнял и корректировал их в свете исследований, проведённых в руководимом им Международном информационном нобелевском центре (МИНЦ) в Тамбове. В этом центре на основе учёта и обобщения «более 20 соответствующих проблемно ориентированных баз данных» [9, с. 152] накоплен колоссальный объём сведений по нобелистике.

А вот теперь о «плохой новости»: в современной России (да и в других странах) мера бесконтрольного использования баз данных названных фирм, главным образом американских, остаётся огромной. Наблюдается к тому же тенденция, которая для оценки развития новой российской науки может стать поистине губительной. Отдельные авторы и институции, опираясь на базы данных частных фирм и организаций, которые завоевали господствующее положение на рынке наукометрических обчётов, в послед-

нее десятилетие возымели отнюдь не только количественные, а качественно-содержательные претензии. Например, в некоторых сегментах наукометрии эти авторы дают сравнительные или «абсолютные» оценки вклада, продуктивности, участия или неучастия учёных целых стран в международном дискурсе – как применительно к комплексам научных дисциплин, так и к отдельным наукам. Беда в том, что именно наиболее категоричные, а не взвешенные и доказательные оценки были услышаны в России теми ретивыми чиновниками, которые всё настойчивее предлагают сделать наукометрические подсчёты и «меритократические» оценки (относительно «вклада», «продуктивности» и т. д.) чуть ли не главными критериями в суждениях о результатах деятельности учёных и научных учреждений.

Сейчас вал подобного чиновного «новаторского» рвения буквально накатывает на отечественную науку. Это тем более опасно, что претендующие на универсальность количественные расчёты научной продуктивности становятся основанием для распределения финансовых средств, для сравнительной оценки деятельности научных учреждений и даже негативных выводов о самой целесообразности их существования (например, РАН и её институтов). А поскольку собственной единой и высокопрофессиональной национальной наукометрической *системы и службы* в России нет и в ближайшее время не предвидится, мы рискуем стать всего лишь покорными потребителями зарубежных построений. (О вновь созданной, находящейся в процессе становления структуре РИНЦ нужен специальный разговор.) Вот почему, как я думаю, настоятельно необходимо, чтобы работающие учёные, представляющие разные дисциплины и страны, предметно осмыслили, сколь релевантны их областям и качественным, содержательным аспектам тех или иных наук «данные», «результаты» и «оценки», получившие в настоящее время достаточно широкое хождение и вроде бы подкрепленные авторитетом наукометрии, выводы которой основываются на якобы «точных» базах данных. Кому же, как не самим учёным, оценить эти выводы с точки зрения соответствия или несоответствия реальному положению дел в их исследовательских областях.

Далее попытаюсь конкретно вникнуть в выкладки и оценки, относимые к той научной сфере, в которой сама работаю, то есть к философским наукам. Заранее скажу, что целый ряд известных

мне «расчётов» и «выводов» вызывает у меня сильные сомнения в их достоверности, соотнесённости с действительным положением дел. Изберу здесь в качестве примера конкретный аспект и акцент – международную публикационную активность отечественных философов первого десятилетия XXI в., а также отдельные наукометрические оценки их присутствия или отсутствия в международном философском дискурсе².

Вполне понятно, что не только для философии, но и для всей российской науки, особенно социогуманитарной, признание коллегами за рубежом – очень болезненная проблема. Истоки неблагоприятной для нас ситуации ясны. Она сложилась прежде всего как следствие многих объективных исторических обстоятельств: это языковые предпосылки – кириллица, повышающая трудность освоения русского языка; изоляционизм прежних десятилетий, марксистско-ленинская идеологизация социогуманитарных наук в советское время; сложившаяся среди зарубежных авторов практика не ссылаться даже на заинтересовавшие их публикации российских учёных, переведённые на иностранные языки³. (Особенно сложное и по многим причинам далеко не объективное дело – цитирование. Но это касается не только российских учёных и не только философов. А потому «критерий цитирования» если и принимается, то с серьёзными сомнениями и оговорками. Проблему именно цитирования и соответствующих индексов, проблему глубоко специальную, я здесь разбирать не буду.)

Совокупность указанных обстоятельств привела к тому, что отечественным учёным даже в новую историческую эпоху мало что помогает – при прочих равных достоинствах их работ – получить известность и признание в зарубежных странах. Поэтому существенные для россиян потери на этом пути почти неизбежны: если иностранные коллеги «замечают», цитируют публикации наших физиков, математиков, биологов и т. д. (тоже, как я догадываюсь, не в той мере, в какой они этого объективно заслуживают), то пока

² Будут использоваться данные Web of Science, а также новейшее отечественное исследование по этой теме [10].

³ К слову, даже применительно к советскому времени, не говоря уже о постсоветском периоде, это была и есть досадная асимметрия. Ибо наши философы, подобно другим специалистам в области социогуманитарных наук, несравненно лучше, чем их иностранные коллеги, знают и учитывают зарубежный исследовательский опыт.

остаётся лишь надеяться на адекватную, справедливую оценку за рубежом вклада наших учёных социогуманитарного профиля. Эту долговременную тенденцию по-своему фиксирует зарубежная, а за ней и отечественная наукометрия. Однако нынешний наш разговор будет о другом – о произошедших в последние десятилетия изменениях, об общей ситуации, когда нас всё же стали замечать, когда мы уже достаточно солидно представлены в международном дискурсе, и это по идее должно быть зафиксировано и по достоинству оценено, но в действительности замалчивается или даже существенно искажается из-за целой системы кривых зеркал и бездоказательных выводов.

Например, применительно к отечественной философии весьма ценным было то, что даже в исключительно сложных внутренних и внешних условиях второй половины 80-х и в 90-х гг. XX в. отечественная философия, освободившаяся от идеологической ограниченности и прочих социальных препятствий, вопреки всем неблагоприятным предпосылкам начала завоевывать международное признание. Добросовестные отечественные специалисты по наукометрии на основе тщательного анализа уже тогда отметили этот факт: «В философии Россия – писала И.Маршакова-Шайкевич, – занимает достойное место, её исследовательская активность на мировом уровне превышает аналогичные показатели таких развитых западных стран, как Франция и Италия» [6, с. 149].

В последнее же десятилетие отечественная философия развивалась так, что с точки зрения её международного «присутствия» и признания совершила довольно быстрое и качественное продвижение вперёд (подробные доказательства будут приведены ниже). А вот в зарубежных, отчасти и в российских, науко- и библиометрических показателях и оценках это продвижение не только не получило адекватного отражения, но было количественно и качественно искажено. Количественно документируемый прорыв, с такими трудностями, но объективно осуществлённый сообществом отечественных философов, подтверждаемый и признанный непредвзятыми авторитетными зарубежными коллегами, тем самым оказывается скрытым за очередным «железным занавесом», на этот раз созданным не в политике, идеологии, а внутри самой «науки о науке»! (Кстати, становится ясно, что пресловутый «железный занавес» творился не только в СССР: к его созданию сильно

причастны и те, кто находился и сейчас находится с другой его стороны. Одно хорошо: этот занавес отнюдь не был монолитным; в нем имелось немало дыр и брешей.)

Думаю, сказанное относится и к другим социогуманитарным дисциплинам. Постараюсь далее показать, с помощью каких средств такое искажение регулярно осуществляется в отношении современной отечественной философии.

Система кривых зеркал

Понятно, что вся система подсчётов в наукометрии, как и в других дисциплинах, зависит от источников, на которые опираются в данной области. Авторы, пишущие об этом, согласно констатируют: «Анализ числа журнальных публикаций и уровня их цитируемости чаще всего проводится на материалах базы данных Web of Science (WoS), принадлежащей ныне компании Thomson Reuters Corporation» [10, с. 3]⁴.

В самом деле, отсылки именно к базам данных WoS повсеместны не только в наукометрии, но и вообще в литературе о науке. Следует, однако, учитывать, что WoS работает преимущественно с журнальными публикациями, а это применительно к социогуманитарным дисциплинам изначально определяет ограниченную значимость получаемых данных и выводов. Правда, охват используемых базами WoS журналов солидный (в настоящее время). Но поскольку эти базы включают очень большое количество научных дисциплин, постольку даже на каждую группу наук приходится ограниченное число «референтных» зарубежных, как правило, интернациональных журналов, из которых именно Thomson Corporation осуществляет свой отбор. Итак, главный исходный для наукометрии факт состоит в том, что пирамида заключений и выводов покоится главным образом на деятельности Thomson Corporation с её системой Web of Science.

⁴ Сообщается также, что эта информационная система является старейшей в мире, её основал и в течение многих лет возглавлял Юджин Гарфильд, авторитетный специалист в данной области. О Ю.Гарфильде и истории его деятельности рассказывается в работах М.Петрова, С.Хайтуна, Е.Мирской, Э.Мирского, а также в моём большом исследовании, посвященном социологии науки, в частности, школе Р.Мертон (в печати).

Здесь мы получаем *зеркало № 1*. Я попытаюсь последовательно доказать, что применительно к философии (не только отечественной), а также, видимо, и к другим социогуманитарным дисциплинам это зеркало все-таки искажает реальную картину публикационной активности специалистов тех наук и тех стран, относительно которых осуществляются якобы точные, количественные подсчёты. Какие есть основания для подобного утверждения? Перечислю главные.

– Специалисты объективно фиксируют тот факт, что Thomson Reuters Corporation (далее Th.R.) долгие годы была и остаётся *монополистом* в науко- и библиометрии. Конкурирующие системы (например, база данных группы Scopus) чаще всего только упоминаются, ибо всегда находятся доводы, чтобы взять за основу базы данных WoS. **Что вроде бы неудивительно (другой такой же мощной, профессионально добротной системы пока не возникло), но в конечном счёте связано с существенными издержками – если не для всех наук, то для каких-то их групп, для отдельных дисциплин и особенно для ряда стран, даже целых континентов.**

– Некоторые авторы [10], говоря о монопольном господстве Th.R. и WoS, отмечают, что это означает *упрочение господствующего, если не монопольного положения американских исследований* в различных областях научной деятельности. Возможно, для физико-математических, естественных наук это в целом соответствует реальной картине, но для социогуманитарных дисциплин здесь изначально заключена исходная предпосылка серьёзных искажений. Многие методические ограничения, способы отбора публикаций, определяемые Th.R. и **закладываемые в WoS, объективно «американизованы».**

Далее будут приведены более конкретные примеры, относящиеся к философии. Речь пойдёт о том, что я называю *искажающим зеркалом № 2* и что характеризует изначальный отбор – прежде всего стран, журналы которых становятся, так сказать, точками отсчёта. Для всех дисциплин социогуманитарного комплекса таковыми, (например, согласно данным И.Савельевой и А.Полетаева), de facto оказываются журналы «большой тройки» – США, Великобритании и... Нидерландов. (Проведённая мною проверка применительно к философии подтвердила этот факт.) Какая-то форма «американизации» действительно имеет место.

Таким изначальным и заведомым отбором американское доминирование как бы институционально закрепляется и преподносится другим странам в качестве некой данности, с которой уже ничего не поделаешь. Этот факт якобы отражает «доминирующие позиции США как в экономике, так и в науке, в том числе в социально-гуманитарных дисциплинах» [10, с. 7].

В дальнейшем я приведу доводы в пользу того, что в мировой философии *содержательного доминирования* чисто англо-американских философских тенденций, методов, подходов в действительности нет, да и быть не может. Что на самом деле отражается в искажающем зеркале № 2, так это кривое зеркало № 1. То есть, во-первых, отражается упомянутый долговременный монополизм мощных американских наукометрических корпораций; во-вторых, тот исторически обусловленный факт, что большинство авторитетных, престижных журналов, национальных и интернациональных, к настоящему времени издается в трёх перечисленных странах, прежде всего в США. А значит, в зеркале отражается и заведомое неравенство возможностей для учёных других стран, носителей других языков публиковаться в этих журналах.

Представляется оправданным утверждать: наукометрическая система и сфера – частный случай более масштабных процессов, у которых общим знаменателем объективно (вне зависимости от намерений самих специалистов) является утверждение *и в духовной сфере* модели однополярного, а не многополярного мира. В особой области, которой является наукометрия (не забудем, что это тоже сфера частного, в основном американского бизнеса), зеркала не таковы, чтобы отразить реальное положение дел в мировой науке: их задача – утвердить и закрепить интересы США (вместе с Великобританией) в важнейшей для современного мира сфере – научных исследованиях. Неслучайно «результаты» дискриминационны в отношении других языков и науки целого ряда стран.

Кривое зеркало № 3 – это отбор конкретных журналов (национальных и международных) в качестве исходных, учитываемых и обсчитываемых, *информационных единиц*. Вполне понятно, что выбор из моря журналов надо осуществлять, поскольку учесть даже основную их массу нереально. Но сама по себе необходимость не должна заслонять от нас то, насколько «избирательно» в систему включаются или не включаются прежде всего социогугу-

манитарные журналы тех или иных стран. Что касается России, то учитываемое базой WoS их количество «стремится к нулю» (к 2009 г.: по экономическим наукам – 0, по социологии – 1, по истории – 2, по философии – 1, а именно «Вопросы философии»). На этом фоне господство «выбора» в пользу американских, вообще англоязычных, журналов как бы молчаливо принимается в качестве некой «объективной» и нерушимой предпосылки.

Теперь я обращусь к вопросу о том, какие именно философские журналы были отобраны для обработки в базе данных WoS⁵. Результаты неоднозначны, но нередко они производят негативное впечатление.

С одной стороны, список WoS (Journal List), охватывающий 156 философских журналов, в целом можно признать достаточно представительным и добротным. В него включено немало журналов, широко известных в мировом философском сообществе, в ряде отношений неплохо документирующих и реальное состояние современной философии как разветвлённой совокупности различных дисциплин (теории познания, логики, истории философии, этики, философии религии и т. п.), и их сложившуюся «локализацию» в тех или иных странах, регионах, в рамках специфических культурно-цивилизационных образований. Правда, в перечень включены также и некоторые национальные журналы, которые вряд ли когда-либо держат в руках специалисты из других стран. (Скажем, я сомневаюсь, что четыре включённых в список хорватских журнала могут служить «референтными» изданиями для иностранных философов.) Но само присутствие стран в мировом перечне – дело в целом информационно нужное и справедливое. С другой стороны, анализируемый список подтверждает сугубо неравномерную представленность в базах данных WoS различных стран и континентов. Более того, он закрепляет факт упомянутого ранее количественного доминирования «большой тройки» – США, Англия, Нидерланды. В него попали: 55 журналов, издаваемых в США, 19 – в Англии и 17 – в Нидерландах⁶. Иными словами, на

⁵ Я провела анализ списка журналов (The Master Journal List) по электронному источнику: <http://scientific.thomson-reuters.com/cgi-bin/jrnlist/jrnresults.cgi>

⁶ Включение в эту тройку Нидерландов (страны, участие которой в философских исследованиях более чем скромное) объясняется просто: здесь издаются в основном международные журналы, что обусловлено концентрацией в этой стране мощных издательских корпораций.

долю этих стран приходится 91 учитываемая единица, или почти две трети всех отобранных и обрабатываемых Th.R. философских журналов. Приведу данные по другим странам: Германия – 9 журналов, Испания – 7, Франция – 6, Италия – 6, Бельгия – 6, Канада – 5, Хорватия – 4, Бразилия – 2, Словакия – 2, Литва – 2, Румыния – 2. Одним журналом в списке Th.R. представлены Мексика, Словения, Колумбия, Филиппины, Чехия, Южная Африка, Тайвань и Россия.

Для правильной оценки такого, прежде всего количественного, американского и английского доминирования в журнальной сфере надо принимать в расчёт, что немало периодических изданий, выходящих в США, Англии, Нидерландах – как, кстати, и в Германии, Франции, Испании, Бельгии, – являются международными (их названия нередко начинаются со слов «International Journal...»). Получается, что американцы и англичане больше других работают в интересах всего мира и что выборки Th.R. лишь фиксируют это обстоятельство. Одно, во всяком случае, верно: по ряду исторических причин США, Англия и Нидерланды куда раньше и масштабнее, чем другие страны, вложились в перспективное, как оказалось, дело создания целой сети добротных, хорошо финансируемых национальных и интернациональных журналов, в том числе философских. На деле же в данном случае сплелось влияние немалого числа предпосылок и факторов, делающих это, казалось бы, лишь количественное и как будто объективное лидирование *противоречивым явлением*, не только заведомо неблагоприятным для ряда стран, но и в итоге дискриминационным для целых регионов и цивилизаций.

Я попытаюсь конкретно показать, почему рассмотренная, на первый взгляд добротная, выборка журналов, осуществлённая Th.R., если она становится главным, а тем более единственным информационным источником, способна превратиться в кривое во многих отношениях зеркало.

Скажу сначала о простых практических причинах возможных и, увы, часто превращающихся в действительность информационных искажений, в результате которых мировой философии «ненавязчиво» навязываются американизированные образцы. Философы североамериканского континента, как и Англии, естественно, используют все преимущества от локализации философских журналов (в том числе интернациональных по замыслу, но

американизированных по проблематике, методам, содержанию) на родной американской или английской почве. Кроме того, учёные, для которых английский – родной язык, обладают и языковыми преимуществами (несмотря на интернационализацию английского языка). В результате философам неанглоязычных стран Европы, тем более Азии и Африки, получить доступ в американские или английские журналы чрезвычайно трудно, а для подавляющего большинства и вовсе невозможно.

Есть и внутринаучные обстоятельства, объясняющие нерелевантность использования только или главным образом базы данных Th.R. для оценки результативности исследовательской активности учёных. Речь пойдёт об объективном факте дробной, весьма разветвлённой специализации современных философских исследований, которая предполагает наличие для каждого из таких специализированных ответвлений своих профессиональных журналов, альманахов, ежегодников. Поэтому отсутствие публикаций в журналах ограниченной выборки WoS может ничего не говорить о количестве и тем более качестве зарубежных публикаций учёных, как и вообще об их представленности в интернациональном дискурсе. Как ни парадоксально, зависимость здесь может быть как раз обратной.

В подтверждение сказанного приведу конкретный пример. Для очень сильной, международно признанной (а в мировом сообществе, возможно, уникальной) группы отечественных философов-востоковедов перечень WoS **исключительно неблагоприятен**. Правда, в этом перечне фигурирует ряд востоковедческих философских журналов («Asian philosophy», «Arabic Science and Philosophy», «Journal of Chinese Philosophy», «Philosophy East and West» и др.), но это, как правило, журналы, издаваемые в США. Между тем российские философы-востоковеды, блестяще владеющие восточными языками, имеют обыкновение публиковать свои работы в книгах и журналах (и на языках) арабских стран, Китая, Индии, Японии, Кореи и других азиатских культур. Это нельзя не признать их огромным профессиональным преимуществом и основой для их широкой признанности в тех странах, философией которых они, собственно, занимаются. Но это преимущество вдруг оборачивается слабостью! Ибо журналы и альманахи этих восточных стран отсутствуют в перечне WoS.

Можно назвать много других национальных и интернациональных журналов, имеющих достаточно высокую профессиональную репутацию, но не вошедших в выборки Th.R. Упрекать эту корпорацию не приходится: выборку так или иначе делать надо. Но следует понимать (особенно в случае претензий на качественные выводы), что для ряда стран и специализаций база данных WoS создаёт своего рода «слепые зоны», ибо исключает из рассмотрения как раз те журналы, в которых философы этих стран и специализаций традиционно публикуются. В дополнение к тому, что сказано о поистине грустной ситуации с публикациями российских философов-востоковедов, назову некоторые авторитетные зарубежные журналы и альманахи, в которых регулярно появляются статьи философов России, но которые не учитываются системой WoS. Это, например, «Cahier critiques de philosophie» (Франция), «Hume Studies» (Англия), «Studi Slavistici» (Италия), «Studia Spinozana», Social Epistemology, «Символ» (Париж–Лион–Москва), «Foundations of Society» (США), «International Journal of Technology» (Германия), «Zagadnienia Filozoficzne w Nauce» (Польша) и немало других. Итак, несмотря на все усилия и, хотелось бы верить, лучшие намерения, зеркало WoS оказывается кривым: оно неравномерно, порой несправедливо, отражает зарубежную публикационную активность учёных немалого числа стран.

Кривое зеркало № 4 тоже связано с принципиально неудовлетворительной системой подсчёта, принятой Th.R. и базами данных WoS. Речь идёт преимущественно об учёте журнальных публикаций (ибо из книг выборочно учитываются только Proceedings, – т. е. материалы конференций). Возможно, это несущественно для математиков, естественников, специалистов в области технических наук, но исключительно неблагоприятно для представителей социогуманитарных дисциплин, особенно из таких стран, как, скажем, Франция, Германия, Россия, в которых исследователи, публикуя статьи, всё же традиционно отдают предпочтение солидным, фундаментальным книгам. Скажем, каким абсурдом было бы при оценке вклада в мировую философию таких гениев, как Кант или Гегель, принимать в расчёт не три кантовские «Критики» или гегелевскую «Науку логики», а только статьи, Kleinschriften, как говорят немцы.

Заведомое отбрасывание базами данных WoS именно книг приводит к аберрации, особенно серьёзной в случае чьих бы то ни было попыток делать далекоидущие качественно-содержательные выводы. Ибо в реальной, не искажённой кривыми зеркалами международной научной практике публикация индивидуальных или коллективных монографий наших авторов за рубежом по праву ценится очень высоко, особенно если речь идёт о престижных издательствах и сериях. Например, выдающийся современный питерский философ А.Г.Черняков (к несчастью, безвременно ушедший из жизни этим летом) издал в весьма престижной книжной серии «Phaenomenologica» прекрасную монографию, которую сам написал по-английски. Каждому понятно, что такая монография стоит десятка статей (причём её главы, по существу, могут засчитываться как статьи). Но в том-то и дело, что в системах WoS и в опирающихся на них выкладках подобные факты заведомо, «по определению» приравнены к нулю!

Поскольку явочным порядком утвердилась описанная выше система кривых зеркал, постольку отечественные авторы, пишущие о наукометрии или работающие в ней, должны бы сами остерегаться и остерегать других от того, чтобы делать на её основе обобщающие качественно-содержательные выводы и оценки. Отечественные науковеды могли бы сыграть свою роль также и в том, чтобы обоснованно, документировано корректировать – применительно к отечественной науке – данные и выводы зарубежных фирм, которые по тем или иным причинам способствуют грубому искажению реальной картины. Некоторые из наших специалистов так и поступают [6, 7–14]. Но есть и совсем иные «образцы». В таких случаях делаются не количественные, а качественные выводы о мере «присутствия», «представленности» учёных тех или иных стран и дисциплин в соответствующем международном дискурсе. Вот почему приходится говорить ещё и об *искажающем зеркале № 5*, имея в виду вторичные выводы и оценки именно отечественных авторов. Для меня одним из таких примеров, к немалому удивлению и огорчению, стал... препринт И.Савельевой и А.Полетаева, на который я раньше неоднократно ссылалась. Несмотря на все отмеченные ранее резонные оговорки и предостережения этих авторов относительно монополизма и объективно возникших изъянов системы WoS, они положили именно её и только её данные в основу

ряда своих выводов качественно-меритократического характера, в том числе касающихся отечественной философии. Эти авторы в раздельнике с красноречиво-хлётским названием «Нищета философии» делают общий вывод: «Даже со всеми этими оговорками представительство российских авторов в мировом философском дискурсе выглядит мизерабельно» [10, с. 27, 28].

На каких основаниях сделан этот вывод? Прежде всего, как уже сказано, с опорой исключительно на расчёты WoS, по которым участие российских философов в зарубежных журнальных публикациях за обширный и непосредственно интересующий нас период 1993–2008 гг. ограничивается 3–4 статьями ежегодно (кстати, социологам «повезло» ещё меньше: они якобы публикуют в год за рубежом 2–3 статьи!). Проведённая мною проверка показала: в базе данных WoS действительно приводится список из 62 публикаций российских философов в иностранных журналах в 1993–2008 гг. Поскольку трудно сомневаться в том, что перечень, составленный Th.R., точен с точки зрения ее систем подсчета, нам следует самокритично признать: через воздвигнутый историческими обстоятельствами «железный занавес», до сих пор препятствующий публикации работ российских философов в учитываемых WoS американских и английских журналах, мы пока не пробились. Если учесть, что список WoS включает в себя также и журналы некоторых других стран, а также международные периодические издания, то, действительно, слабую представленность в них нельзя не считать *существенным недостатком деятельности российского философского сообщества*.

Так, может быть, замечание А.Полетаева и И.Савельевой в адрес наших философов справедливо? Нет, считаю, что они неправы. (Мне приходится оспаривать их выводы, даже и зная о прискорбном факте – безвременной смерти А. Полетаева в сентябре этого года). Исключительная (и некритическая, как оказывается) опора на данные и выкладки Th.R. – это, по сути, использование подсчётов, которые на целые порядки цифр расходятся с реальными количественными данными, но особенно – с совокупностью качественных показателей, характеризующих участие современных российских философов в международном дискурсе. И.Савельева и А.Полетаев, к сожалению, забыли о собственных предостережениях относительно системы WoS, не проявили желания хоть как-то скорректировать данные этой базы, учитывая реальное положение дел в отечествен-

ной философии. А ведь необходимость такого корректирующего подхода давно отстаивают ведущие специалисты наукометрии, также и отечественные. Например, И.В. Маршакова-Шайкевич справедливо отмечала уже в своей работе 1988 г. [7, с. 104]: «...Для некоторых областей знания... необходимо разрабатывать систему поправочных коэффициентов на те публикации и тех авторов, которые по ряду причин, и прежде всего из-за языковых барьеров, недостаточно цитируются за рубежом». Нам без сопоставления с действительным положением вещей никак не обойтись.

Представленность современных отечественных философов в международном философском дискурсе

Строго говоря, сводки WoS не обязаны давать сколько-нибудь полные сведения о количестве зарубежных публикаций учёных тех или иных стран. Данные, конечно же, приводятся выборочные. Однако отклонения на целые порядки цифр, которые приходится фиксировать применительно к целостной реальной картине, ставят под сомнение если не саму ценность расчётов WoS, то, во всяком случае, правомерность основанных на них содержательных обобщающих выводов.

Некоторые известные мне документированные подсчёты, наблюдения, факты не позволяют взять данные WoS, относящиеся к отечественной философии, даже за основу. Так, в Институте философии РАН в последние годы регулярно издаются научные отчёты за истекший год. (Любая объективная проверка может подтвердить их достоверность.) Из них следует, что сотрудниками института ежегодно публикуется 130–150 книг и более 1–1.5 тыс. статей, за рубежом – от 40 до 80 статей, причём в престижных журналах, альманахах, книгах, издаваемых в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Китае, Индии и других странах. И это только цифры по ИФРАН. Никак нельзя не учитывать продуктивное участие в международном дискурсе философов крупнейших университетов России – МГУ, СПб ГУ, РГГУ, Высшей школы экономики, университетов Новосибирска, Томска, Перми, Ростова-на-Дону. Ученье и их публикации за рубежом при желании совсем нетрудно: университеты сообщают о таких публикациях на своих сайтах.

Если произвести даже не полные, пусть выборочные, но добросовестные подсчёты, полагаю, станет ясно: речь идёт о сотнях ежегодных зарубежных публикаций отечественных философов в весьма авторитетных зарубежных изданиях, что и отдалённо не сходится с зафиксированным WoS показателем – 3–4 статьи. Это – количественная сторона вопроса. Говоря о качественной стороне, необходимо учитывать совокупность объективных факторов разного рода. Скажу о некоторых из них (применительно к отечественной философии, хотя рассматриваемые далее факторы, уверена, имеют значение не только для нее).

При оценке присутствия в международном дискурсе обязательно надо принимать в расчёт представительство отечественных философов в редколлегиях престижных международных журналов и книжных серий. Во всём мире это считается важным показателем признания учёных той или иной страны. Естественно, он не может быть очень высоким, особенно среди философов России. Тем более важно, что десятки наших учёных, представляющих эту область, включены в международные редколлегии влиятельных журналов и книжных серий. Но немало числа этих авторитетных журналов, не говоря уже о книжных сериях, как бы вообще не существует, если судить по выборкам WoS.

Сосредоточенность баз данных WoS на ограниченном количестве заранее отобранных журналов, как уже отмечалось, вообще-то понятна, ибо и в этом случае работа проводится огромная. Но если основываться только на этом, остаются вне всякого учёта и рассмотрения такие весомые для интернационального дискурса факторы, как *участие российских учёных в международных проектах*, из которых долговременные и крупные особенно престижны и показательны. То же можно сказать и об участии в международных философских съездах, конференциях, коллоквиумах, об организации подобных мероприятий в России, о солидных российских или международных публикациях по их итогам, а также о стипендиях и премиях, которых отечественные философы были удостоены всемирно известными зарубежными научными фондами, о присуждении им зарубежными университетами докторских степеней *honoris causa*. Кроме того, наши философы удостоивались государственных наград зарубежных государств (кстати, при полном пренебрежении со стороны собственного государства, щедро раздающего ордена, скажем, звёздам шоу-бизнеса).

Правда, система WoS (и другие сходные системы) по определению не учитывают подобных качественных факторов. Но если те или иные авторы переходят к качественным оценкам международного представительства, не принимая во внимание совокупность упомянутых составляющих научной деятельности более чем недобросовестно с профессиональной точки зрения.

Качественный показатель представленности в международном дискурсе – то, в какой мере философы, признанные в своей стране, получили *известность и признание за рубежом* (в том числе в странах, философской мысли которых они посвятили свои исследования). Российских философов, полностью удовлетворяющих этим критериям, сегодня не только достаточно много – их число, думаю, сопоставимо со средней численностью ныне живущих интернационально значимых их коллег из других стран с богатой философской традицией. Это исследователи, представляющие разные философские дисциплины и разные поколения: *Н.Автономова, М.Степанянц, В.Стёпин, А.Круглов, П.Гайденок, Т.Ойзерман, Д.Разеев, В.Молчанов, П.Резвых, Е.Борисов, Е.Князева, В.Лысенко, С.Хоружий, А.Огурцов, В.Горохов, В.Садовский, Б.Юдин, Э.Соловьёв, А.Смирнов, А.Карпенко, А.Козырев, В.Миронов, В.Васильев, А.Гусейнов, А.Доброхотов, Д.Дубровский, В.Лекторский, И.Блауберг, А.Руткевич, А.Лебедев, Т.Артемьева, Н.Лапин, В.Бычков, Ю.Синеокая, И.Болдырев, А.Назарчук, Г.Майоров, Р.Апресян, В.Федотова, Н.Юлина, В.Подорога, М.Рыклин, Е.Афонасин, Е.Петровская, В.Порус, В.Малахов, В.Брюшинкин, В.Визгин, И.Вдовина, П.Тищенко, М.Громов, Б.Капустин, А.Кара-Мурза, В.Кантор, Л.Карелова, В.Шохин, И.Касавин, М.Киселёва, В.Толстых, Н.Ефремова, А.Кобзев, И.Лисеев, Л.Маркова, С.Неретина, А.Фокин, В.Петров* и многие другие. Их работы, что легко проверить, регулярно публикуются (нередко и цитируются) за рубежом.

В приведённом списке курсивом выделены те фамилии, которые включены в упомянутый ранее список WoS (62 публикации). В данном списке публикаций есть и другие имена: *О.Седакова, Л.Науменко, С.Мареев, А.Майданский, Б.Вазюлин, С.Серебряный, С.Анисимов, А.Титаренко, В.Кувакин, Е.Дубко, В.Соколов, В.Губман* (учтены журнальные публикации начиная с 1992 г. по списку WoS). Это, в частности, позволяет на конкретном материа-

ле доказать, что в «зеркале» WoS отражается картина, существенно отклоняющаяся от действительного положения дел. Во-первых, приведенный мною далеко не полный перечень публикующихся за границей философов *более чем наполовину* превышает их число, попавшее в сети WoS. Во-вторых, применительно чуть ли не ко всем, кто был этими сетями уловлен, имеются значительные отклонения от совокупного количества их зарубежных публикаций.

Для философии (и не только) устоявшаяся практика исключения из подсчётов зарубежных публикаций именно книг, тем более таких, где коллеги из разных стран уполномочивают наших учёных быть редакторами, соредакторами и авторами, тоже ведёт к существенному искажению целостной картины, характеризующей международный авторитет российских специалистов.

Приведу красноречивый и достаточно типичный пример. Видный отечественный философ-востоковед, создатель целого направления и уникального Центра российских исследований восточных философий М.Степанянц только с 2003 по 2007 г. подготовила (в качестве ответственного редактора, соредактора и одного из авторов) четыре солидных международных труда, опубликованных в США, Индии, Италии, Франции. Две её индивидуальные монографии опубликованы в США и Вьетнаме, а статьи М.Степанянц в зарубежных журналах исчисляются десятками. Её работы постоянно цитируются, включаются в библиографии многими зарубежными авторами, она первый вице-президент Международной федерации философских обществ, заведует одной из философских кафедр ЮНЕСКО. Но поскольку база WoS не учитывает не только книги, но и некоторые из тех журналов, в которых регулярно появляются публикации М.Степанянц, то её – на деле масштабное – участие в международном философском дискурсе вопреки фактам существенно приуменьшается. Подобные примеры показывают, какую скрупулёзную корректирующую работу ещё предстоит провести нашим науковедом, если они претендуют на убедительные качественные оценки и воссоздание реальной сравнительной картины развития социогуманитарных наук.

Упомяну ещё об одной области работы отечественных авторов, которая одновременно является ареной международного сотрудничества: это наши завоевавшие признание в мире специальные периодические издания – ежегодники, альманахи (такие

как «Логические исследования», «Историко-философский ежегодник», «Системные исследования» и др.). Например, недавно вышло в свет новое издание – «Ишрак. Ежегодник исламской философии» (2010. № 1). Судя по всему, это уникальное издание. Достаточно обратить внимание на внушительную редакционную коллегию, объединяющую виднейших востоковедов (прежде всего философов) современного мира. Кто-то может сказать, что редколлегии по большей части носят декоративный характер. Но тогда взгляните на публикации первого номера: в нём представлены известные специалисты из США, Японии, Канады, Ирака, Турции, Египта, Испании, Латвии, не говоря уже о России. Не уверена, что подобным документированным признанием и именно международным сотрудничеством могут похвастаться многие страны.

Вот почему вызывают удивление претендующие на универсальность выводы и о зарубежных публикациях, и о цитируемости наших авторов, основанные лишь на данных WoS. Приведу слова И.Савельевой и А.Полетаева о цитируемости: «Строго говоря (?!), за 15 лет лишь одна публикация российского автора привлекла хоть какое-то внимание западных философов – речь идёт об опубликованной в 1994 г. статье Алексея Нестерука, в настоящее время работающего в Великобритании. Очевидно (?!), что у философов даже «региональный фактор» не работает. Если в предшествующих случаях мы наблюдали повышенное внимание к российской экономике, социологии и истории, то к «русскому духу» интереса явно нет. Больше нам сказать, увы, нечего» [10, с. 40].

Необходимо упомянуть ещё об одном факте. Иногда в наукометрических публикациях с пренебрежением относятся к таким событиям, как предоставление российским авторам целых номеров в международных журналах, в частности, в тех, которые изначально посвящены российской философии и культуре. Получается, что философы ИФРАН должны чуть ли не стыдиться того, что солидный, издаваемый на нескольких языках международный журнал «Диоген» в 2009 г. – в честь 80-летия института – целый номер отвёл российским авторам, или что этой дате посвящён ряд номеров обновлённого (учитываемого в списке WoS) журнала «**Russian Studies in Philosophy**», **ответственным редактором которого** недавно стала в прошлом российский философ, а ныне профессор

Университета Северной Каролины (США) Марина Быкова. Этот журнал (несмотря на солидную стоимость ежегодной подписки) хорошо расходуется в США и других странах.

Приведённые примеры свидетельствуют, что отчасти в силу монопольного положения фирм, подобных Th.R., но ещё больше вследствие «качественных» искажений картины рядом авторов, работающих в области наукометрии, сложилось парадоксальное, абсурдное положение: именно наиболее известные российские учёные, имеющие международное признание, и как раз в периоды их наиболее активного «присутствия» на международной арене не попадают в наукометрические сетки, которые вроде бы должны давать адекватное отображение ситуации.

Кто-то может заметить, что базы Th.R. искажают международное значение публикационной деятельности даже немцев, итальянцев, французов, не говоря уже о представителях признанных философских держав азиатского или латиноамериканского континентов. Что, конечно, верно, но не может быть каким бы то ни было оправданием. Задержимся на этом моменте, касающемся не только России. Защитники практикуемых Th.R. методов, то есть преимущественного, если не исключительного, использования базы данных WoS, подчас делают вид, что «объекты» их обследований (учёные, дисциплины, страны) находятся в равном положении. На деле их «равенство» перед американоцентристской наукометрией мнимое, причём и в формальном, и в содержательном отношениях, поскольку мерилom и критерием становятся американские подходы и тенденции. Мы дожили до того, что европоцентризм, некогда господствовавший в философии, всё больше уступает место американоцентризму, объективно дискриминирующему, например, интересную и уже интернационально замеченную философскую мысль стран Южной Америки. Очевидная несправедливость проявляется и относительно некоторых стран Европы. При том что в перечень WoS включены, как отмечалось, четыре хорватских журнала, два журнала из Словакии, там почему-то не оказалось журналов из Польши, философское сообщество которой всегда было достаточно сильным. Нет в (проанализированном мною) списке и журналов Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии. Что же касается философии азиатских стран, то ситуация выглядит поистине удручающей: в пе-

речне нет ни одного (!) философского журнала (издаваемого на родном языке) из Китая, Японии, Индии, то есть стран с богатой философской традицией, игнорирование которых – величайший абсурд и явная дискриминация.

* * *

Итак, система кривых зеркал приводит к следующему общему искажению: англо-американская философия, являясь вполне определённой, специфической, весьма интересной и значимой формой развития современной философии, вовсе не стала и по принципиальным основаниям вряд ли когда-либо станет непрекращаемым (как получилось в базе WoS) **образцом для исследователей** всех стран и народов. Хотя философия, будучи наукой, в целом и главным является единой, интернациональной, её специфические формы, тенденции, традиции, тематические и проблемные акценты в разных странах и на разных континентах не единообразны, плюралистичны. Так, есть исторические и содержательные особенности развития того, что называют «континентальной философией» или «восточными философиями». Никто прямо не говорит об утрате значимости этими цивилизационно, культурно устойчивыми разновидностями философии по сравнению с философией США. Неравноправие и искажение складываются как бы сами собой.

На деле именно имена виднейших философов Европы конца XX – начала XXI вв. – это одновременно и первые имена мировой философской мысли: Ю.Хабермас, П.Рикёр, Ж.Деррида и другие. Конечно, нельзя забывать и видных американских философов, скажем, Р.Рорти или Х.Патнема. Крупные европейские мыслители изучили, освоили, использовали лучшее из современной англо-американской философии, но не пожертвовали традициями, преимуществами «континентальной», в частности, немецкой и французской философии.

Обобщая, можно сказать, что англо-американская философия в современном мире и качественно, и даже количественно отнюдь не лидирует. (Исторически обусловленный факт доминирования американских и английских журналов и их преимущественный

учёт в системе данных Th.R., конечно же, не тождествен мировому лидерству в философской науке.) В мировом дискурсе философов, скорее, имеет место вполне здоровая конкуренция и конвергенция идей, подходов, методов. Но в подсчётах, основанных только или преимущественно на базах данных WoS, всё выглядит иначе. Эти данные через обрисованную систему кривых зеркал снова и снова ставят на пьедестал философию США и Англии, а на задворках – вопреки фактам – оказываются такие признанные «философские» страны, как Германия, Франция, Италия, Китай, Индия и уж тем более Россия. (В последнее время, правда, фиксируются некоторые сдвиги в пользу «новых игроков», стран с повысившейся философской активностью.)

Что касается сказанного выше в защиту философии России, то хочу быть правильно понятой. Близкую к реальности картину присутствия современной отечественной философии в мировом философском дискурсе я стремилась восстановить совсем не потому, что считаю её радужной. Картина эта по-прежнему обрисовывает объективные трудности и противоречия, наши собственные упущения на пути вхождения в интернациональное сообщество. В этой статье, скорее, представлялось необходимым продемонстрировать, сколь неразумно и несправедливо, если не сказать резче, ничтоже сумняшеся перечёркивать результаты, достигнутые в последние десятилетия благодаря огромным усилиям.

Итак, тут речь идет об *учете динамики*, особенно достаточно быстрых, именно актуальных изменений, о которых – применительно к философии – говорится в данной статье. Но дело не только в философии. Ибо к сказанному ранее следует присоединить существенный момент: в базах данных WoS⁷ имеет место как бы узаконенное рутинной сложного, многопланового дела *отставание баз данных от динамики развития самой науки* на пару-другую лет, а от новейших тенденций, возможно, и на целое десятилетие. Thomson Reuters Corp. и сама признает, а отчасти и корректирует сложившееся положение. Убедительный пример – представлен-

⁷ На них, напомним, наши чиновные «реформаторы» абсурдно призывают опираться сегодня, для учета актуальных заслуг, показателей эффективности и признанности, для получения учеными грантов, а то и зарплаты на будущий год, для составления отчетов за текущий год и т. д. [15].

ный Корпорацией относительно свежий, от 2010 года, документ – аналитический отчет о динамике развития российской науки в самое последнее время⁸.

В отчете отмечается, что трудный для российской (естественной) науки период 1994–2006 гг. уступает место подъему и что сотрудничество ученых разных стран с российской наукой выгодно и для них (подробнее см. – 16)

Правда, для контекста и формата нашей статьи отчет не показателен: новейшая динамика развития и философии, и большинства социогуманитарных наук (за исключением, возможно, психологии) в нем не отражена. Но вот тем чиновникам и громко вещающим по TV ретивым геростратам, которые горазды клеймить отечественную науку (прежде всего академическую) как неэффективную, даже «в бозе почившую», Report по существу дает ответ: слухи о ее смерти сильно преувеличены...

Надеемся, когда-то **Thomas R. Coor. «обнаружит», пусть запоздало**, и признает следующий факт: философия к настоящему времени, по крайней мере в некоторых исследовательских областях и звеньях (философия и методология науки, логика, гносеология, история философии, этика), уже достигла или почти достигла уровня, сопоставимого с мировым, а отчасти и стала конкурентоспособной. И это в определённой, совсем немалой, мере признано за рубежом.

Приведу несколько оценок и суждений зарубежных коллег (в данном случае только касательно международной роли ИФРАНа). Вот слова Р.Аре (Hargé), заслуженного профессора Джорджтаунского университета, директора Центра философии естественных и социальных наук Лондонской школы экономики: «Я знаю по личному опыту, что Институт философии всегда играл важную роль в налаживании контактов между российскими учёными и учёными Великобритании. Кроме того, институт является значительным центром интенсивной интеллектуальной деятельности, которая включает в себя ряд важных и знаменитых на весь мир издательских проектов». По мнению К.Э.Аппиа (Appiah), профессора философии Рокфеллеровского университета и Центра гуманитарных ценностей

⁸ См.: Global Research Report – Russia: Research and Collaboration in the new Geography of Science. January 2010 (<http://researchanalytics.thomsonreuters.com/m/pdf/grr-russia-jan10.pdf>).

Принстонского университета, председателя Исполкома американской философской ассоциации, «этот центр философских исследований (ИФРАН. – *Н.М.*) играет важнейшую роль не только в интеллектуальной жизни России, но и в философском диалоге всего человечества». Польский философ Я.Рыбак: «Деятельность ИФРАНа охватывает весь спектр областей философских исследований, он получил как национальное, так и международное признание» [17, с. 100, 101, 104]. Учёт целостного контекста деятельности философского сообщества России подкрепляет и усиливает значимость этих оценок уважаемых зарубежных коллег.

Кроме того, хотелось бы подать знак тем отечественным специалистам, представляющим другие научные дисциплины, которым небезразлично, что их работу отражают и оценивают через кривые зеркала якобы точных, а на деле тенденциозных наукометрических данных.

Литература

1. *Хайтун С.Д.* Наукометрия: состояние и перспективы // Современная западная социология науки. Критический анализ. М., 1988.
2. *Хайтун С.Д.* Количественные методы в западной социологии науки // Современная западная социология науки. Критический анализ. М., 1988.
3. *Маршакова И.В.* Библиометрические исследования и социология науки // Современная западная социология науки. Критический анализ. М., 1988.
4. *Игнатьев А.А.* Полевые наблюдения исследовательского труда: эволюция проблем и методов // Современная западная социология науки. Критический анализ. М., 1988.
5. *Маршакова-Шайкевич И.В.* Россия в мировой науке. Библиографический анализ. М., 2008. С. 17.
6. *Маршакова-Шайкевич И.* Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // *Вопр. философии.* 2000. № 8.
7. *Маршакова-Шайкевич И.В.* Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М., 1988.
8. *Павлова Л.П., Курбангалеева И.В., Дубровенко В.А.* Научный потенциал Новосибирска: состояние и тенденции развития за последние 10 лет // *Науковедческие исследования.* 2009.
9. *Тютюнник В.М.* Лауреаты Нобелевских премий: наукометрические исследования // *Науковедческие исследования.* 2009.

10. *Савельева И.М., Полетаев А.А.* Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. Препринт WP6 / 2009 / 02.

11. Научные организации в условиях реформирования государственного сектора исследований и разработок: результаты социологического исследования. М., 2007 ([www.csrs.ru / INET PUBLIC / 03 r](http://www.csrs.ru/INET_PUBLIC/03r)).

12. *Арапов П.Г.* Наука и информация // Отеч. зап. 2002. № 7. С. 167–180.

13. *Маркусова В.А.* Цитируемость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестн. РАН. 2003. № 4. С. 291–298.

14. *Маркусова В.А.* Индустриально развитые страны и Китай в борьбе за лидерство в развитии нанотехнологии: обзор научной литературы по библиографическому анализу публикаций в сети Web of Science и Scopus, 1993–2007 гг. // Наукоевческие исследования. М., 2009.

15. [http: // library.hse.ru](http://library.hse.ru)

16. Global Research Report – Russia: Research and Collaboration in the New Geography of Science. Jan. 2010 ([http: // researchanalytics. Thomson Reuters. Com / pdf / grg – russia – jan 10](http://researchanalytics.thomsonreuters.com/pdf/grg-russia-jan10)).

17. Волхонка 14. М.: ИФРАН, 2010.

Измерение научной продуктивности и добросовестность в исследованиях*

В последние годы в недрах Министерства образования и науки РФ разрабатывается и интенсивно внедряется в практику управления наукой система, призванная объективно оценивать результативность научной деятельности и тем самым стимулировать эффективность последней. Однако эта система, в основу которой положено количество статей, публикуемых исследователем или исследовательской группой, лабораторией и т. п., в статусных научных журналах, вызывает множество нареканий. В данном тексте будут рассмотрены некоторые дефекты этой системы (в дальнейшем будем называть её СМОН – система Минобрнауки).

В дискуссиях по поводу результативности исследовательской деятельности и критериев ее оценки часто высказывается такой аргумент: СМОН и те системы оценки, которые при ее разработке выступали в качестве моделей, подходят для естественных наук, но не позволяют отражать специфику того, чем занимаются гуманитарные науки, включая философию. Эта специфика заключается в том, что статья в научном журнале является далеко не единственной формой публикации результатов исследований в гуманитарных науках.

Так, в философском сообществе принято считать ведущей формой представления исследовательских результатов монографию как фундаментальный результат продолжительных исследований. Сразу замечу, что я не считаю такую позицию ни единственно возможной,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (№ 11-03-00442а).

ни бесспорной. С моей точки зрения, вполне приемлемой является и другой подход гуманитария, когда он предпочитает «малые формы» своей исследовательской деятельности, ограничиваясь публикацией журнальных статей. Возможно, в какой-то момент эти статьи будут объединены под одной обложкой, став главами монографии. Столь же возможно и то, что «монографический исследователь» будет время от времени публиковать фрагменты своей работы в виде отдельных статей¹. Но ни то, ни другое нельзя рассматривать в качестве обязательного требования, по крайней мере до тех пор, пока не будет сформулирован и утвержден (и, более того, «интернализован» научным сообществом) соответствующий нормативный акт. Впрочем, скорее всего сообщество сочтет такую норму неоправданным ограничением свободы научного творчества.

Если же мы принимаем позицию «монографического исследователя», это ведет нас к кардинально иной трактовке как единиц, так и масштабов измерения продуктивности. Вместо ежегодной публикации n журнальных статей во главу угла придется ставить подготовку монографии, что занимает m лет. Таким образом, оказывается под вопросом правомерность самого принципа ежегодной оценки продуктивности исследовательского труда².

Еще одной дискриминируемой частью творчества ученого-гуманитария оказывается его популяризаторская и публицистическая деятельность. Отметим прежде всего, что популяризация выполняет более широкий круг функций применительно к гуманитарному, чем к естественнонаучному знанию. Есть все основания утверждать, что в гуманитарных науках она является не выходом за пределы, не просто продолжением, а необходимой стороной собственно познавательной деятельности.

Вообще-то говоря, тенденции развития современной науки таковы, что популяризация результатов исследований все чаще начинает рассматриваться в качестве составной части самого исследовательского процесса, что относится и к наукам естественным. Объясняется это тем, что социальная поддержка науки становится сегодня все более значимым ресурсом, жизненно необходимым для ее развития. Вместе с тем эта поддержка отнюдь не гарантирована: для ее обеспечения и государству, и научному сообществу необходимо вырабатывать и реализовывать активную, целенаправленную политику.

На прежних стадиях развития науки ее взаимодействие с обществом ограничивалось, в общем и целом, популяризацией науки и ее достижений. Ныне, по мере движения к обществу знаний, решение такого рода задач, а значит, и деятельность научного сообщества по популяризации научных достижений, с одной стороны, становится все более важной. Но, с другой стороны, самой по себе такого рода деятельности оказывается недостаточно. Поэтому во многих развитых странах в последние годы уделяется значительное внимание поиску путей и механизмов, выработке технологий более активного вовлечения общества, в частности, многочисленных неправительственных организаций, в определение приоритетных направлений научно-технического развития.

В целом деятельность ученых, направленная на ознакомление широкой общественности с тем, чем они занимаются в лабораториях, становится сегодня все более и более востребованной. Дело в том, что возможность получения ресурсов, необходимых для развития науки, во многом определяется уровнем доверия общества к науке. В свою очередь, и та информация о результатах и перспективах исследований, которую сообщают ученые, привлекает все более широкое внимание, особенно в тех случаях, когда исследования касаются вопросов здоровья и безопасности людей.

Учитывая это обстоятельство, некоторые исследователи, а также и научные учреждения уделяют все более серьезное внимание популяризации своей научной деятельности и в целом тому, что можно назвать «работой с общественностью», пиаром. Порой для этого внутри научных учреждений создаются даже специальные подразделения.

Между тем научные традиции предписывают, чтобы те сведения, которые адресуются широкой аудитории, предварительно были удостоверены научным сообществом. На практике это обычно достигается тем, что такие сведения первоначально публикуются в научных журналах – сам факт такой публикации означает определенную степень признания сообществом исследовательского результата. В наши дни, однако, эта норма действует не так уж непреложно – подчас СМИ сообщают о новых научных достижениях одновременно или даже раньше, чем специализированные научные издания. И, следовательно, широкая аудитория получает такую информацию, которая еще не прошла экспертизу научного

сообщества. Это вызывает особую тревогу, когда речь идет, к примеру, о новых методах лечения серьезных болезней или о возможных негативных экологических, токсических, генетических и т. п. последствиях тех или иных широко распространенных в быту материалов, технологий, продуктов питания, медикаментов и пр. Такая информация, с одной стороны, вызывает повышенный интерес аудитории, и, с другой стороны, может провоцировать в обществе необоснованные ожидания либо опасения.

Другая проблема состоит в том, что в контактах с широкой аудиторией наиболее успешными оказываются те, кто, хотя и не пользуется никаким авторитетом в научном сообществе, тем не менее берется выступать с сенсационными заявлениями якобы от лица науки. Весьма характерный пример в этом отношении – постоянно появляющиеся в прессе сообщения о том, что вот-вот родится или уже родился клонированный человек. В итоге же получается, что людям более известны имена шарлатанов, будоражащих общественность, чем тех, кто ведет серьезные и ответственные исследования в этой области.

В ноябре 2005 г. Генеральный директорат по исследованиям и разработке технологий Европейской комиссии организовал семинар на тему: «От науки и общества к науке в обществе: определение рамок кооперативного исследования»³. Формулировка темы весьма примечательна, поскольку за ней стоит принципиально новое понимание социальной роли науки и характера ее взаимоотношений с обществом. Имеется в виду, что наука и общество соотносятся между собой не как две автономных сущности, а скорее как часть и целое. Выражение «наука в обществе» призвано зафиксировать в качестве реалии современного общества более непосредственную, более, если угодно, интимную связь науки и общества.

Следующим важным шагом в этом направлении стал доклад «Глобальное управление наукой», подготовленный в 2009 г. группой экспертов для Генерального директората по исследованиям Европейской комиссии⁴. В докладе, в частности, отмечается, что взаимоотношения науки с традиционной национальной политикой являются амбивалентными: с одной стороны, ученые ищут от правительств признания и финансовой поддержки, с другой стороны, те же ученые могут оказывать сопротивление правительственному контролю. В свою очередь, правительства стремятся к тому, чтобы

их решения были легитимизированы наукой, в то же время пытаюсь формировать науку в соответствии со своими собственными интересами. Авторы доклада формулируют ряд рекомендаций, среди которых отметим следующую: «От всех ученых требуется делать результаты их исследований настолько широко доступными, насколько это возможно – путем открытого доступа к протоколам публикаций»⁵.

Особый интерес в этой связи представляет пример Великобритании, где на протяжении ряда лет проводится целенаправленная политика по укреплению социальной поддержки науки. В этой связи имеет смысл обратить внимание на доклад, опубликованный в 2006 г. фондом Wellcome Trust – одной из крупнейших организаций, финансирующих исследования (его годовой бюджет – около 600 млн. фунтов стерлингов). Доклад озаглавлен «Включаясь в науку: мысли, дела, анализ и действие»⁶.

Авторы доклада отмечают, что корни участия общества в науке уходят вглубь времен. Однако в отличие, скажем, от времен Ньютона природа взаимоотношений между учеными и непрофессионалами сегодня существенно изменилась, эти отношения в значительно большей мере являются двунаправленными.

С момента возникновения Лондонского Королевского общества джентльмены считали важным присутствовать при проведении экспериментов, так что публика всегда была в сфере интересов деятелей науки, хотя формы ее участия отнюдь не были постоянными. Популяризация науки, таким образом, вовсе не является феноменом одной лишь сегодняшней реальности.

Вскоре после Второй мировой войны, как известно, наряду с преклонением перед наукой в общественном мнении возникают и новые нотки разочарования, враждебности или просто недоверия по отношению к науке. Вместе с тем ученые предпочитали прятаться в своих раковинах, осуждая в своей среде тех, кто рискует обращаться к публике.

В 1985 г. был опубликован подготовленный сэром У.Бодмером доклад Королевского общества, озаглавленный «Понимание науки обществом». Вскоре после этого под эгидой Королевского общества был создан комитет по этой проблеме, а затем возникло и общественное движение, ставящее своей целью повышение научной грамотности общества. Доклад Бодмера отразил беспокойство влия-

тельных научных кругов по поводу того, что отступление ученых от контактов с обществом достигло таких масштабов, которые ставят под угрозу финансирование научных исследований. После выхода в свет этого доклада в Великобритании в беспрецедентных масштабах начинают поощряться ученые, стремящиеся делать свои дисциплины открытыми для общественности и общаться с нею.

В 1995 г. Комитет, возглавляемый астрономом сэром Арнольдом Уолфендэйлом, подготовил для Бюро по науке и технике парламента Великобритании доклад, посвященный пониманию науки обществом⁷. Одна из рекомендаций доклада состояла в том, что ученые, которые получают финансирование для своих исследований из государственных фондов, обязаны сообщать о результатах этих исследований общественности. В 2005 г. Совет по науке и технике при премьер-министре Великобритании опубликовал универсальный этический кодекс поведения ученых, в котором говорится, что ученые должны «стремиться к обсуждению проблем, которые наука ставит перед обществом»⁸.

Теперь ученые, подающих заявки на финансирование исследований, спрашивают об их планах взаимодействия с общественностью, и организации, которые осуществляют такое финансирование, используют различные схемы, призванные способствовать взаимодействию с общественностью.

Впрочем, как показывали результаты социологических опросов, к 2000 г., несмотря на все усилия и затраты, научная грамотность граждан не повысилась. В этом контексте комитетом по науке и технологиям палаты лордов парламента Великобритании была инициирована подготовка нового доклада⁹. В начале XXI в., отмечается в нем, вопрос о взаимоотношениях науки и общества приобретает иные очертания: теперь становится ясно, что суть его – не в низкой научной грамотности населения, а в том, что наука и базирующиеся на ней новые технологии ставят перед человеком новые трудности, новые проблемы. На смену «дефицитной» модели коммуникации науки и общества, в рамках которой главной проблемой считается недостаточность имеющихся у людей научных знаний, невежество населения в области науки, приходит другая модель, которая подчеркивает необходимость диалога между учеными и гражданами и самого серьезного отношения к знаниям и верованиям публики¹⁰.

«В современных демократических условиях наука, как и любой другой игрок на публичной арене, может игнорировать установки и ценности людей только во вред самой же себе. Наш призыв ко все более широкому и интегрированному диалогу с публикой направлен на то, чтобы сохранить за наукой лицензию на свою деятельность», - говорится в докладе»¹¹.

В 2002 г. начинают говорить о кризисе самой методологии, на которой базируется концепция понимания науки обществом. На смену ей постепенно приходит другая концепция, название которой можно перевести как «включенность общества в науку и технологию»¹².

Но если для естественных наук включенность, вовлеченность общества – это то, чего надлежит достигать, к чему надо стремиться, то в гуманитарных науках нечто подобное предполагается изначально. Дело в том, что знание, получаемое в гуманитарных науках, вообще говоря, воспринимается субъектом, которому оно адресовано, иначе, чем знание естественнонаучное. Каждый воспринимаемый таким субъектом новый квант знания о мире природы добавляет нечто к тем знаниям, которыми он уже обладает; при этом в каких-то случаях дело не ограничивается простым суммированием – оказывается необходимой еще и определенная перегруппировка, перестройка имеющихся у него знаний.

Знания, вырабатываемые в гуманитарных науках, имеют наряду с этим еще и другой вектор. Они призваны так или иначе воздействовать на сферу ценностей воспринимающего их субъекта, в них должен наличествовать существенный элемент суггестии, побуждения к тому, чтобы субъект-потребитель этих знаний в каких-то аспектах переосмыслил свои ценностные предпочтения и установки. Следовательно, речь в данном случае идет не столько о добавлениях к существующим массивам гуманитарных знаний, сколько именно о переосмыслении, переоценке этих предпочтений и установок. И естественно, такой посыл обращен, в конечном счете, не к коллеге по профессиональному сообществу (которое в этом контексте выступает лишь в качестве инстанции, удостоверяющей – исходя из принятых критериев научности – приемлемость данного фрагмента знания), а к широкой публике.

Иначе говоря, в современном обществе гуманитарные науки представляют собой такой институт, который обладает социально санкционированным доступом к сфере выработки и пересмотра

ценностей и смыслов. А это значит, что когда ученый-гуманитарий выступает в роли популяризатора или публициста, он несколько не выходит за рамки своих профессиональных обязательств, а напротив, в полной мере их выполняет. Между тем те информационные каналы, по которым осуществляется такая деятельность, никоим образом не фигурируют среди библиометрических баз, на которых опирается СМОН.

Разумеется, профессиональная деятельность ученого-гуманитария включает те аспекты, которые могут быть учтены и сочтены библиометрическими средствами. Однако эти средства, как мы видим, способны фиксировать далеко не все, что входит в круг его профессиональных обязанностей.

* * *

Само по себе использование такого критерия, как количество публикаций (будь то общее или количество публикаций в рецензируемых журналах), в качестве едва ли не единственного и уж во всяком случае определяющего для оценки научной продуктивности влечет за собой целый ряд негативных последствий, затрагивающих интересы всего научного сообщества. Какие-то из этих последствий достаточно отчетливо обозначились уже сейчас, другие могут обнаружиться в более или менее близком будущем.

Вообще говоря, сами попытки предложить те или иные критерии, притом формализуемые, для оценки продуктивности исследователей свидетельствуют, помимо всего прочего, об определенных напряжениях, возникающих во взаимодействии научного сообщества и структур, призванных вырабатывать научную политику и обеспечивать ее реализацию. Если прежде такого рода оценка почти исключительно рассматривалась как внутреннее дело научного сообщества, то в последние десятилетия властные структуры (а также и бизнес, и многообразные социальные группы и движения) становятся все более активными при определении как приоритетных направлений исследований, так и того, насколько эффективно используются ресурсы, выделяемые на исследования.

Такая активность вполне естественна, поскольку именно эти социальные агенты наиболее причастны к выделению финансовых и иных ресурсов для исследователей и, следовательно, наиболее заинтересованы в эффективном использовании этих ресурсов. Здесь, однако, лежит первый источник напряжений, поскольку критерии для оценки результативности, эффективности и т.п. исследований у научного сообщества, с одной стороны, и у внешних агентов, с другой, как правило, не совпадают.

Вообще говоря, эти результативность и эффективность должны оцениваться как многомерные параметры, что не может учитываться в полной мере, если в основу оценки кладется количество статей либо производные от этой величины, такие, как количество статей в рецензируемых журналах или параметры, основывающиеся на цитируемости тех же статей. Все эти меры не учитывают того, что в первую очередь интересует внешних агентов. Действительно, если научное сообщество ставит на первое место приращение так или иначе обоснованных, подтвержденных и, что особенно важно, новых знаний, то для внешних агентов основное – это новые, способные дать тот или иной исчисляемый практический эффект технологические решения. Оценки, основанные на измерении количества статей, не позволяют охарактеризовать этот аспект результативности исследований, что не может не отразиться на отношении к таким оценкам членов научного сообщества. Но и количество статей по своей сути является не более чем производной от выполненных исследований, особенно тех, что получают высокую оценку коллег. А с точки зрения традиционного этоса науки именно качество проведенных исследований выступает главным основанием для доступа к источникам финансирования новых исследований, которые позволяют получить новые высококачественные результаты.

Однако в науке, настроенной на поиски новых технологических решений, главные источники финансирования исследований находятся в распоряжении внешних агентов, которые обычно не очень-то компетентны в оценке научного качества исследований а следовательно, и научных статей. Эти агенты ориентируются прежде всего на технологическую эффективность и, соответственно, потенциальную коммерческую ценность исследований. Таким образом, критерии, основанные на количестве и цитируемости ста-

тей в научных журналах, в некоторых важных отношениях все чаще оказываются недостаточными для оценки продуктивности исследователей.

Более того, когда во главу угла ставится такого рода одномерный критерий, это порождает феномен, который в психологии называют «сдвигом мотива на цель»: при этом действия вступают в противоречие с породившими их мотивами. Как отмечал А.Н.Леонтьев, «В результате происходит сдвиг мотивов на цели, изменение их иерархии и рождение новых мотивов – новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции»¹³. В нашем случае такой дискредитируемой оказывается цель получения нового знания, а то, что первоначально выступало как средство – публикация статьи, информирующей коллег о проведенном исследовании и, следовательно, о достижении этой цели, теперь оказывается самой по себе целью. Таким образом стимулируется гонка за количеством публикаций, нашедшая выражение в известном афоризме «publish or perish» - публикуйся или погибни.

Неадекватность такого подхода проявляется, в частности, в том, что входят в употребление различные, мягко говоря, не очень добросовестные технологии искусственного «накачивания» этих количественных показателей. Это, прежде всего, три главных преступления перед нормами добросовестного проведения исследований: плагиат, фабрикация, фальсификация. Это, далее, и ложное соавторство, и привлечение (разумеется, за отдельную, и зачастую весьма немалую, плату) к написанию статей тех, кто не участвует в исследовании, но умеет составлять «гладкие» тексты для научных журналов. Это – и технология так называемый «слайми слайсинг», когда одно проведенное исследование подобно батону колбасы «нарезается» на мелкие кусочки, каждый из которых описывается в отдельной статье. Это – и то, что называют автоплагиатом, т.е. переписывание из статьи в статью того, что получено в одном исследовании. В последние десятилетия попытки борьбы с такого рода грязными технологиями стали объектом пристального внимания в рамках международного движения за добросовестное проведение исследований.

Сегодня проблема добросовестности при проведении исследований и публикации их результатов (scientific integrity) привлекает все большее внимание не только научного сообщества, но и государственных структур, ответственных за формирование и реализацию политики в области науки, и, в конечном счете, общества в целом. Было проведено две Всемирных конференции по добросовестности в исследованиях: в Лиссабоне (2007 г.) и Сингапуре (2010 г.) На Сингапурской конференции было принято соответствующее заявление¹⁴. Проведение следующей такой конференции намечено на май 2013 г., место проведения – Монреаль.

Конечно, в научном сообществе всегда так или иначе осознавалось то обстоятельство, что время от времени имеют место недобросовестные, недостоверные исследования, факты подтасовки, фальсификации результатов, плагиата и т.п.

Пренебрежение этими нормами научной добросовестности было чревато негативными последствиями как для самого нарушителя, так и для научного сообщества. Нарушитель – в случае, если его проступок будет обнаружен, – мог подвергнуться санкциям со стороны коллег. Что касается сообщества, то подтасованные или сфальсифицированные данные могут, если на них будут опираться в своих исследованиях коллеги нарушителя, породить целую цепь недостоверных результатов.

Впрочем, в той мере, в какой эти негативные последствия не выходили за пределы научного сообщества, можно было рассчитывать на то, что действующие внутри сообщества механизмы самокоррекции позволят достаточно быстро преодолеть эти последствия. Действительно, чем более значимым сфальсифицированный результат представляется с точки зрения тех исследований, которые проводятся на переднем крае науки, чем, следовательно, в большей мере он будет использоваться в этих исследованиях, тем скорее будет обнаружена его ненадежность. В то же время сфабрикованный результат в публикации, которая не вызвала никакого отклика со стороны коллег, окажется – именно в силу его не востребоваемости – безвредным для сообщества.

В последние десятилетия, однако, ситуация быстро и резко меняется. Один из ведущих специалистов по проблематике добросовестности в исследованиях Николас Стенек пишет: «Озабоченность общественности нарушениями этических норм при проведе-

нии исследований впервые проявилась в начале 1980-х гг., когда в печати было опубликовано несколько сообщений о фактах вопиющих нарушений. Один исследователь напечатал под своим именем десятки статей, ранее опубликованных другими. Другие в той или иной форме фальсифицировали результаты проведенных исследований. Усугубило ситуацию то, что создавалось впечатление, будто в ряде случаев исследовательские учреждения старались игнорировать или намеренно покрывали такие факты, а не расследовали их. В конечном счете, вмешался Конгресс и потребовал, чтобы федеральные министерства и агентства и научно-исследовательские институты разработали документы, регламентирующие меры на случай нарушения этических норм»¹⁵.

В марте 2007 г. экспертная группа Европейской комиссии опубликовала доклад «Добросовестность в исследованиях. Обоснование действий Европейского сообщества»¹⁶. В докладе, в частности, обсуждается следующий вопрос: иногда говорится, что ненадлежащее поведение в исследованиях – это преступление, которое обходится без жертв. Считается при этом, что когда исследование будет повторено другими, фальсификация или неполнота данных будет обнаружена. Однако такие повторные исследования проводятся далеко не всегда, да и при их проведении такие неверные данные не обязательно обнаруживаются. В целом же, как отмечается в докладе, «ненадлежащее поведение исследователей вызывает много жертв. В их числе:

- пациенты, которые участвуют в мошенническом исследовании или пользуются его результатами;
- общество, доверие которого ко всем вообще исследованиям подрывается;
- лица, принимающие решения, которые начинают сомневаться в надежности данных, на которые они опираются;
- налогоплательщики или компании, деньги которых тратятся понапрасну...»¹⁷.

Сколько-нибудь точных сведений о распространенности ненадлежащего поведения исследователей немного. Тем не менее существующие данные говорят о том, что масштабы подобных явлений весьма значительны. Так, один из опросов, проведенных в США в 2002 г., в котором участвовало 3600 ученых среднего возраста и 4160 исследователей, недавно защитивших

диссертации, чьи проекты были поддержаны NIH, дал такие результаты. 33 % респондентов (38 % находящихся на пике карьеры и 28 % молодых исследователей) признали, что за предыдущие три года у них бывали достаточно серьезные случаи ненадлежащего поведения¹⁸.

Согласно данным, цитируемым в докладе экспертов Еврокомиссии, нечестными являются от 0,1 до 0,3 % исследований. Таким образом, по оценке европейских экспертов, учитывая, что в странах Евросоюза 1,2 млн исследователей, то даже при 0,1 % получается, что набирается около 1200 нечестных исследователей¹⁹.

Именно значительные масштабы и серьезность последствий, вызываемых этими явлениями, привели к тому, что проблемами недобросовестного поведения исследователей стали заниматься не только внутри научного сообщества, но и в тех административных структурах, которые так или иначе связаны с разработкой и реализацией научной политики.

Национальный совет по науке и технологиям – исполнительный орган при президенте США – дает следующее определение ненадлежащего исследовательского поведения (research misconduct): «фабрикация, фальсификация или плагиат в предложении, проведении или рецензировании исследования либо в сообщении его результатов»²⁰. При этом под фабрикацией (подлогом) понимается выдумывание данных или результатов и запись или сообщение их; под фальсификацией – манипулирование исследовательскими материалами, оборудованием или процессами либо изменение или невключение данных или результатов, вследствие чего искажаются материалы исследования: под плагиатом – присвоение идей, процессов, результатов или слов другого лица без указания соответствующих заслуг этого лица²¹.

Наряду с перечисленными формами ненадлежащего исследовательского поведения обсуждается и такая тема, как спорные исследовательские практики (Questionable Research Practices), под которыми понимается отклонение от принятой в соответствующем исследовательском сообществе практики проведения исследований²². Считается, что нарушения такого рода имеют место более часто. К их числу относят: статистические ошибки; неправильное указание авторства; дублирование публикаций и т.д.²³

Есть все основания утверждать, что обострение проблем добросовестности при проведении исследований в значительной мере обусловлено все той же системой оценки продуктивности исследовательской деятельности по библиометрическим показателям. Следует отметить, что в научном сообществе становится все более ощутимым недовольство этой системой оценки. Конечно, СМОН в силу его одномерности и относительной простоты особенно привлекателен для администраторов от науки. Считается, что он дает объективные оценки научной продуктивности, независимые от субъективных пристрастий тех или иных оценщиков. Однако критическое отношение научного сообщества во многом обусловлено именно тем, что СМОН, как и другие подобные системы, вводятся без учета его позиции, даже без попыток эту позицию выявить. В этой связи представляются особенно важными и перспективными предпринимаемые внутри самого научного сообщества попытки оценки продуктивности на основании мнений экспертов. Одна из таких попыток поддерживается ОАО «РВК» (Российской венчурной компанией). Речь идет о проекте «корпус экспертов».

Один из членов рабочей группы этого проекта, доктор физ.-мат. наук М.В.Фейгельман отмечает, что проект «возник из того, что некоторое количество научных работников лет пять назад поняло довольно простую вещь: нас осталось мало и нам необходимо самоорганизоваться, чтобы иметь, по крайней мере, более-менее регулярную среду, в которой можно найти специалистов, действительно знающих толк в своих конкретных научных разделах. В принципе хотелось, чтобы существовали, как и раньше, некоторые обширные коллегии ученых, которые справлялись бы с этой ролью. Такой была Академия Наук, но де-факто она этим механизмом не служит или служит, но неэффективно»²⁴. И далее: «идея этого проекта состояла в том, чтобы, с одной стороны, использовать объективные данные по активности ученых в области публикаций, а также оценки этих публикаций другими учеными (например, цитирование). С другой стороны, применить потенциал экспертных оценок – сделать синтез того и другого»²⁵.

Этот проект интересен не только тем, что в нем процесс формирования корпуса экспертов рассматривается как самостоятельная задача, а не то, что может быть сделано по наитию или бюро-

кратическому приказу. Помимо того, проект не ставит своей целью сплошную оценку всей нынешней российской науки в целом или ее отдельных отраслей, а направлен на выявление того, что авторы характеризуют как «островки науки в России». Очевидно, проект нацелен не на то, чтобы решить проблему раз и навсегда, а на длительную работу, во многом исследовательскую, по выстраиванию и отладке системы, которая позволит получить достаточно полную и репрезентативную картину текущего состояния и тенденций развития научной продуктивности. Было бы интересно попробовать нечто подобное и в сфере гуманитарных наук.

Примечания

- ¹ В монографии Э.М.Мирского «Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки» (М.: Наука, 1980) была представлена другая модель взаимоотношений между научной статьей и монографией. Статья – это сообщение о только что происшедшем «на переднем крае» исследований. Некоторая часть эшелона статей получает освещение в обзоре, рассматривающем результаты нескольких связанных по своей проблематике исследований. Еще дальше от переднего края отстоит эшелон монографий, в котором обобщаются наиболее значимые результаты исследований в данной области знаний за последние годы. И наиболее удален от переднего края эшелон учебников, в которые попадают лишь самые фундаментальные исследовательские достижения последних десятилетий. Так происходит продвижение (а вместе с тем и конденсация, сжатие) знаний от переднего края науки до уровня, на котором они воспринимаются студентами (аспирантами), в противоположном же направлении пролегает путь от студента (аспиранта) до исследователя, способного самостоятельно обнаружить перспективную научную проблему и провести ее исследование. Нетрудно заметить, что СМОН настроен таким образом, что он фиксирует лишь первые два уровня той работы со знаниями, которую приходится выполнять исследователям.
- ² Имеет смысл обратить внимание на то обстоятельство, что и система грантовой поддержки исследований, по крайней мере так, как она организована в наших крупнейших фондах – РФФИ и РГНФ – в целом тоже ориентирована на статью как основной результат исследовательской деятельности.
- ³ FROM SCIENCE AND SOCIETY TO SCIENCE IN SOCIETY: TOWARDS A FRAMEWORK FOR 'CO-OPERATIVE RESEARCH' Report of a European Commission Workshop Governance and Scientific Advice Unit of DG RTD, Directorate C2 Directorate General Research and Technology Development, Brussels 24th – 25th November 2005.

- 4 Global Governance of Science. Report of the Expert Group on Global Governance of Science to the Science, Economy and Society Directorate, Directorate-General for Research, European Commission. Brussels, 2009.
- 5 Global Governance of Science, p. 9.
- 6 Engaging Science: Thoughts, deeds, analysis and action / Ed. by John Turney. Wellcome trust, 2006.
- 7 Wolfendale Committee. (1995). *Final report*. London: Office of Science and Technology. Retrieved from (<http://www.dti.gov.uk/ost/ostbusiness/puset/report.htm>).
- 8 [Council for Science and Technology. (2005). *Universal ethical code for scientists: Consultation letter and code*, P. 4. Retrieved from (www.cst.gov.uk/cst/business/files/ethicalcode-letter.pdf).
- 9 Cm. House of Lords Science and Technology Committee. Science and Society. Third Report of Session 1999–2000. (HL 38) London: The Stationery Office; 2000 (www.publications.parliament.uk/pa/ld199900/ldselect/ldscitech/38/3801.htm) [accessed 5 June 2006].
- 10 Ibid. P. 14.
- 11 Ibidem.
- 12 См., напр., “From PUS to PEST”, Science, vol. 298, 4th October 2002, p.49; Nico Pitrelli. The crisis of the “Public Understanding of Science” // Great Britain. JCOM 2 (1). March 2003. P. 1–9.
- 13 Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. Изд. 2-е. М., 1977. С. 210.
- 14 http://www.singaporestatement.org/Translations/SS_Russian.pdf
- 15 Nicholas H. Steneck. ORI introduction to the responsible conduct of research. Washington, D.C.: Dept. of Health and Human Services, Office of the Secretary, Office of Public Health and Science, Office of Research Integrity, 2003, p. 12.
- 16 Integrity in Research – a Rationale for Community Action (http://ec.europa.eu/research/science-society/document_library/pdf_06/integrity-in-research-ec-expert-group-final-report_en.pdf).
- 17 Ibid.
- 18 См. Brian C. Martinson, Melissa S. Anderson, Raymond de Vries. Scientists behaving badly // Nature. 435. 737-738 (9 June 2005).
- 19 FP7 – 2007-2013 webpage (http://cordis.europa.eu/fp7/home_en.html).
- 20 **Federal Policy on Research Misconduct** (http://www.ostp.gov/cs/federal_policy_on_research_misconduct).
- 21 См.: Ibid.
- 22 Steneck, Nicholas. Fostering integrity in research: Definitions, current knowledge, and future directions // Science and Engineering Ethics. Vol. 12. № 1. March 2006. P. 53–74.
- 23 См. Kelly L. Wester; John T. Willse; Mark S. Davis. Responsible Conduct of Research Measure: Initial Development and Pilot Study // Accountability in Research. Vol. 15. Issue 2. April 2008. P. 87–104.
- 24 <http://www.polit.ru/article/2012/11/09/ostrovki-nauki-rbk>.
- 25 Ibid.

Система РИНЦ применительно к философским наукам*

«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) – отечественная система учета и подсчета продуктивности научной деятельности индивидуальных авторов по публикациям в отобранных РИНЦ научных (также технических и медицинских) журналах и по (выборочно) подсчитанным на их основе цитированиям. Эта система возникла десятилетиями позже аналогичных зарубежных служб и в основном строилась по их образцам и моделям. Отсюда ее важная особенность, о которой вполне добросовестно сообщают организаторы системы и работающие в ней специалисты: РИНЦ – только в начале пути. Она пока не располагает в необходимом объеме ни финансовыми ресурсами, ни подготовленными для решения означенных целей специалистами, ни солидным историческим опытом. Но поскольку подобная информационная деятельность затребована временем, ученым и научным учреждениям придется осваиваться, считаться с её результатами и формами.

В наши задачи не входит информирование научной общественности о том, на выполнение каких именно целей направлена деятельность РИНЦ, с какими трудностями этой службе приходится сталкиваться и какие программы уже разработаны, проводятся в жизнь, чтобы *со временем* и *посильно* разрешать проблемы, неиз-

* Печатается по изд.: Высш. образование в России. 2012. №3. С. 3–17.
Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (№ 11-03-00442а).

бежные на первых стадиях работы. Служба РИНЦ на своем сайте (eLibrary.ru) предоставляет в распоряжение пользователей информацию также и о своей деятельности, с чем не только полезно, но и необходимо знакомиться ученым, сотрудникам научных учреждений, ибо к данным системы им теперь придется обращаться регулярно.

Прежде всего важно понять исходные предпосылки и ограничения, т. е. учесть, *чего заведомо не делает*, к чему не обращается РИНЦ – подобно другим национальным и международным наукометрическим системам (самая продвинутая из них – Thomas-Reuters Corp.). Так, эти информационные службы «отвлекаются» от монографий, индивидуальных и коллективных (за исключением публикаций материалов отдельных конференций), т. е. оставляют за бортом книжные публикации ученых, что объективно обусловлено рядом причин, внутренних для данных служб. Между тем при подсчете публикаций, особенно в гуманитарных дисциплинах, такое отвлечение является серьезным недостатком. Другое ограничение – неизбежность *отбора* отдельных журналов, публикации в которых принимаются в расчет, из необозримого, в сущности, моря журнальных публикаций¹.

Получается, что довольно значительная по объему и важности часть общей панорамы развития наук и деятельности ученых, а именно книжная продукция, не попадает в эти системы в силу *изначального решения об исключении книг из информационных данных*. Правда, применительно к работе самих этих систем речь идет об объявленных решениях, вытекающих из все же ограниченных возможностей учета поистине необозримого количества книжных публикаций. Решение зарубежных и отечественных информационных систем ограничиться журналами, причем только ими отобранными и составляющими небольшую долю издаваемой журнальной продукции, тоже вполне понятно.

Однако дело существенно меняется, если и когда *вне этих систем* принимаются решения – и складывается соответствующая практика, при которой имеет место исключительная опора на данные системы при вынесении количественно-качественных оценок об эффективности, результативности, продуктивности деятельности отдельных ученых и состоянии целых научных областей, – прямо влияющие на распределение финансовых средств, рейтинги институтов, иногда и на их необоснованную ликвидацию.

Проблема взаимоотношений научных сообществ с чиновниками разного рода, ретиво требующими полностью и без поправок ориентироваться на системы, подобные РИНЦ (часто зная их только по названиям), нуждается в специальном осмыслении, что не принадлежит к главным целям данной статьи.

В целом я буду исходить из следующих общих предпосылок: система РИНЦ может сыграть полезную информационную роль даже в рамках принятых ею условий и ограничений. Тем более что на сайте РИНЦ оговорено: настоящее время – начальное и переходное для данной системы, так что принимаются пожелания, направленные на усовершенствование используемых методик, иногда с пониманием их неоптимальности. (Хорошо бы не забыть об этом самокритичном понимании тогда, когда система окрепнет и, что называется, наберет обороты...)

Что будет дальше, посмотрим. На сегодняшнем же этапе возникает *объективная необходимость для самих ученых и научных институтов* (например, входящих в РАН) вникать в вопросы как о полезности, так и о недостатках уже возникших отечественных информационных систем. Эта необходимость определяется тремя главными обстоятельствами.

Во-первых, для ученого владеть информацией о публикациях в его областях знаний, о цитатах и ссылках на его работы и на исследования коллег и т. д. – весьма полезно. Даже при использовании Интернета собственные усилия добыть такую информацию сильно уступают возможностям профессиональных наукометрических систем.

Во-вторых, для научных институций соответствующие данные тоже могут быть полезными при сравнительных оценках научно-исследовательского вклада отдельных ученых и научных школ, внутриинститутских подразделений. А потому и отдельным российским ученым, и научным сообществам, и периодическим изданиям лучше всего помогать РИНЦ по принципу: уж если в этой системе производится указанный учет и обсчет, то в интересах самих ученых способствовать достижению наибольшей полноты и объективности результативных показателей. Правда, это требует от нас дополнительной и систематической работы (о чем подробнее – в заключительной части статьи).

В-третьих, сейчас на ученых, научные институты накатывает волна требований, инструкций, «инноваций», исходящих от разных чиновных инстанций (министерств, внутриакадемических управленцев, руководства научных фондов и т. д.), суть которых состоит в напористом стремлении *немедленно* использовать «точные количественные показатели результативности научно-исследовательского труда» – на основе тех систем и данных, которые имеются «под рукой». *Проверка именно точности и релевантности их данных, оценок* по отношению к реальным процессам, качеству, значимости действительного вклада отдельных ученых, научных школ, исследовательских коллективов, целых научных дисциплин никем не делается и даже не предполагается как исходное условие. Тщательные проверки в принципе могли бы стать делом тех самых инстанций, представители которых директивно требуют на данные информационные системы опираться. Но, говоря реалистически, у них нет ни знаний, профессионально требующихся в подобных случаях, ни особого желания подойти к делу критически. А потому конкретные проверки надежности данных опять-таки становятся делом *самих ученых, научных учреждений и коллективов* – по отношению к реальным индивидам и соответствующим областям знаний.

Правда, применительно к РИНЦ самой правильной стратегией со стороны научного сообщества сегодня было бы дать этой системе время для созревания, одновременно надеясь на государственную поддержку и на высокопрофессиональную экспертизу достигнутого уровня её работы. При этом ученые и их институции могли бы отнестись к *сегодняшним* результатам и данным, предлагаемым РИНЦ, с пониманием и доброжелательностью. Вместе с тем в сложившихся обстоятельствах ученым одновременно приходится как *использовать* данные РИНЦ, так и самим критически *проверять* достоверность, надежность, полноту предоставляемой информации, сопоставляя её с действительным положением вещей в сферах их исследовательской работы и предотвращая использование неточных, неполных данных как основание для тех или иных ошибочных решений.

Поскольку и РИНЦ, и информационно-наукометрические системы разных стран учитывают не книжные, а журнальные публикации, прежде всего рассмотрим, какие массивы журналов служат основой для осуществления дальнейших подсчетов.

Проблема отбора журналов по философии

Вопрос о том, какие именно журналы образуют для информационных систем поле обсчета, имеет для получаемых результатов ключевой характер. Поэтому в нашем случае целесообразно присмотреться к тому «Каталогу журналов», по которому РИНЦ подсчитывает количество публикаций и ссылок по философским проблемам и дисциплинам.

В настоящее время в рубрике «Философия» на сайте РИНЦ приведен каталог названий, включающий *345 единиц* (!) и объединяющий собственно журналы, а также вестники, ежегодники и т. п. Как и по какому принципу их отбирали? Видимо, дело отбора сильно облегчалось для РИНЦ тем, что в каталог вошли 87 единиц, ранее включенных в лицензионный перечень ВАК именно по философии².

Как можно оценить этот каталог? Скажем сначала о хороших новостях. Несомненно, что включение некоторых журналов, вестников, ежегодников именно в каталог *по философии* выглядит вполне обоснованным, более того – само собой разумеющимся делом и для философов, и для представителей других дисциплин. Это подтверждается дополнительными характеристиками, которые имеются в каталоге, – количеством подсчитанных (в основном за период с 2008 г.) статей и ссылок на них. Эти данные могут быть полезны, но – скажу, забегая вперед – исключительно при понимании и знании того, сколько случайных и необъективных факторов пока что определяют все процессы отбора и подсчета. Например, учтены (к январю 2012 г.) 91 выпуск (за 7 лет) журнала «Вопросы философии» – с 1674 статьями и 14901 ссылкой на его публикации (здесь индекс цитирования, согласно РИНЦ, 1,094 – самый высокий в этом списке и далеко отстоящий от индексов большинства журналов.). Что еще раз подтверждает статус «Вопросов» как центрального российского философского журнала. Кстати, это единственный отечественный журнал, включенный в Каталог мировых философских журналов в базе данных Thomas Reuters Corporation (Web of Science). Хорошие позиции у журнала «Человек» Института философии РАН (41 учтенный выпуск, 876 статей, 1616 ссылок). Еще один наш популярный журнал, а именно «Философские науки», в РИНЦ представлен 70 выпусками – с 997 статьями и высоким цитированием (1660 ед.). Другая

философская периодика, по праву включенная в каталог РИНЦ, это: «Вестник Московского университета. Серия 7: Философия» (40 выпусков, 362 статьи, 649 ссылок); «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия» (26 выпусков, 356 статей, 49 ссылок). Нельзя не отметить – и Каталог РИНЦ это учитывает – относительно недавно появившиеся, но уже занявшие свое место в философской периодике высокопрофессиональные специализированные журналы, такие как «Эпистемология и философия науки» (учтено 30 выпусков с 731 статьей и 351 цитированием).

Все названные журналы – московские. Вместе с тем обращает на себя внимание оправданное включение в обрабатываемую РИНЦ российскую философскую периодику журналов из других городов России. Примеры: «Философия науки» Сибирского отделения РАН (47 выпусков, 460 статей, 386 ссылок); «Философия права» Ростовского юридического института Министерства внутренних дел РФ (27 выпусков, 960 статей, 210 ссылок) или специализированные «Соловьевские исследования» Ивановского государственного технического университета им. В.И. Ленина (19 выпусков, 414 статей, 68 ссылок); «Философия образования» Сибирского отделения РАН (24 выпуска, 1119 статей, 1099 ссылок). Будучи главным редактором «Историко-философского ежегодника», я, естественно, интересовалась позициями философских ежегодников. Формально говоря, на общем фоне они неплохи. Так, один из старейших ежегодников ИФ РАН «Логические исследования» представлен 7 учетными выпусками (138 статей и 107 ссылок), «Этическая мысль» – 9 выпусками (103 статьи, 38 ссылок). От «Историко-философского ежегодника», издающегося с 1986 г., учтен пока только 1 выпуск. Но радует то, что на 22 статьи лишь одного этого выпуска имеется 92 ссылки.

Пока речь шла, что называется, о хороших новостях. Они, говоря обобщенно, состоят в том, что РИНЦ *учитывает данные по главным, признанным философским журналам России, и собранные, пусть далеко не полные, эти данные достаточно убедительно подтверждают их сохраняющуюся центральную роль, высокий престиж в философии и за её пределами.* Эта группа журналов и ежегодников образует ядро философской периодики России. И сей факт отображен Каталогом РИНЦ. А следовательно, база для последующей объективной информационной работы существует.

Но есть и плохие новости. Они состоят в следующем. Хотя в каталог РИНЦ по философии вошла профессиональная философская периодика, не она составляет там большинство. Включение немалого числа изданий – не вообще в число источников для РИНЦ, а *в каталог именно по философии* – вызывает сильные сомнения. Возникает такой вопрос: поскольку в каталоге имеется 345 единиц, то где нашли такое большое количество *философских* журналов? После внимательного изучения списка удивление рассеивается. Многие журналы, фигурирующие в списке, вовсе не являются *специально-философскими*; более того, возникает подозрение, а есть ли среди их публикаций (добротные) философские работы. В каталоге *по философии* фигурируют по преимуществу журналы, вестники вузов, в которых публикации по философии образуют только *часть работ*, и не всегда полностью ясно, какую, но предположительно – незначительную, потому что часто речь идет об институтах негуманитарного профиля. В случае гуманитарной тематики журналы, вестники, если они всё-таки подразумевают также и философские публикации, скорее берут гуманитарную проблематику, что называется, скопом. Характерны, например, такие широкие объединения: «Культура, история, философия, право» или «Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения» и т. д. Не получалось ли так, что философию «на всякий случай» присоединяли к некоему гуманитарному комплексу, не обязательно предполагая, что наберется достаточное количество качественных философских статей? Впрочем, это предположение в каждом отдельном случае требует конкретной проверки. И дело РИНЦ – организовывать *специальные экспертизы* для определения того, правомерно ли включение того или иного журнала, вестника в соответствующий дисциплинарный каталог.

При изучении каталога (без просмотра статей или по крайней мере их тематики *de visu*) применительно к некоторым изданиям, включенным РИНЦ в перечень *философской* периодики, трудно судить о том, каков в них удельный вес *философских статей*, если они вообще имеются. Кстати, слабая их представленность ничего не говорит о качестве соответствующих журналов. Так, журнал «Сервис plus» Российского государственного университета туризма и сервиса или журнал «Ветеринарная

патология», возможно, вполне хороши для своих областей, однако, остается вопрос, по праву ли они занимают место в каталоге *философской* периодики.

Сомнение вызывает и то, имеют ли отношение именно к философии те вестники, журналы немалого количества вузов (а среди них – носящих гордое название «академий»), даже в названии которых слово «философия» не присутствует.

При первом подходе (ещё раз оговариваю: без просмотра публикаций) кажется, что добрая половина заявленных в каталоге журналов, вестников и т. д. могла бы не фигурировать именно в рубрике «Философия». И тогда вместо них можно было бы включить в список и, соответственно, обсчитывать журналы, названия которых, с одной стороны, не явно философские, но которые, с другой стороны, определенно публикуют немало работ именно по философии (пример – интересный и популярный журнал «Вестник аналитики»).

Впрочем, к решению обрисованной проблемной трудности возможны два противоположных подхода. *Подход первый*: в целом заметно сократить список журналов, включенных именно в *философский* каталог, оставив некоторые из них лишь в «родных» им дисциплинарных областях. (Это требует, Впрочем, не формально-механического исключения, а проведения конкретной экспертизы.) Вместе с тем, как сказано, некоторые журналы с – доказанными и постоянными – философскими публикациями, можно в список добавить. *Подход второй* (и им, вероятно, руководствовались в РИНЦ): пусть список и несколько избыточный (с точки зрения редких и вряд ли высокопрофессиональных обращений ряда изданий именно к философской проблематике), лучше оставить в нем большее количество журналов и вестников, тем самым поощрив их к дальнейшему и более интенсивному опубликованию философских статей. Хотя я лично скорее придерживаюсь первого подхода, признаю, что второй подход, возможно, более практичен – тем более что в некоторых городах России комплексные вестники вузов, особенно общегуманитарные, являются и единственной реальной возможностью также и для местных философов опубликовать свои работы.

Система РИНЦ, как и другие аналогичные информационные службы, предоставляет некоторые данные, так или иначе пригодные для оценки результативности исследовательской деятельности ученых. Но результаты, достигаемые самой этой системой, как и

её методы, сами требуют оценки, главным критерием которой, как представляется, является следующий: соответствуют ли добытые данные и в какой мере действительной картине деятельности ученых, её по крайней мере количественным, но также и отдельным качественным показателям?

Данные РИНЦ и действительная продуктивность ученых

Всё, что будет исследоваться и высказываться далее, отнюдь не имеет целью как-то опорочить работу РИНЦ, тем более на той стадии, когда эта работа только началась и когда в самой системе (судя по многим «документам» на сайте) понимают сложность проблем и необходимость устранения обнаружившихся погрешностей.

В системе РИНЦ имеющиеся наукометрические инструменты ещё только подгоняются к условиям и задачам информирования о российской науке. Поэтому наши опасения и предостережения, скорее, относятся не к РИНЦ, а к тем ретивым управленцам различных уровней, которые непременно хотят, притом как можно скорее, «внедрить в практику» оценки научно-исследовательского труда в России пока ещё не готовые методики и приемы информационного характера.

Да и само наше обсуждение уже сделанного и делаемого РИНЦ – чисто предварительное. Спешить с ним не следовало бы, если бы не упомянутое чиновное рвение, прикрываемое разговорами об «инновациях». Ибо ведь в Институты РАН уже «спущены» сверху распоряжения о том, что «объективными» данными РИНЦ (и зарубежных корпораций) сотрудники исследовательских учреждений должны сопровождать свои отчеты или заявки в научные фонды. Вот почему нас вынуждают уже *сегодня* разобраться с тем, соответствуют ли данные, отнесенные в РИНЦ к теме публикационной активности конкретных ученых, самой этой активности, прежде всего – по количественным параметрам. (Надо учесть и то, что наблюдается желание ряда наукометров на основании не критического принятия подобных количественных расчетов делать качественные, даже «меритократические» выводы о заслугах и достижениях касательно целых областей знаний. Об этом – по отношению к философии – шла речь в моей упомянутой статье в Вестнике РАН.)

Далее проблема будет разобрана применительно к философии. Забегая вперед, скажем: на сегодняшний день результаты сопоставления информационной картины РИНЦ с действительными – в данном случае чисто количественными – показателями работы ученых выглядят неудовлетворительно, а порой просто удручающе. Цифры подчас различаются на целые порядки. Что мы попытаемся доказать далее на конкретных примерах.

Case studies

В качестве одного из методов указанного сопоставления мы избрали метод case studies – для того, чтобы на конкретных примерах продемонстрировать весьма существенное расхождение между картиной, которая возникает при использовании данных РИНЦ, и действительной публикационной деятельностью ученых. Были выбраны – в качестве объектов изучения – исследовательские результаты трех видных ученых; из Института философии РАН это доктора философских наук, профессора Рубен Апресян и Елена Князева, из РГГУ – доктор философских наук, профессор Алексей Круглов. Все трое – философы с мировыми именами. Данные об их публикациях за 2008–2011 гг. предоставлены ими самими; вместе с тем *проверенные* списки публикаций за 2008–2010 гг. двух первых философов опубликованы в годовых отчетах Института философии РАН. *Недостоверность данных, приведенных в этих списках, исключена.*

Case study № 1. Здесь имеется в виду (с количественной стороны) работа доктора философских наук, профессора *Рубена Апресяна*. В *схеме 1* приведены его публикации за 2008–2011 гг.

Схема 1

Общее количество публикаций и их объем	Зафиксированы РИНЦ	Цитирования, зафиксированные РИНЦ	Публикации в рецензируемых журналах Учтено РИНЦ	Не учитываются РИНЦ	
				Монографии	Другие публикации

61, объем 45,4 а. л.	11	9	15	4 (отв. редак- тор), 141 а. л.	31
				11	

Общий итог: система РИНЦ зафиксировала 1/5 публикаций данного автора. *Оказались полностью неучтенными следующие важные категории публикаций Р.Г. Апресяна:*

1) 4 коллективные монографии, его работа как отв. редактора (141 а. л.) и одного из авторов. Эта деятельность является содержательной и почетной, ибо реально означает высокое признание ученого со стороны профессионального сообщества. Примеры: монография «Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы» (М.: Альфа-М, 2009 – 31,1 а. л.), которая принадлежит к числу книг, относимых специалистами к лучшим отечественным исследованиям последнего времени по этике; тематическая публикация в «Логосе» (2008. № 5) «О праве лгать». Последняя коллективная работа отражает дискуссии – формально по статье Канта, а на самом же деле по центральным современным проблемам этики. В данной работе позиция Р.Апресяна обсуждалась в качестве одной из важнейших в современной российской этике;

2) не учтены авторские публикации Р. Апресяна как в других коллективных монографиях, так и в нерецензируемых журналах; вместе они составляют *половину* численности всех опубликованных работ Р.Г. Апресяна за отчетный период. Справедливости ради следует отметить: случай Р.Г. Апресяна – особый в том смысле, что замеченность его публикаций и ссылок на его работы в системе РИНЦ за все «учтенные» годы – одна из самых высоких и как будто благоприятных. Так, всего в РИНЦ зафиксировано *250 ссылок на его работы* – цифра, сравнительно с другими авторскими, очень высокая³.

Но если взять «замеченность» в системе РИНЦ за последние 3 года, то пока цифра эта (9 ссылок) отличается от реальной картины на целые порядки. Итак, если в ответ на требования чиновных инстанций Р.Апресян укажет, что, согласно РИНЦ, на его работы ссылались 9 раз, сколь же необъективными, неблагоприятными для данного высокопродуктивного ученого, хорошо замеченного и признанного сообществом, окажутся эти данные!

Case study № 2. Публикации доктора философских наук, профессора *Елены Княzewой* (схема 2).

Схема 2

Общее число публикаций	Зафиксировано РИНЦ и другими системами	Цитирования, зафиксированные РИНЦ	Публикации в рецензируемых журналах Учено РИНЦ	Не учитываются РИНЦ	
				Монографии (число и объем)	Другие публикации
86	РИНЦ – 13, т. е. 15%; Web of Science – 3, т. е. 3,5%	1	9, объем 5,9 а.л. Все учтены РИНЦ	2 (в соавторстве) – 37 а. л. 1 учебное пособие (в соавторстве – переиздание) – 16,5 а. л.	70

Общий итог: система РИНЦ зафиксировала за 2008–2011 гг. 13 из 86 публикаций Е.Н. Княzewой, т. е. 15 %, что в этой системе, возможно, считается неплохим средним показателем. Все её публикации этого периода в рецензируемых журналах учтены РИНЦ (9 публ.). Тем не менее *оказались полностью неучтенными следующие важные категории публикаций Е.Н.Княzewой:*

1) 2 индивидуальные монографии (в соавторстве) общим объемом 37 а.л., а также 4-е издание монографии (в соавторстве) объемом 16,5 а.л. Излишне доказывать, что переиздание научной монографии или учебника – доказательство их признания, востребованности в исследовательском сообществе;

2) подавляющее большинство публикаций Е. Княzewой (70 единиц из 86, т. е. почти 80 %!), включая монографии, учебники и статьи в нелицензированных журналах, в том числе работы, опубликованные за рубежом, – не получили отражения в РИНЦ. Что касается Thomas Corp., то здесь показатели ещё хуже: отражены 3 публикации из 86, т. е. 3,5 %;

3) неучет (заведомый) со стороны РИНЦ публикаций в зарубежных изданиях – весьма прискорбный факт: ведь в системе требований, ныне предъявляемых российским ученым, акцентируется то, насколько их исследования известны интернациональному сообществу⁴;

4) цитирования, которые приведены в РИНЦ за некоторые годы предыдущего периода (1992, 1994, 1997, 1999), показывают достаточно высокую степень замеченности работ Е.Н. Князевой, особенно написанных в соавторстве с Курдюмовым (91, 43, 25, 19 ссылок соответственно). Применительно же к публикациям 2008–2010 гг. пока чаще всего дается нулевой показатель цитирования. В дальнейшем показатели, всего вероятнее, возрастут (ведь работы вышли сравнительно недавно). А это опять-таки относится к неизбежным издержкам, которые говорят о неэффективности показателей цитирования РИНЦ, а значит – о нежелательности использования их в «чистом виде» для оценок эффективности работы ученых, когда они делаются «по свежим следам» публикаций.

Применительно к обоим case studies необходимо также подчеркнуть следующее. Р.Апресян и более молодой, и в то же время высокопродуктивный, исследователь Е.Князева, вероятно, принадлежат к числу философов, чья публикационная деятельность в «наибольшей степени» замечена и отражена в системе РИНЦ (*в сравнении с другими авторами*). Тем более досаден, если говорить мягко, следующий несомненный факт: в сравнении с действительным массивом работ данных авторов отражена, во-первых, малая часть, тогда как *подавляющее большинство их опубликованных сочинений – около 80 % – система не учитывает*, причем согласно изначальным условиям! Во-вторых, именно те работы, которые сами авторы и их коллеги ставят на первое место – с точки зрения содержания, выражения главных идей и концепций, замеченности со стороны профессионального сообщества, – *вообще не попадают в кадр имеющихся систем подсчета, причем как отечественных, так и зарубежных.*

Case study № 3. Публикации доктора философских наук, профессора *Алексея Круглова* за 2008–2011 гг. (*схема 3*).

Общее число публикаций	Зафиксировано РИНЦ	Цитирования, зафиксированные РИНЦ	Публикации в рецензируемых изданиях Учено РИНЦ	Не учитываются РИНЦ	
				Монографии	Другие публикации
26	2			2 (общий объем – 1000 стр.)	22

Общий итог:

1) из 26 публикаций А.Н. Круглова за рассматриваемый период РИНЦ учел 2 единицы, т. е. менее 10 %; если же подсчитать процент учтенного по объему, то результат поистине удручающий. За отчетный период А. Круглов опубликовал две монографии, которые являются новаторскими, беспрецедентными для существующей литературы о рецепции философии И. Канта в России – объемом около 1000 страниц! Поскольку РИНЦ монографий не учитывает, в данном случае *весьма значительная по объему и высочайшая по качеству часть работы А. Круглова не учтена;*

2) А.Круглов – автор относительно молодой, но уже хорошо известный мировому сообществу. Он много публикуется за рубежом. В частности, за рассматриваемый период на иностранных языках он опубликовал 12 статей. *Все они остались неучтенными в РИНЦ (согласно изначально принятым ограничениям);*

3) другое ограничение, принятое РИНЦ, касается переводов. Это важная область деятельности А.Круглова, который блестяще владеет немецким языком и делает высококачественные переводы труднейших философских текстов. В данном случае благоприятно то, что 4 перевода, опубликованных им в «Кантовском сборнике», получили отражение в данных РИНЦ;

4) одна из проблем РИНЦ, обсуждаемая на сайте этой системы, – путаница с однофамильцами. «Алексей Николаевич Круглов» как автор, работающий в РГГУ, в списке РИНЦ не фигурирует. Имеется в списке РИНЦ полный тезка – Алексей Николаевич

Круглов из Института радиотехники и электроники РАН. Это создает большие трудности, скажем, при «ручном» поиске ссылок и цитирований.

А.Н.Круглов делает вывод: «Точное количество публикаций в моем случае определить с помощью РИНЦ невозможно. Количество сносок на свои работы я определить не могу. Список своих работ, на которые ссылаются, и их количество по каждой отдельной работе, я определить не могу. Между тем ручной поиск подтверждает, что эта невозможность объясняется не отсутствием работ и ссылок, а тем, что РИНЦ пока сделан халтурно».

Выводы

Анализ, основанный как на общих исследованиях функционирования зарубежных и отечественных систем количественного учета результативности, эффективности работы отдельных ученых, состояния тех или иных научных дисциплин, деятельности научных учреждений, так и на обращении к отдельным дисциплинам или конкретным *case studies*⁵, – этот анализ в целом убедительно показывает: имеются весьма *существенные расхождения* между числом и особенно объемом «найденных» данными системами публикаций тех или иных ученых и действительным количеством их опубликованных работ. При этом подобные расхождения касаются основной массы, если не всех ученых. И расхождения эти, как правило, «не в пользу» ученых. Даже цифры, относящиеся к избранным РИНЦ журнальным публикациям, как правило, в 2–3 раза меньше действительного количества опубликованных в журналах работ ученого.

Болезненный парадокс: *у наиболее продуктивных ученых, особенно при учете более долговременных периодов работы, число их произведений и особенно их общий объем бывает на «порядки» больше, чем учтенное библиометрическими системами.*

Могут сказать: все эти системы, в том числе самые мощные и знаменитые (не говоря о тех, что – подобно РИНЦ – лишь в начале пути), *заведомо не ставят своей задачей целостно учесть, отразить* количество публикаций и индивидуального ученого, и тем более публикационную активность того или иного научного сообщества, института, коллектива, научной дисциплины и т. д.

Все верно. Но тогда требования непременно использовать – с сегодня на завтра – полученные этими системами якобы точные данные именно для оценок реальной исследовательской «эффективности», научного вклада отдельных ученых и т. д. тоже изначально безосновательны. При подобном подходе они могут принести не пользу делу функционирования науки, управления ею, а, напротив, очень серьёзный вред.

Во многих откликах на эту проблематику реально работающих ученых, признанных в своих исследовательских областях, отмечены те значительные упущения в работе обсуждаемых систем, которые тоже имеют характер заранее принятых ограничительных условий. А в их составе заведомый *отказ подсчитывать книжные публикации* (за исключением тезисов конференций, которые отнюдь не всегда относятся, говоря мягко, к самым значительным работам ученых) становится особенно пагубным для сферы социогуманитарных наук – пагубным прежде всего с *качественной* стороны. Конечно, книга книге рознь. И прорывные статьи великих или выдающихся ученых – больше всего в естествознании, в точных науках – с исследовательской точки зрения могут стоять много больше, нежели целые штабеля иных книг. Однако книга традиционно и совсем не случайно стала важной «единицей» исследовательского труда: в ней идеи и концепции ученых в заметном числе случаев получают наиболее систематическое, доказательное воплощение.

Между тем подсчеты библиометрических систем (включая РИНЦ), построенные по принципу «за вычетом монографий», как раз и порождают одно из тех кривых зеркал, в котором показатели продуктивности, эффективности научного труда как бы по умолчанию искажаются. И не только качественно, но и количественно. Об этом хорошо сказал О.В.Михайлов – заметьте, не гуманитарий, а известный химик: «... публикация публикации рознь: одно дело – монография, другое – статья, и уж совсем иное – тезисы докладов, но тем не менее и первое, и второе, и третье в списке трудов любого исследователя будет занимать по одной позиции» [3, с. 624].

В силу разных причин (применительно к разным дисциплинам они подробно рассматриваются в публикациях последнего времени, в том числе – по отношению к философии – в статье автора этих строк в «Вестнике РАН») *данные наукометрических служб*

не являются ни полным, ни объективным отражением реальной эффективности исследовательской работы ученых. Два выявившиеся здесь обстоятельства должны быть особо подчеркнуты. Во-первых, неблагоприятие касается не только социогуманитарных дисциплин; оно зафиксировано учеными и применительно к естественному, к математике. Один из примеров – процитированная статья химика О.В.Михайлова, который также и относительно естественных наук доказывает: количественные оценки по общему числу публикаций (с нивелированием их реального сравнительного веса), по уровню цитирования и т. д., – а ими, конечно, нельзя полностью пренебрегать, – как и другие критерии, фиксируемые, в частности, на библиометрическом уровне, *не могут служить «общепризнанными количественными критериями оценки качества» исследовательской деятельности.*

Во-вторых, показатели, изображаемые *в качестве объективных количественных данных*, на разных уровнях пронизаны многими случайностями и определяются по преимуществу не объективными и внутринаучными, а субъективными внеаучными факторами. Последние относятся уже к деятельности самих библиометрических систем на той или иной стадии их развития, притом с особой, как правило, негативной спецификой в «опоздавших» с созданием национальных систем странах современного мира. Конечно, в результате и в сумме в итоговых данных все же что-то объективное отражается. Но «объективное» отражается *лишь частично и в основном искаженно*: перед нами предстают не реальные количественные показатели даже по выбранным параметрам (число публикаций и ссылок), а то, что по этим рубрикам сумели, успели, наконец, захотели учесть соответствующие службы (как сказано, заведомо установившие содержательные ограничения и производившие свои выборки). Значит, здесь «объективно» выражается скорее уровень, степень, *характер «замеченности» деятельности тех или иных ученых, результатов их деятельности соответствующими службами.* Что, согласитесь, вовсе не то же, что достоверные, реальные характеристики самой исследовательской деятельности.

Можно признать, что сквозь такие особые призмы *как-то* проникают – пусть и преломленными, искаженными – лучи от многосторонней, объективно существующей деятельности ученых.

И потому картину надо существенно корректировать. Какие тут надо принять поправки и дополнения – вопрос весьма трудный (в дальнейшем о нем специально пойдет речь).

Разберем ещё один «довод» тех, кто ратует за использование данных обсуждаемых систем на любой стадии их развития и со всеми их недостатками. Говорят: да, система дает искажения, неблагоприятные для ученых; но разные ученые здесь как бы «равны» перед лицом такой необъективности. А значит, данные таких систем могут быть использованы хотя бы для сравнения.

Эти и подобные «доводы» и соображения не выдерживают критики. Дело как раз в том, что обилие чисто субъективных, ситуативных расхождений приводит к неравенству условий, подсчетов по отношению к ученым. И прежде отмеченное нами парадоксальное обстоятельство – *неблагоприятность подсчетов, особенно для наиболее продуктивно работающих ученых*, – говорит само за себя. Если, скажем, ученый опубликовал всего 2 работы (причем если он, не создав книги, сумел напечатать эту пару своих статей, например, в местном комплексном издании лицензированных «Записок»), и их «заметила» система – хотя бы потому, что с первой статьей данный автор попал в *Список* этой системы, то он получает преимущество (50 или более процентов замеченности!) по сравнению с автором, имеющим за тот же период около 100 публикаций и «замеченным» системой только на 5–10 % процентов...

Ещё сложнее обстоит дело с равенством условий и результатов при подсчете осуществленных учеными ссылок и цитирований, не говоря уже о замеченности уровня цитируемости той или иной системой. В специальные проблемы цитатного индекса и его *непременного*, немедленного (на чем настаивают наши чиновники) использования как объективного-де показателя эффективности и признанности ученого здесь входить невозможно. Приведу лишь высказывание (1972 года) выдающегося социолога науки Роберта Мертон о вполне возможных и, увы, уже сделанных роковых ошибках при малограмотном использовании SCI – Science Citation Index (напомню, что его создали ученики Р.Мертон под руководством Ю.Гарфильда, до сих пор курирующего деятельность соответствующих служб): «Уже со времени изобретения SCI, – писал Р. Мертон, – исследования цитирования разрастались с таким стремительным ускорением, что они

рисковали отбиться от рук. При их часто некритическом использовании имело место пренебрежение многими методологическими проблемами. Тем не менее само по себе существование SCI и растущее изобилие анализов цитирования (даже в таких вопросах, как оказание помощи в приеме на работу и продвижении ученых) могут привести к таким изменениям в практиках цитирования, которые в длительной перспективе могут неблагоприятно повлиять на эти практики и даже обесценить их в качестве измерений качества исследований. И это будет не первый случай, когда введение статистических фиксирований применительно к исполнению ролей привело к такому оттеснению (*displacement*) целей, при котором когда-то пригодный статистический индикатор, скорее, чем актуальное исполнение [соответствующей роли], становится центром манипулятивных замыслов» [4].

Как же прав оказался Р. Мертон в своем предвидении! Мы опять находимся на той стадии, когда не столько данные давно существующей SCI (впрочем, для российских ученых заведомо неблагоприятные), сколько неудовлетворительные подсчеты цитирования РИНЦ в очередной раз становятся – уже вне науки – «центрами манипулятивных замыслов» и ведут, как и раньше, к оттеснению (*displacement*) содержательных целей, ради которых, как кажется, и вводятся «практики» повсеместного обращения к «точным показателям» признанности, а на деле – к весьма неудовлетворительному учету цитирований (даже если понимать весьма ограниченное значение самого этого цитирования).

Конкретные предложения

В силу всего вышесказанного в качестве оптимальных *на сегодняшний день* представляются следующие предложения, касающиеся деятельности отдельных ученых, научных сообществ и научных институтов (в частности, институтов РАН), применительно к науко-, библиометрическим системам, включая РИНЦ.

1. Ученым полезно ознакомиться и освоиться с этими системами, обращаться к их данным, в частности, посылно помогать становлению, развитию РИНЦ своими наблюдениями и критическими замечаниями.

Вместе с тем *эти обращения на нынешней стадии могут иметь, по-моему, только чисто вспомогательный, так сказать, факультативный характер и ни в коем случае не должны быть директивно навязываемы «сверху».*

2. Поскольку в системе РАН документы, требующие предоставлять данные РИНЦ (число публикаций и ссылок), имеют вид требований, спускаемых “сверху”⁶, ученые вправе потребовать от чиновных инстанций, а точнее, от реальных авторов тех или иных документов, от соответствующих экспертов – обнародования своего авторства и готовности вступить в гласный диалог с подведомственными институтами и отдельными учеными.

3. В более чем возможном случае, если соответствующие чиновные инстанции (а фактически – отдельные лица, остающиеся анонимными) продолжают рассылать свои директивы, отдельные ученые и институты будут принуждены совместно разработать свои корректирующие поправки к показателям обсуждаемых систем. В чем могли бы состоять такие поправки?

Первое. Поскольку «сверху» все-таки требуют предоставлять «точные количественные данные» систем (включая РИНЦ), то ученым нужно добиться, чтобы вместе с такими данными – *и на более «сильных» правах* – в каждом отдельном случае предоставлялись реальные количественные результаты, прежде всего касающиеся общего количества публикаций ученого за соответствующий период. Такие количественные данные должны быть ответственно проверены и подтверждены научными учреждениями, их отчетами⁷.

Второе. Для работы рассматриваемых служб, для управляющих инстанций, а также для тех ученых, которые все-таки хотели бы использовать добываемые на нынешних этапах библиометрические данные – хотя бы как вспомогательное средство (*помогающее* оценить эффективность исследовательской деятельности – при обязательном соотнесении *показателей служб с реальными данными*), полезным делом была бы, по моему мнению, *разработка корректирующих коэффициентов и моделей.*

Поясню, что имеется в виду. «На местах», т. е. в полях реальных исследований и деятельности конкретных исследователей возможно определить – непременно с опорой на работу математиков и других специалистов – коэффициенты (хотя бы средних) отклонений, расхождений между данными какой-то системы (например,

РИНЦ) и действительными, разумеется, строго проверенными показателями. А соответственно, разработать коэффициенты поправок к данным библиографических систем. Если и когда такая работа будет проделана применительно к деятельности каких-либо научных институций и, точнее, к деятельности отдельных ученых, показателями Web of Science или РИНЦ всё-таки можно будет пользоваться.

В частности, нет никакого сомнения в том, что при любых достоверных и объективных формах учета эффективности, продуктивности исследовательско-публикационной деятельности ученого *на первое место должны быть поставлены монографии* – прежде всего индивидуальные, но также деятельность ученых в качестве ответственных редакторов важнейших коллективных монографий, особенно международных.

Подлежит обсуждению вопрос о том, что следует конкретно отличить (объемные) индивидуальные монографии от статей (неоправданно ставших «равноценными» единицами отчетности). Тут необходимы и возможны соответствующие корректирующие коэффициенты.

Трудно утверждать заранее, но вряд ли такие коэффициенты могут быть «стандартными» для всех институтов и специальностей, для разных (с точки зрения публикационной активности) категорий ученых.

4. Коснись (но только коснись) темы, которая была обозначена ранее. Раз количественные данные о тех ученых, которые – как и положено нормами науки – публикуют свои труды, так или иначе собирают, отбирают, обобщают библиометрические системы, то *в наших интересах* способствовать тому, чтобы они были более полными и, следовательно, хоть в какой-то мере объективными. Что каждый ученый и каждый научный институт могут сделать *в своих интересах*? Прежде всего – *проверить* показатели о нем самом, приводимые РИНЦ, и доводить до сведения работающих там специалистов критические реакции и соображения. (Данную статью можно считать такой реакцией со стороны немалого числа философов, которые думают так же, как её автор.)

Особый вопрос – о периодических изданиях, включенных в каталог РИНЦ. Скажу, к примеру, об «Историко-философском ежегоднике», издаваемом ИФ РАН и бегло упомянутом ранее. Пока

«замечен» со стороны РИНЦ лишь один выпуск (ибо этот издающийся 25 лет ежегодник только недавно включен в «замусоренный», как сказано, лицензионный список ВАК). И это печально. Возникает частная задача для РИНЦ – не зависеть от лицензионного отбора ВАК, «замечая» *давно* зарекомендовавшие себя издания. Сейчас со стороны РИНЦ нам предложено самим обчитать (по публикациям и ссылкам) все предшествующие выпуски ежегодника. Работа предстоит весьма объемная и сложная. *Но мы понимаем: сделать её – в наших интересах.*

В данной статье, сосредоточенной на теме авторских публикаций (и соответствующих показателей), были, по существу, оставлены в стороне другие немаловажные факторы эффективности современной научно-исследовательской работы – такие, например, как выступления на научных конференциях и вообще участие в дискуссиях исследователей, научное редактирование изданий, иногда высокопрестижных в научных, в том числе интернациональных сообществах или (что для философии особенно важно) трудное, ответственное дело издания классиков научного знания и т. д. Применительно к философии я бегло затрагивала эти темы в упоминавшейся статье в «Вестнике РАН». Но требуется специальное обсуждение этого ряда проблем в связи с целостным вопросом об эффективности научно-исследовательской деятельности.

Итак, осмысление затронутых и незатронутых тем, диалог вокруг них должны продолжиться.

Литература

1. *Мотрошилова Н.В.* Недоброкачественные сегменты наукометрии // Вестн. РАН. 2011. № 2.
2. *Юревич А.В.* К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Вестн. РАН. 2011. № 7.
3. *Михайлов О.В.* Критерии и параметры объективной оценки качества научной деятельности // Там же.
4. *Zuckerman H., Merton R.K.* Age, Aging and Age Structure of Science // A Theory of Age Stratification. N.Y., 1972.

Примечания

- ¹ О том, к каким искажениям это приводит – при попытках дать количественные и тем более оценить качественные параметры развития наук и деятельности отдельных ученых – даже в таких развитых наукометрических системах, как Thomas Reuters Corp., – см. в моей статье [1], а также в [2, 3].
- ² Последний, кстати, далеко не безупречен, что ясно проявляется в списках публикаций диссертантов. Но это специальная проблема, которая отчасти попадет в поле нашего зрения при дальнейшей оценке качества каталога РИНЦ.
- ³ Возможно, сказался тот факт, что его фамилия начинается на «А», стоит в начале списка, так что применительно к ней процессы дополнения сначала заведомо неполных данных уже осуществлен. Если это так, то что же говорить об авторах с очень малой «замеченностью» со стороны РИНЦ и их публикаций, и ссылок на них...
- ⁴ Я произвела соответствующие подсчеты по показателям РИНЦ, касающиеся лично меня. Здесь расхождения ещё более резкие, чем в case studies № 1 и № 2: из 36 публикаций за 2008–2011 гг. объемом 62,7 а. л. в РИНЦ учтено 7 публикаций, составляющих 1/5 объема опубликованных работ. В более длительной перспективе (т. е. за 11 лет, за которые РИНЦ приводит данные о моих «замеченных» публикациях) расхождения ещё более значительны: «замеченное» и «отраженное» число моих публикаций в 10 раз меньше реально-го. Публикации за рубежом (в том числе издания книг) не учтены.
- ⁵ Указания на литературу вопроса – и в целом, и в применении к философии – см. в моей упомянутой ранее статье в «Вестнике РАН» [1] и в работах других ученых на сходные темы.
- ⁶ См. соответствующие документы в Приложении к электронному варианту статьи на сайте РАН.
- ⁷ Такие отчеты ежегодно публикуются рядом институтов РАН, включая ИФ РАН, причем они проходят предварительную проверку. Со ссылками и цитатами дело обстоит значительно сложнее: отдельные авторы вряд ли способны откорректировать сугубо выборочные данные библиометрических систем, которые со своей стороны касаются такого сугубо субъективного дела, как ссылки и цитирования. Поэтому подсчеты по ним тем более могут использоваться лишь по желанию ученых, сугубо факультативно.

Импакт фактор: его возможности и изъяны*

В научном знании важную роль играют процедуры измерения и репрезентация их результатов в количественной форме. Однако следует помнить, что количественные индикаторы до поры до времени безразличны к качественным характеристикам, равнодушны к качественным особенностям измеряемого объекта или процесса. Так, можно измерять по весу разнообразные предметы и различие по весу вряд ли что-нибудь скажет о природе этих объектов и их качественной определенности. Более того. Выявление количественных индикаторов само основывается на аксиологической оценке того или иного индикатора: именно этот индикатор считается решающим и его измерению подчиняется всё исследование. Для адекватной оценки процедур измерения и их результатов важно проанализировать это аксиологическое основание количественных измерений. Таким аксиологическим основанием количественных репрезентаций научных публикаций является не содержание статей, а количество ссылок в них и на них. Долгое время в научных работах вообще не было ссылок. Да и сейчас публикуются статьи, в которых отсутствуют ссылки. Это не только публицистические статьи, но и, например, статьи по математике.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (№ 11-03-00442а).

Лишь во второй половине XX в. сложилась такая система журнальных публикаций, которая потребовала научного аппарата, статьи «обросли» ссылками и в них стали видеть нечто более содержательное, чем просто фиксацию своих предшественников и оппонентов. В ссылке стали усматривать показатель качества научной статьи, ее актуальности и перспективности. Ссылки стали взвешивать и в «весе» каждой сноски стали усматривать индикатор возникающего научного сообщества на переднем крае исследований. Более того. Взвешивание ссылок стало способом ранжирования научных статей и их авторов: чем большее ссылок на ту или иную статью, тем выше ранг и статьи, и ее автора, и журнала, в котором опубликована статья.

Каждая статья рассматривается как дискретное образование, а непрерывность дисциплинарного знания фиксируется лишь с помощью ссылок и их отображения в библиографическом аппарате статьи. Именно в них видят показатель как взаимодействия ученых, так и качества статьи. В этой связи мне хотелось бы напомнить мысль Гегеля о количестве как безразличной определенности и о внешнем характере количественного отношения: «здесь относятся друг к другу именно безразличные определенные количества, т. е. они имеют свое отношение с самими собой в таком вове-себя-бытии» (6. С. 257). Если перевести эту мысль с гегельянского языка, то можно сказать, что бытие статьи вове-себя репрезентировано ссылками, квантитивистский взгляд на результаты научных исследований ограничивается ссылками, а ссылки соотносятся с самими собой и совершенно безразличны к определению качества измеряемого объекта. Цитируемость, выраженная в совокупности сносок, стала мыслиться как индикатор не только качества статей, но и содержательного и научного уровня журналов. Этот способ измерения результатов, публикуемых в журналах, фиксируется с помощью так называемого Импакт-фактора.

Что такое импакт фактор? Это определенный –библиометрический – индикатор оценки журналов. Как он строится? На основе базы данных JCR (Journal Citation Reports) Института научной информации (ISI), которая охватывает 5684 журнала 65 стран мира и более 100 журналов России, был предложен индикатор воздействия публикаций журнала. Он включает в себя «сумму ссылок на статьи текущего года на опубликованные в жур-

нале статьи за два прошедших года, деленная на сумму статей, опубликованных в этом журнале в два предшествующих года» (1. С. 168). Если исходить из среднего показателя цитируемости в базе данных NS1 (Национальных показателей науки) – 58,86 %, то показатель цитируемости в философии – более 20 % и менее 0,5 ссылки на статью. Импакт фактор рассматривается как показатель воздействия публикаций журнала на продуктивность научного сообщества. Проанализируем изъяны этого показателя и амбициозные формы его применения.

Можно ли считать этот показатель показателем воздействия журнальных публикаций на активность научного сообщества? По моему, нет. Во-первых, речь идет не о воздействии, а о признании тех или иных журнальных публикаций в качестве значимых для той или иной области знаний. Во-вторых, если и говорить о воздействии, то лучше говорить о воздействии на субъективные оценки дисциплинарного или исследовательского сообщества. Причем ссылки на ту или иную публикацию ничего не говорят о какой оценке идет речь – позитивной или негативной: любая ссылка оказывается приемлемой и включается в этот показатель.

Индикатором воздействия этот показатель может стать в том случае, если будут найдены способы и методики определения воздействия тех или иных журнальных публикаций на активность, выраженную в патентах. Между тем исследований такого рода приложений вообще не проводится.

В соответствии с этим показателем Импакт фактор (далее ИФ) в биологии больше, чем в физике, в физике больше, чем в математике, в экономике больше, чем в социологии, в социологии больше, чем в философии (См.: 1. С. 191).

Возникает вопрос о том, как представлены российские журналы в NS1, Из 156 журналов по философии в наибольшей степени представлены журналы США, Англии и Голландии. Насколько мне известно, лишь один журнал («Вопросы философии») попадает в эту базу данных. Предвзятость в подборе журналов очевидна.

Остановимся более подробно на изъянах Импакт фактора.

Во-первых, речь идет о среднем числе появившихся в текущем году ссылок на статьи данного журнала, опубликованных за последние два года. Возникают сомнения в достоверности такого рода усреднения. Кроме того, в целом ряде исследовательских

областей и научных дисциплин ссылки на опубликованные статьи появляются позже, чем два года. Это касается не только математики, где статьи появляются или вообще без сносок, или 90 % ссылок относятся к гораздо более ранним публикациям.

Это же относится и к философии, где ссылки на статьи за последние два года относятся скорее к статьям на конъюнктурно-актуальные темы и не учитывают ссылки на классиков философской мысли и на фундаментальные труды, появившиеся даже в последние два года.

Во-вторых, как в математике, так и в философии можно найти массу случаев, когда та или иная статья выпадала из памяти научного сообщества и лишь намного позднее (иногда через десятки лет) она всплывала в памяти, на нее стали ссылаться и она входит в научное знание как работа, положившая начало тому или иному исследовательскому направлению. Приведу несколько примеров.

В 1928 г. Иван Ефимович Орлов опубликовал в «Математическом сборнике» статью «Исчисление совместности предложений». Это была его последняя статья по логике. Она не была понята и никем не цитировалась до тех пор, пока не была переоткрыта в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого века. Она оказалась первой статьей по аксиоматизации релевантной логики, на что указал в 1978 г. В.М.Попов и в 1991 г. Р.Роутли, после чего она стала многократно цитироваться. Иными словами, хотя статья была в архиве науки, она стала цитироваться лишь полстолетия спустя ее публикации.

Еще один пример. Иван Адамович Боричевский опубликовал в 1926 г. в журнале Вестник знания» (№ 12) статью «Науковедение как точная наука». В этой статье он не только различил философию науки от науковедения, но и описал структуру науковедения. Эта статья была надолго забыта сугубо по идеологическим причинам (его причислили к «механистам»). Возникновение термина «науковедение» и анализ его структуры стали связываться с именами польских ученых Марии и Станислава Оссовских, опубликовавших статью «Наука о науке» лишь в 1936 г.

Днепропетровский математик Григорий Алексеевич Грузинцев издал в «Записках Днепропетровского института народного образования» в 1928 г. статью «Очерки по теории науки». Она интересна и своим подходом к научному знанию, и своими концептуальными различиями (например, систем дисциплинарного

знания и исследований научных проблем). Можно увидеть в этой статье начало того направления, которое утвердилось в 60–70-е гг. XX в. – логики науки. К сожалению, и эта статья, и его собственно математические работы оказались забыты.

Еще один пример. В 1929 г. в журнале «ISIS» (Т. XII. (2) № 38) на английском языке была опубликована статья Тимофея Ивановича Райнова «Волнообразные флуктуации творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики 18 и 19 столетий». На основе историко-научных работ Райнов выявляет изменения числа физических открытий в трех европейских странах (Англии, Франции, Германии) с 1626 г. по 1900 гг. по циклам в 5 лет. Эта статья, в буквальном смысле пионерская, опередившая свое время и по своим результатам, и по своей методике, положила начало библиометрическому анализу научного знания, но, к сожалению, выпала из памяти научного сообщества. Лишь год спустя Питирим Сорокин и Роберт Мертон в том же журнале «ISIS» опубликовали статью, посвященную количественному анализу арабской науки, но осуществленную лишь на базе обработки книги Д.Сартона по истории арабской науки. Чем объяснить забвение этой статьи, положившей начало и социологии науки, и наукометрическому анализу из памяти научного сообщества? Можно предположить, что Райновым был взят весьма размытая единица анализа науки – физическое открытие, зафиксированное в историко-научных исследованиях¹. Кроме того, очевидно, зарубежных социологов науки смутили те корреляции между волнообразными флуктуациями в физике и волнообразными флуктуациями в экономике, которые фиксировал Райнов. Но ведь у него не идет речь о том, что экономика является основанием или причиной научных открытий в физике, а лишь о существовании корреляций между развитием науки и развитием экономики. Выявление такого рода корреляций гораздо более корректно, чем каузальная интерпретация роста науки и усматривать причину его в развитии техники и экономики.

¹ А.Эйнштейн считал, что «выражение «открытие» само по себе не совсем безукоризненно. Ибо открыть – значит увидеть то, что уже имеется в готовом виде. При этом забывают о доказательстве, которое уже не имеет характера открытия, а только может являться только средством к нему». (А.Мошковский. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности. М., 1922. С.90-91)

В-третьих, в базу данных вообще не включаются монографии. Квантом наукометрического измерения оказываются цитирование в журнальной статье и цитируемость статей в журналах.

В-четвертых, вообще не фиксируются позитивные и негативные сноски, т.е. ссылки, положительно оценивающие работы тех или иных авторов, и сноски, негативно их оценивающие. Если вспомнить того же Гегеля, то в своей «Философии природы» он цитирует и ссылается на работы биологов (Ламарка и др.), атомистов в химии (Дальтона и др.), математиков (Ньютона, Лейбница). Иными словами, по всем библиометрическим показателям «Философия природы» Гегеля находится на уровне современной ему науки. Но этот формальный показатель скрывает то, что Гегель выступает как критик и эволюционизма, и исчисления бесконечно малых, и атомизма, т.е. при всем большом числе ссылок на значимые естественнонаучные работы своих современников его отношение к ним отрицательное. Но именно это вообще не фиксируют библиометрические индикаторы. Они безразличны к той содержательной оценке, которая скрыта в сносках. Поэтому необходима экспертная оценка того содержания, которое представлено в «Философии природы» Гегеля, а не просто фиксация числа ссылок без их содержательного анализа.

В-пятых, Филипп Кемпбелл – главный редактор журнала «Nature» в статье «Бегство от импакт-фактора» отметил еще один изъян этого показателя: чем больше статей публикуется в журнале, тем ниже импакт фактор. Это означает, что редколлегия и редакция журнала не заинтересована в публикации большего числа статей на страницах журнала – в противном случае упадет ИФ. Кроме того, Кемпбелл отмечает, что в состав NS1 не включены препринты и публикации в archiv.org, которые существенно опережают и по скорости публикаций и по редакционной политике журнальные публикации (2). Еще один пример, который М.К.Петров анализирует как свидетельство массовой гибели научного продукта на предпубликационном периоде (4. С. 79) и который для меня является демонстрацией манипуляции с ИФ. Петров писал: «Пока шли споры о цитируемости, ценности и качестве статей, редакция американского журнала «Физикал ревью» по неведению, надо полагать, поставила своеобразный эксперимент по смягчению селекции рукописей. За 15 лет она увеличила

годовой объем журнала в 4,6 раза – с 3920 страниц в 1950 г. до 17060 страниц в 1965 г. Как позже выяснилось, численность физиков за этот период выросла только в 2,4 раза. Естественно, что в 1965 г. публиковались статьи, которым, по меркам 1950 г., следовало бы быть в корзине. Довольно скоро журнал вышел в лидеры физической периодики мира». Р.Мертон, подвергнув критике неоправданные амбиции и необоснованные надежды, связанные с библиометрическими методиками изучения науки, заметил, что публикуемые в «Физикал ревью» статьи цитируются намного чаще, чем статьи, публикуемые в любом другом журнале, даже чаще, чем собственные статьи других журналов». Так, в итальянском журнале «Нуово Сименто» 36 % ссылок на «Физикал ревью» и только 17 % на все итальянские журналы, в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» 22 % ссылок на «Физикал ревью» и 17 % на собственные статьи. В лондонском журнале «Просидингз» 34 % ссылок на «Физикал ревью» и 9 % на собственные статьи (5. р. 475-476). Таковы итоги расширения объема журналов, публикаций большего числа статей и снижения уровня редакционных требований к публикациям.

В-шестых. При определении ИФ не учитываются такие факторы, как наличие нескольких авторов статьи и самоцитирование. Между тем это немаловажные факторы, которые непосредственно влияют на ИФ.

Самоцитирование и принуждение к цитированию существенно искажает ИФ. Так, «Journal of Gerontology» в 2004 году из 277 ссылок на статьи 195 были в обзоре, опубликованном одним из членов редколлегии. Журнал «International Journal of Nonlinear Sciences and Numerical Simulation» в 2006–2009 гг. занимал 1-е место по ИФ, в 2005 г. – 2 место. Это объясняется тем, что более 70 % ссылок (243) были самоцитированием в обзорах. В этом отношении показательна активность Хе Цзи Хуань – главного редактора более 20 журналов, специалиста в области компьютерной науки, автора 137 статей, в которых было более 3000 ссылок на самого себя (См. об этом статью А.Дугласа., К.Фаулера «Гнусные цифры» (3). При этом необходимо фиксировать не только самоцитирование, но и цитирование публикации кем-то из ее соавторов или соавторов каких-то других публикаций (причем независимо от года появлений этих публикаций.)

В-седьмых, низкие показатели цитирования связаны и с языковым барьером (в противовес мнению I. С. 191). Российские публикации в базе данных NSI представлены преимущественно на английском языке.

Попытки расширить базу данных, предпринятые в России, в том числе включить в нее более широкое представительство журналов и изданий, в том числе и философских, также вызывают ряд недоумений и возражений.

В-восьмых. Очевидно, что целесообразно учитывать тип публикаций (статьи, препринты, письма в редакцию, тезисы на конференции и др.) и тип журналов (Ученые записки, Ежегодники, ведущие журналы и др.). Это, конечно, дело трудное, но вполне осуществимое. Но лишь в таком случае будут осмыслены «веса» и ценность тех или иных научных публикаций.

Вывод. Все попытки представить ИФ как показатель продуктивности исследователей и на этом показателе ранжировать ученых и определять наиболее активных исследователей за определенные годы являются, по моему мнению, необоснованными и недопустимыми. Такого рода экстраполяция показателя ИФ за пределы библиометрического исследования журнальных публикаций чревата бюрократическо-чиновничьими оргвыводами относительно конкретных ученых: ведь его продуктивность складывается не только из статей за последние два года, а включает в себя и монографии, и учебники, и обзоры, и доклады на конференциях, и патенты. Все это вообще не учитывается при определении ИФ того или иного журнала.

ИФ может быть одним из показателей признания со стороны научного сообщества тех или иных публикаций в качестве решающих для этой области исследований и складывания новой исследовательской области на переднем крае научных исследований, связей между различными исследовательскими областями, их отображения в журнальном публикационном фонде. Но не более того, хотя и это немаловажно. Наилучшим средством оценки журналов является экспертные оценки.

ИФ полезен при ранжировании журналов той или иной исследовательской области или научной дисциплины (и то с определенными поправками), что немаловажно для научных библиотек, подписывающихся на журналы, и для выявления признания со стороны научного сообщества того или иного журнала.

Литература

1. *Маршакова-Шайкевич И.В.* Россия в мировой науке. Библиометрический анализ. М., 2008.
2. *Campbell Ph.* Escape from the impact factor // Ethics of Science and Environmental Politics (*Кемпбелл Ф.* Бегство от импакт фактора / Пер. К.Иванова // Игра в цифирь. М., 2011 (<http://www.mcsme.ru/free.books/bibliometric.pdf>).
3. *Дуглас А., Фаулер К.* Гнусные цифры // American Mathematical Society. 58 (3). 2011. P. 434–437 (пер. С.Кузнецова http://www.ispras.ru/ru/preprints/archives/prev.22_2010/php).
4. *Петров М.К.* Редакционная практика: объективность или волюнтаризм? // Вестник АН СССР. 1978. № 11.
5. *Merton R.* Sociology of science. Chicago, 1973.
6. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 257.

Семантическая сеть как инструмент библиометрии в гуманитарных науках*

Библиометрия в широком понимании – это использование методов математической статистики к исследованию книг и периодики. Как отдельное научное направление в науковедении библиометрия стала оформляться в конце шестидесятых годов, хотя основные идеи библиометрии, связанные с мониторингом научных достижений, были сформулированы еще раньше – в период первых промышленных революций, то есть, как минимум в начале XIX в.

Библиометрия использовалась для самых разнообразных прикладных задач – от определения границ научных направлений до установления значимости периодических изданий, от тематического распределения публикаций в научном дискурсе до выявления корреляций между возрастом ученого и его научной активностью. В настоящее время методы библиометрии широко применяются для оценки научной продуктивности ученых и научных организаций.

Понятно, что привлекает пропонентов данного метода оценки научных исследований. Во-первых, это очевидная формальность используемых методик, основанных на чисто внешних характеристиках научной продукции – статей ученых, патентов, зафиксированных в установленном порядке, подтвержденных открытий, ссылок на публикации и т. д. Иными словами, процедура оценки максимально алгоритмизирована и, тем самым, легко реализуема

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (№ 11-03-00442а).

с использованием компьютерных средств обработки данных. Во-вторых, внешняя объективность получаемой оценки – публикация либо есть, либо ее нет, научная премия либо присуждена, либо нет. В-третьих, библиометрические методы оценки научного вклада кажутся универсальными и легко распространяемыми на различные научные дисциплины. Наконец, последнее – *least but not last* – такой способ оценки не требует специальных научных знаний у чиновника, который выставляет оценку. Кроме того, такой подход отнюдь не исключает возможности манипулирования оценкой. Дело в том, что сам список «рецензируемых» изданий легко регулируется, а различным видам публикаций можно присваивать различные веса. Инструментарий библиометрии в руках чиновников, как показывают события последнего времени, творит чудеса в сфере оценки научной деятельности.

Критика библиометрических методов в классическом варианте и разнообразных модификациях общеизвестна и нет смысла ее еще раз воспроизводить (см. в частности, многие работы данного сборника). Представляется важным и наиболее существенным одно соображение: библиометрические методы «заточены» на внешние, формальные характеристики научной продукции. При этом сущностные, содержательные оценки остаются в стороне. Они оказываются производными от количественных оценок формальной стороны. Действительно, 100 публикаций одного ученого больше 50 публикаций другого. Значит, делает вывод «библиометр», результаты первого ученого более значимы, чем второго. Понятно, что такая интерпретация сомнительна, поскольку различие в количестве часто указывает именно на различие в количестве и совершенно ничего не говорит о качестве. При этом часто бывает ровно наоборот: формально продуктивный ученый может эксплуатировать одни и те же идеи, а ученый, опубликовавший две-три статьи, открывает новое направление в науке. Примеров такого рода очень много – один из них (теория речевых актов) рассматривается ниже. Каждый исследователь может привести множество примеров такого рода из своей научной дисциплины.

Несоответствие количества и качества особенно типично для гуманитарной области знания. Например, тома британской «Лингвистической службы Индии» (*Linguistic Survey of India*), в которых последовательно описывались многочисленные языки Индостана

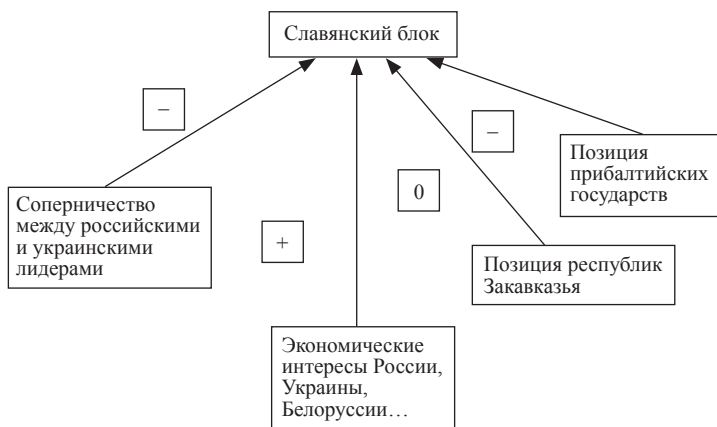
(многие из них находились уже в XIX в. на грани исчезновения), довольно редко упоминаются даже в специальных исследованиях. Между тем, они лежат в основе современной практики полевых исследований редких языков и могут рассматриваться как предтеча известных сейчас методов лингвистической типологии, основанных на процедурах открытия грамматики и лексики, созданных (на новом витке развития знания) в рамках дескриптивной лингвистики. Разработанные британскими лингвистами анкеты описания языков Индостана послужили прообразами современных методик работы с информантами – носителями редких и неописанных языков.

Представляется, что методы библиометрии применительно к гуманитарным специальностям должны опираться на правдоподобную концептуальную модель сущностного вклада ученого в науку – того кирпичика, который он кладет в здание научного знания. Метафора строения применительно к научной деятельности вполне традиционна, или как говорят – конвенциональна. Однако и конвенциональные метафоры обладают креативным потенциалом. Действительно, важен ведь не сам кирпич (большой, средний, маленький и пр.) и даже не количество кирпичей. Существенно то место в здании, где он будет положен: образует ли он часть фундамента, основание балки или является частью декора.

В середине двадцатого века в искусственном интеллекте для представления структур знаний стал широко использоваться инструментарий семантических сетей. С математической точки зрения сеть – это граф, то есть множество узлов, связанных разнообразными семантическими (смысловыми) отношениями. В когнитивном картировании, например, цель которого заключалась в моделировании каузальной (причинной) структуры политического текста, в узлы помещались описания некоторых важных событий, ситуаций, а отношения, связывающие узлы (стрелки или дуги), отражали причинные связи между событиями, влияние событий друг на друга. Поскольку влияние могло быть положительным (одно событие способствует реализации другого) и отрицательным (событие препятствует или затрудняет реализацию другого), то стрелки получали маркировку «+» или «-». Возможен и такой вариант, когда влияние событий друг на друга в тексте отмечено, но характер влияния в тексте не определяется, тогда стрелка не получает никакой маркировки или ей приписывается знак «0». Ср. фрагмент

политического текста, в котором описывается политическая ситуация на постсоветском пространстве в 1991 г., и иллюстрирующая его когнитивная карта:

«Экономические интересы России, Украины и Белоруссии, общность их культур объективно вели к формированию славянского союза внутри СНГ. Однако соперничество между российскими и украинскими лидерами за контроль над Украиной и Белоруссией, кажется, навеки похоронило идею славянского блока, с которого, собственно, и началось СНГ. <...> Кроме того, в общей геостратегической игре участвуют страны Прибалтики, которые, по сути, уже сегодня образуют “мягкую” конфедерацию с общими военно-стратегическими интересами. Для них идея союза славянских государств представляет явную угрозу. Несколько выпадают из общей картины республики Закавказья, которые из-за гражданских и межнациональных конфликтов не определили своего отношения к этой важнейшей теме». [«Правда»].



Варианты формализма когнитивной карты позволяют более точно отражать степень воздействия события на другое событие с помощью аппарата «весов», приписываемых стрелкам. Часто используется трехкомпонентная шкала весов – 1 (минимальное влияние), 2 («обычное», «нормальное» влияние), 3 (сильное, решающее влияние). Расстановка весов дает возможность суммировать положительные и отрицательные влияния, определяя «вектор» развития политической ситуации. Так, различная расстановка ве-

сов на приведенном фрагменте когнитивной карты будет давать совершенно разный результат. Если экспертная оценка влияния узла «Экономические интересы России...» будет равна 3, а оценка значимости узлов «Соперничество между российскими и украинскими лидерами» и «Позиция прибалтийских государств» будет равна -1 для каждого, то в сумме получится положительное значение: $3 - 1 - 1 + 0 = 1$. Иными словами, ситуация описана как способствующая идее образования славянского блока. Другое дело, что фактически экспертные оценки, скорее всего, для данного отрывка текста будут ровно противоположны:

+1 («Экономические интересы России, Украины и Белорусии ...»);

-3 («Соперничество между российскими и украинскими лидерами»);

-2 («Позиция прибалтийских государств»);

+ 0 («Позиция республик Закавказья»).

Иными словами: $+1 - 3 - 2 + 0 = -4$. Этот вариант распределения весов больше соответствовал реальности на указанный период времени. Экспертные оценки значимости событий либо выводятся из содержания текста, либо оказываются частью представлений эксперта-составителя карты о политической ситуации.

Даже такой простой вариант каузального графа – когнитивной карты политического текста – оказался эффективным средством моделирования политического мышления. Более того, методика когнитивного картирования стала стандартным средством анализа разнообразных политических текстов [Хердштейт, Нарвесен 1987; Баранов 2000].

Позже семантические сети нашли применение и в работах по лексической и лингвистической семантике: с помощью аппарата семантических сетей описывалось содержание предложения, текста, его фрагментов, а также и лексикон человека, рассматриваемый как психологическая и когнитивная реальность (см., например, [Brugman, Lakoff, 1988], [Taylor 1989]).

Семантические сети представляют собой универсальный метаязык описания разнообразных семантических отношений между смысловыми элементами, которые в каждой проблемной области могут быть своими. Значимость отдельных узлов семантической сети легко определяется по их местоположению в сети

и по количеству стрелок (в общем случае - дуг), которые входят в узел и из него выходят. Самые важные элементы – либо наиболее центральные (для ориентированных сетей), либо наиболее связанные в семантической сети, либо и первое и второе одновременно. Именно это можно положить в основу качественной оценки научного вклада ученого в той или иной гуманитарной специальности.

Центральные узлы – это работы тех ученых, которые может быть и не упоминаются слишком часто, но образуют основу всей сети. Элиминация таких работ из сети должна приводить к тому, что единая семантическая сеть разбивается на ряд подсетей, не связанных или плохо связанных между собой.

Периферийные узлы – это работы тех ученых, которые не являются существенным вкладом в научное знание в данной дисциплине – возможно, до момента, пока на «отростках» этих работ не вырастут новые подграфы, формирующие новые области научного знания. Наконец, между центром и периферией отводится место тем работам, которые находятся в русле современных научных трендов – теорий, концепций и устоявшихся парадигм.

Наиболее связанные узлы соответствуют работам, на которые приходится значительное количество ссылок. Соответственно, слабо связанные узлы могут рассматриваться как модельное воплощение малоизвестных исследований.

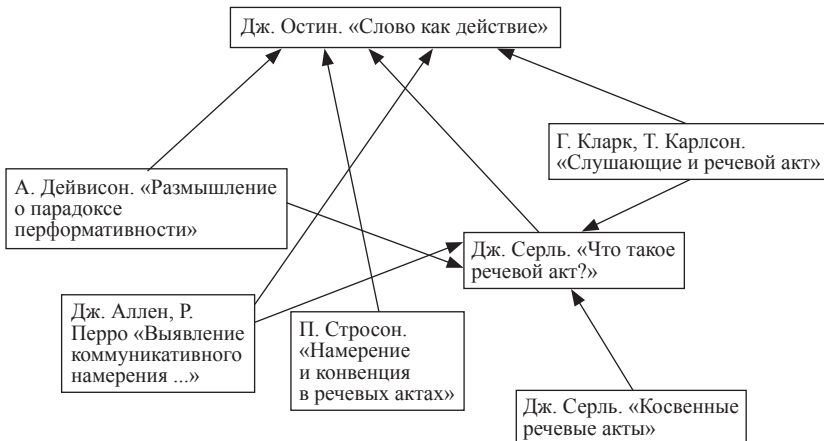
Такую семантическую сеть можно назвать «библиометрической сетью».

Проиллюстрируем некоторые преимущества предлагаемого подхода конкретными примерами.

Вряд ли у кого-то вызовет сомнение, что основателем теории речевых актов является Дж. Остин, описавший в своей работе «Слово как действие» основные категории данной теории (понятие перформативности и перформатива) и сформулировавший первую классификацию типов перформативов [Остин 1986]. В сборнике переводов «Новое в зарубежной лингвистике», Вып. XVII (М., 1986) собраны основные работы по теории речевых актов на середину 1980-х гг. Можно считать, что этот сборник представляет собой упрощенную модель соответствующей предметной области – литературы по теории речевых актов. Исследуя комплекс библиографических отсылок в ста-

тье Дж. Серля «Косвенные речевые акты» [Серль 1986], можно обнаружить, что ссылок на Дж. Остина нет. В ней присутствуют следующие отсылки: [Searl 1969], [Searl 1978], [Grice 1975]. Классическое библиографическое индексирование для определения индекса упоминания (не важно, как он считается) не позволит никак связать данную работу с базовым исследованием Дж. Остина. Более того, чем больше поток исследований, инициированных Дж. Остиным, тем реже будет упоминаться сам основатель, и это естественно: перейдя в разряд классических произведений, «Слово как действие» станет упоминаться существенно реже – хотя бы потому, что более современные классификации речевых актов (того же Дж. Серля) будут более актуальны. Будет ли это искажать картину реального вклада ученого? Разумеется, хотя Дж. Серль может рассматриваться как второй классик данной теории.

Семантическая сеть позволяет учитывать эффект снижения прямого цитирования основоположника теории за счет связности сети. В этом случае работа Дж. Остина окажется в такой позиции в сети, что к ней можно будет перейти по ориентированным стрелкам от любого узла. Пусть в нашей «тестовой» сети узлу соответствует конкретная научная работа – статья или монография, а направленная стрелка отражает наличие ссылки на соответствующий научный источник:



Приведенный пример, разумеется, является упрощенным иллюстративным примером, основанным на неизбежно ограниченном по объему материале сборника «Новое в зарубежной лингвистике» (Вып. XVII). Тем не менее, из данного фрагмента библиометрической сети хорошо видно, что работа Дж. Остина «Слово как действие» достижима из любой статьи сборника – либо прямо, либо через посредство другого узла, что указывает на ее исключительную важность для данной предметной области.

Приведенный фрагмент позволяет также формализовать оценку таких важных содержательных параметров, как фундаментальность работы для данной теории, направления и даже научной дисциплины. Действительно, работа Дж. Остина не только достижима из всех узлов сети, но и имеет только входящие стрелки. Иными словами, на нее ссылаются, но в ней содержатся отсылки другого типа – не к работам по теории речевых актов, а к другим смежным теориям и научным направлениям. Ср. ссылки Дж. Остина в данной работе на «Ипполита» Еврипида и Дж. Мура («Принципы этики»). Столь небольшое количество отсылок отчасти объясняется жанром: «Слово как действие» представляет собой изложение курса лекций, который Дж. Остин читал студентам. Однако в большей степени это связано с фундаментальным характером работы: именно с нее теория речевых актов начинается как особое научное направление, находящееся на стыке философии, логики и лингвистики.

Фундаментальность лекций Дж. Остина отражается и в том, что элиминация узла, соответствующего этой работе, приводит к тому, что вся сеть разрушается, превращаясь в множество несвязанных (или слабо связанных) более простых подграфов.

Семантическая библиометрическая сеть позволяет отразить и степень значимости тех или иных исследований в рамках конкретно выбранного научного направления или дисциплины. Так, в приведенном фрагменте библиометрической сети «Новое в зарубежной лингвистике» (Вып. XVII) работа Дж. Серля «Что такое речевой акт?» занимает особое положение: из нее выходит одна стрелка – к лекциям Остина «Слова как действие» - и входит четыре стрелки. В данном случае цитируемость работы Дж. Серля указывает на ее относительную значимость в рамках теории речевых актов: она менее значима, чем лекции Дж. Остина, но более значима, чем все остальные (из приведенных в сборнике). Это хорошо

согласуется и с интуицией, поскольку классификация речевых актов Дж. Серля широко использовалась и используется в исследованиях данного направления.

Семантическая библиометрическая сеть представляет собой очень мощный исследовательский инструмент науковедения. Действительно, варьирование содержания узлов сети позволяет увидеть картину научного направления под другим углом зрения. Так, помещая в узлы сети не отдельные работы, а конкретных авторов, мы получим возможность оценки не отдельных работ, а самих исследователей.

Можно усовершенствовать и формализм стрелок. Так, классический инструментарий уже упоминавшегося когнитивного картирования включает три типа отношений между узлами: “+”, “-”, “0”: $A \rightarrow+ B$ (“А способствует В”), $A \rightarrow- B$ (“А препятствует В”), $A \rightarrow 0 B$ (“А никак не влияет на В”). Легко показать, что эти отношения скрывают множество различных семантических связей. Например, за парой $A \rightarrow- B$ стоит, как минимум, два варианта интерпретации: это может быть и “А - причина не В” и “А - гарантия от В”. Если в первом случае позиция автора текста относительно А и В не вполне ясна, то во втором - автор, несомненно, отдает предпочтение А, а В для него нежелательно. Аналогичное разбиение по модальности «желательно-нежелательно» можно провести для двух других отношений. Так, для $A \rightarrow+ B$ допустимо и нейтральное понимание «А способствует В», и понимание, при котором для автора предпочтительнее «не В» – «А попустительствует В». Наложение различных модальностей на узлы сети существенно усиливает возможности описания – его различительную силу.

Применительно к стрелкам семантической библиометрической сети модальности, «навешиваемые» на стрелки, могли бы давать информацию о характере ссылки: используется ли она для обоснования тезиса автора или, наоборот, ссылка указывает на работу, с которой автор не согласен. Это позволило бы выделить, например, наиболее спорные работы и, наоборот, исследования, результаты которых, не вызывают существенных сомнений.

Еще один вариант усложнения – приписывание весов (скажем, от 1 до 3). Возрастание веса стрелки можно связывать с количеством отсылок на соответствующую работу или ее автора.

* * *

Модель библиометрической сети, разумеется, более трудоемка, менее алгоритмизована, и менее формальна. Более того, она требует от «оценщика» знаний о соответствующей научной области и в этом смысле крайне неудобна для чиновников, однако многое из этих сложностей в принципе можно преодолеть, если разработать базовые концептуальные сетевые модели сфер гуманитарного знания, обсудив и утвердив их в соответствующих экспертных сообществах. Использование современных лингвистических процессоров – грамматических, синтаксических и семантических парсеров – позволяет надеяться и на автоматизацию многих содержательных процедур анализа текстового материала.

Литература

1. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2000.
2. *Мур Дж.* Принципы этики. М., 1984.
3. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
4. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Там же. С. 195–222.
5. *Херадштейн Д., Нарвесен У.* Психологические ограничения на принятие решения // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 381–407.
6. *Brugman C., Lakoff G.* Cognitive Topology and Lexical Networks / S.Small et al (eds.). Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from Psycholinguistics, Neuropsychology, and Artificial Intelligence. San Mateo (CA), 1988.
7. *Taylor J.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford, 1989.

**О реальных факторах, объясняющих неоправданность
истолкования показателей цитирования как точных
инструментов оценки эффективности
научно-исследовательского труда***

В этой статье не ставится задача более полного теоретического осмысления общей проблемы эффективности научно-исследовательской деятельности, не анализируются проблемы целесообразности и конкретных способов использования существующих в мире, в частности, в нашей стране систем возможного учета публикаций и цитирования. По этим вопросам существует обширная литература. Она включает не только (важные сами по себе) разъяснения специалистов-научковедов, в том числе по вопросам цитирования, но также и реакции, аргументы ученых разных специальностей, общая суть которых – критические суждения о необходимости весьма ограниченного и чрезвычайно осторожного применения данных систем цитирования в практических делах организации и регулирования научно-исследовательской деятельности.

Важное теоретическое и практическое значение для всей этой тематики имеют те актуальные работы, которые специфицируют проблематику цитирования, во-первых, применительно к общественному, во-вторых, к такой особой научно-исследовательской, творческой области, каковой является философия. И в-третьих, совершенно ясно, что во всех случаях нам следует учесть те «затрудняющие коэффициенты» социально-исторического происхождения и характера, которые относятся к развитию науки именно в

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (№ 11-03-00442а).

России и в целом свидетельствуют о том, что отечественные учёные, российское исследовательское сообщество здесь поставлены в заведомо неблагоприятные условия. (Что к цитированию полностью относится.) Лучшие актуальные публикации планируется воспроизвести в следующем сборнике.

Необходимо с самого начала зафиксировать особое обстоятельство, без учета которого накал дискуссий остается непонятным. Предпосылкой и фоном именно в России является не столько сама по себе немаловажная проблема эффективности научно-исследовательского труда в её современном звучании, сколько то, как её предъявили науке в своих действиях и инструкциях те чиновники, которым в последние годы доверили руководить российской наукой. А они, судя по всему, практически исходят из такой убежденности: данные наукометрических служб и систем, прежде всего зарубежных, в частности и в особенности связанные с цитированиями, являются теми долгожданными количественными и даже качественно толкуемыми показателями, с помощью которых можно и нужно-де точно, объективно оценивать (притом, что называется, повседневно и повсеместно) результаты, эффективность деятельности российских ученых-исследователей. (См. по этому вопросу соответствующие документы, отобранные для настоящего сборника в статье А.Яковлевой.) Существенно, что при этом каких-либо гласных, «именных» экспертных обоснований подобного чиновного подхода исследовательскому сообществу России не предоставляется. Все происходит где-то за кулисами.

Такова расстановка сил, с которой приходится считаться, и мало изменившаяся, до боли знакомая командно-административная практика чиновного регулирования развития науки.

Во избежание кривотолков с самого начала скажу: я не являюсь противником использования – но только в качестве сугубо дополнительных источников – ни подсчета числа российских публикаций, ни даже частоты цитирований и по зарубежным (главным образом американским или американизированным) системам, и по находящейся в процессе становления системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Но после основательного изучения (по крайней мере применительно к развитию философии в России) я пришла к следующему выводу: ни достаточно объективных, ни репрезентативных, ни действительно точных выкладок – даже применительно

к тому, что названные системы обещают (число публикаций отдельных ученых и цитирование их работ) – они не предоставляют и, в силу сложившихся ограничений, выборов, предоставить не в состоянии. (Подробные доказательства этого в отношении к философии – в двух моих статьях, перепечатаваемых в данном сборнике).

Я отстаивала ранее и буду отстаивать в этой статье и более сильный тезис: само по себе число публикаций и цитатных ссылок (даже если бы применительно к реальным людям их было возможно, абстрактно говоря, точно подсчитать – что нереально) абсурдно истолковывать в качестве критериев оценки качества чьего-либо научно-исследовательского труда, его эффективности и результативности. И если сложится такая «практика», при которой с сегодня на завтра, с помощью количества, объема публикаций, цитирований, подсчитанных на основе американизированных практик, будут, – в России! – отделять «эффективных» исследователей от «непродуктивных» (и – ещё хуже – будут приводить в соответствие с этими якобы точными данными штатное расписание и финансирование научных учреждений), – так вот, при таком руководстве российской науке, еще не добитой рыночными реформами, грозит, скорее всего, окончательное разрушение...

В этой статье, посвященной проблеме цитирования в науках, хочу специально обратиться к реальной и изначальной исследовательской деятельности, выражающейся в создании соответствующих исследовательских продуктов, – к практике, складывающейся ещё до того, а часто и совершенно независимо от того, как количество цитат кем-то и как-то (впоследствии) подсчитывается. Но когда цитирование уже реально имеется – или не имеет места, возникает целая группа вопросов для исследования, объединенных общей темой: как, кого, почему цитируют ученые? Есть ли тут свои закономерности и возможна ли обобщающая типология? При ближайшем рассмотрении становится ясно, что проблема в значительной степени специфицируется и применительно к особым историческим этапам развития науки, и к особенностям научных дисциплин, и к различным типам научной культуры, складывающейся в тех или иных странах. И всё же тут имеется ряд черт, типологически общих для современного исследовательского труда.

Мы рассмотрим проблему под углом зрения специфики философии.

К вопросу об исторических особенностях цитирования в философии

Этот вопрос в его деталях и подробностях не изучен. Если оставить в стороне более чем своеобразные древние, средневековые эпохи и инокультурные философские произведения, а ограничиться лишь классическими для философии нововременными европейскими условиями, то на фоне всегда значимых индивидуальных предпочтений и склонностей все-таки просвечивают более общие правила и закономерности. А именно: 1) в более ранние века Нового времени, вплоть до XIX в., цитирования в философских работах подчас встречаются, но они очень редки, тем более вместе с аккуратными и точными ссылками на те или иные произведения предшественников и современников; 2) чаще имеются упоминания великих имен – вместе с освещением великих идей, но в собственном понимании автора. Приведу примеры, подтверждающие эти констатации.

Так, в великой кантовской «Критике чистого разума» почти нет цитат – в современном смысле этих слов, когда они точно берутся из текстов, выделяются (и потом кем-то подсчитываются.) Это не значит, что отсутствует переключка с теми мыслителями прошлого и тогдашней современности, имена которых названы и идеи которых обсуждены. Особенно важные для Канта (в этом произведении) мыслители – Платон, Аристотель, Хр. Вольф, Лейбниц, Юм. Но прямые цитаты отсутствуют; а теперь напомним: ведь только они и не простые упоминания имен принимаются во внимание в современных системах учета цитирования. У Руссо подчас встречаются ссылки и цитаты (например, в труде «*Du contrat social...*» он цитирует Аристотеля, Макиавелли, маркиза д'Аржансона), но и у него они весьма немногочисленны. Подобное положение с цитированием можно наблюдать в работах Гегеля. Возьмем его великое (авторизированное) произведение – «Науку логики». Здесь тоже есть историко-философские вкрапления-упоминания о древних авторах (Анаксагоре, Платоне, Аристотеле и т. д.), о близких предшественниках (особенно о Канте), но тоже не в форме прямых цитат, а в виде собственного гегелевского изложения их идей. Цитатные ссылки в прямом смысле имеются у Гегеля главным образом на собственные более ранние произведения.

В истории философской мысли последующих эпох складывается своеобразная закономерность: хотя цитаты встречаются все чаще, наиболее самостоятельные, bahnbrechende, как говорят немцы, т. е. прокладывающие новые пути мыслители – это одновременно наиболее пассивные, или совсем плохие «цитатчики». И чем более зрелыми, известными становятся философы, тем настоятельнее такая закономерность проявляется в их трудах. Яркий пример – философ-классик XX в. Эдмунд Гуссерль. В ранних работах, пока он искал свой путь в философии, ещё цитировались другие авторы (эта тенденция вообще более характерна для молодых ученых). А когда Гуссерль создал новый тип философской феноменологии и стал основателем направления, развивающегося и в наши дни, он (почти) перестал цитировать других авторов¹.

Принципиально важное для нашей темы уточнение: когда ранее говорилось о цитированиях в произведениях философов прошлого, то в расчет принимались их великие книги. Что вполне естественно. (Мне уже приходилось писать: если бы существующая ныне практика учета и подсчета не книг, а только статей – во имя выявления научной значимости идей автора – существовала в прошлом, то пришлось бы вычеркнуть из философии подлинно великие имена и произведения...) Если бы была возможность говорить именно о статьях знаменитых теперь авторов уже XX в. (подобные конкретные исследования есть у меня применительно к малым произведениям таких мыслителей XX в., как Л.Витгенштейн, К.Леви-Стросс, Б.Рассел и др. – но здесь я их вынуждена опустить), то выявилась бы следующая закономерность: чем значительнее, самостоятельнее были эти их работы, тем реже цитировались другие авторы.

Могут возразить: всё сказанное ранее касается классиков философии, а их признание как раз и подтверждается лишним раз огромным множеством цитат, число которых с течением времени растет в геометрической прогрессии. О классиках (здесь – классиках философии) в связи с современным цитированием возможен особый разговор, и он по-своему интересен, например, для историков философии, когда число цитат может подтвердить сравнительную популярность тех или иных философов прошлого в определенную эпоху, в тех или иных странах. Однако ведь суть обсуждаемой здесь проблемы касается не классиков той или иной дисциплины, и не признанных – например, с помощью премий

типа Нобелевской или других престижных премий – «сегодняшних» корифеев той или иной науки. Ибо с признанием их эффективности все в порядке. Скажем прежде всего о ситуации второй половины XX и начала XXI вв.

Выдающийся социолог науки Р.Мертон доказательно раскрыл действенность закономерности, которую он назвал «эффектом Матфея»: ученые, ранее уже обретшие некоторые важные отличия и преимущества (количество и популярность публикаций, степени, звания, премии – и активное цитирование их работ в том числе), будут в увеличивающейся степени получать их и далее (в формулировке ученика Мертона Ст. Коулла: «Прежние заслуги авторов в определенной мере ускоряют распространение их последующих результатов»)².

Поэтому, повторяю, проблема и забота при обсуждении проблемы цитирования – не о классиках прошлого, не о «бенефициантах» настоящего (Нобелевских лауреатах), даже не о тех ученых, которые в каждый момент формально или неформально, но реально «стоят во главе» целых научных областей. Ибо о них «позаботились» закономерности и обычаи самой научной практики, включая те, которые пояснены на примере «эффекта Матфея». (Надо надеяться, что чиновное рвение не доходит до того, чтобы у наших – увы, немногочисленных – Нобелевских лауреатов и лауреатов других престижных премий требовать подтверждений их научной состоятельности через цитирование.)

Центры тяжести обсуждаемой практической и теоретической проблемы – в другом. Надо – действительно надо – при осуществлении контроля за наукой: 1) не пропустить всегда так нужных науке «будущих Эйнштейнов» или будущих лауреатов Нобелевских премий, а в социогуманитарных науках – перспективных крупных ученых (что у нас их «пропускают» и даже даром отдают другим странам, прежде всего США – это печальный факт); 2) не оскорбить, не отпугнуть, не принудить к отъезду в другие страны лучших ученых из той масс исследователей, которые в каждый данный момент нашей эпохи весьма доброкачественно работают в отечественной науке и без которых разветвленная, системная научно-исследовательская деятельность во всех дисциплинах сегодня совершенно немыслима. Иными словами, речь идет об объективной и именно верной оценке их труда в каждый актуальный «момент» их исследовательской деятельности. В свя-

зи с этим как раз и возникает центральный в обсуждаемой теме возникает вопрос (проблема): соответствует ли сложившаяся в науках реальная практика цитирования тому, чтобы впоследствии подсчитанные показатели цитирования смогли служить обрисованным выше целям? А сначала вопрос: как ученые цитируют, если вообще цитируют, других авторов?

В чиновных и близких им экспертных соображениях незримо и, возможно, неосознанно присутствуют представления о некоторой почти «идеальной» практике цитирования, т. е. надежда на то, что ученые цитируют друг друга «по делу» или что и при всех погрешностях цитирования точные (по крайней мере сравнительные) показатели эффективности на основе цитатной работы могут быть получены наукометрами (которые, как предполагаются, тоже работают «образцово» или просто хорошо). Со всем этим тоже надо внимательно разобраться.

Об «образцовых» статьях – с точки зрения цитирования

Можно ли найти статьи ученых, о которых правомерно говорить как об «образцах» с точки зрения цитирования? Прежде всего следует понять, каковы сами эти образцы и кто их устанавливает. По собственному опыту могу сказать, что (по крайней мере внутри философских дисциплин) не приходилось встречать соответствующие критерии и требования в четко выраженной форме и тем более такой, которая была бы где-то и когда-то принята научным сообществом. (Думаю, так же обстоит дело не только в философии). Поэтому приходится рассуждать, исходя из логики самой проблемы и имеющегося опыта наиболее близкой к тебе дисциплины. С самого начала отметим: в сложившихся условиях проблему приходится рассматривать, прибегая только к статьям как «единицам», учитываемым в существующих системах обсчета, зарубежных и отечественных. В работах ученых, в том числе публикуемых в данной брошюре, доказывается: исключение книг как не просто преимущественно важных, но хотя бы равноправных со статьями единиц отсчета есть существенное искажение характера и критериев научно-исследовательского труда. Что особенно сильно затрагивает социогуманитарные дисциплины, включая философию.

Это искажение также и с точки зрения фактора цитирования: ведь в современных книгах цитирование, как правило, – во много раз более продуманное, выверенное, систематическое, чем в статьях.

Но при сложившейся практике – повторяю, вопреки особенностям самого современного исследовательского труда – приходится, рассуждая о цитировании, говорить о статьях. Разумеется, и здесь снова надо учесть особенности тех или иных дисциплин.

В философской статье (объема сколько-нибудь разумного для выражения и доказательства развиваемых идей и отстаиваемых утверждений) «образцовое» цитирование было бы связано с выполнением ряда предварительных условий. 1) При осмыслении той или иной научной проблемы должны быть освоены – и впоследствии, в самой статье точно и аккуратно процитированы – главные источники среди имеющейся литературы вопроса. В отдельных случаях (например, в истории философии), где существует вероятность обнаружения новых источников, они по возможности должны быть найдены или по крайней мере упомянуты. 2) Должна быть освоена – и процитирована, опять-таки точно, по самим источникам – мировая литература вопроса, а не только та, которая в данное время, в данной стране «имеется под рукой» (но и последняя тоже должна входить в кадр рассмотрения). 3) Должны быть даны содержательные оценки данной литературы и она 4) должна быть взята в максимальной возможной полноте, в свете объективных оценок её значимости. 5) Предполагается, что первичные, вторичные и т. д. источники, имеющиеся на других языках мира, кроме родного, процитированы достоверно (что, в свою очередь, предполагает адекватные перевод по крайней мере цитат из них на родной язык или язык, на котором осуществляется публикация).

Выполнение такого рода строгих требований, особенно, подчеркиваю, в статьях, что понимает каждый, – дело чрезвычайно трудное, а потому и исключительно редкое. Поэтому подобные «образцы цитирования» в каждой дисциплине – это, что называется, «штучный» товар. Так, в области, в которой я работаю, т. е. в истории философии, мне пока довелось встретить совсем немного исследователей, чья работа (по моему, разумеется, мнению и мнению известных мне коллег) отвечает перечисленным требованиям. Это, например, живой классик современного кантоведения немецкий философ Норберт Хинске, чьи глубокие и

самостоятельные книги и статьи, посвященные исследованию философии Канта и других мыслителей, отличаются и таким свойством: после него в исследуемых им областях (*и на доступных ему языках*³) вряд ли может остаться хотя бы один не упомянутый, не процитированный источник, который сколько-нибудь достоин этого. Второй философ – это наш отечественный автор молодой профессор РГГУ Алексей Круглов, занимающийся историей немецкой философии (и прошедший школу Н.Хинске.) Он осуществил уникальное (пока) исследование рецепции философии Канта в России, введя в научный оборот большое количество малоизвестных, вовсе забытых или обнаруженных им самим материалов. (И если бы в нашей стране хоть как-то умели ценить подобный вклад в тщательнейшие исследования отечественной культуры, он заслуживал бы, по моему и не только по моему мнению, престижных премий и отличий, подобных тем, которые в Германии или Франции присуждаются даже зарубежным ученым, имеющим заслуги в исследовании немецкой и французской культуры, включая философию.)

Но от примеров вернемся к нашей общей теме. Если и полезно говорить о таких образцах для подражания, то можно ли надеяться на реальное следование им? Уверена: «образцовое» цитирование в науках именно такой штучный товар, который куда более редок, чем высококачественное исследование. О трудностях на путях даже к не-образцовому цитированию скажем позже. А пока предварительно констатируем то, что представляется очевидным: подавляющее большинство научных статей составляют такие, которые не дают ни «образцового», ни даже «средне-нормального» цитирования, а иногда лишены его полностью.

Теперь – снова возвратившись к моему примеру – разберем такой вопрос: учтен ли научный вклад самих авторов подобных образцовых работ в существующих сетях цитирования? И снова же ответ характерен, по-своему типологичен. Относительно Н.Хинске у меня нет точных данных, но на основе чисто эмпирического опыта изучения соответствующей зарубежной литературы могу сказать: его в кантоведении цитируют весьма часто. Но всё дело в том, что кантоведение, при всем его значении для истории философии – сравнительно ограниченная, «узкая» область исследования. И поэтому уровень цитирования его работ и работ других

кантоведов – в сравнении с другими популярными европейскими авторами более широкого проблемного диапазона – будет существенно ниже (Хотя Н.Хинске, как я отметила, считают одним из классиков в его области исследования.)

В случае А.Круглова вступают в силу и другие (наряду с более узкой специализацией) негативные (применительно к делу цитирования) факторы. И последние, подчеркну, также имеют типологический характер именно для 1) относительно молодых перспективных исследователей – и, в частности, таких, которые 2) выбирают как бы запущенные в данный момент области, становясь в них своего рода первопроходцами. А если это 3) российские исследователи, хотя бы реально или потенциально мирового класса, то неблагоприятное положение усугубляется. В частном случае А.Круглова тот упомянутый факт, что он 4) пишет книги, и как отмечено, замечательно профессиональные, как бы завершает грустную картину. Ее общее, типологическое значение заслуживает быть специально зафиксированным. А именно: в силу реально сложившихся условий «зеркало» цитирования особенно кривое и неблагоприятное для молодых ученых-новаторов, дерзающих выбирать ещё не пройденные пути, при довольно узкой специализации, двигаться по ним оригинально, и осуществлять фундаментальные, системные исследования (чаще всего воплощающиеся в книгах). Итак, вроде бы постулируемая задача способствования молодым научным талантам существенно противоречит использованию показателей цитирования как раз на линии отыскания «таланта выше среднего». Такие таланты (по крайней мере в философии) могут попасть в «сети цитирования» лишь в виде исключения и совершенно случайно. Между тем элементарный опрос ученых соответствующей области (разумеется, проведенный профессионально) помог бы достаточно быстро «засечь» уже появившиеся таланты! (Из них совсем не обязательно вырастут крупные ученые, но это все же в высокой степени вероятно).

Теперь, после обсуждения проблемы редчайших «образцов» цитирования вернемся к наиболее массовым способам цитирования в науке.

Как и кого обычно цитируют ученые?

Картина, которую я далее набросаю, вряд ли порадует читателей – и не только чиновников, свято верящих в точность «показателей цитирования», но и самих ученых. Но я призываю всех нас к максимальной честности в ответах на поставленный вопрос.

Сначала о типологических факторах, внешних, так сказать, объективных, отклоняющих даже от приличного – с точки зрения совсем не суровых требований – цитирования при написании статьи.

1. *Фактор времени.* Обычная статья пишется за относительно короткое время, определяемое заказом на неё из определенного журнала, актуальными задачами самих ученых (сделать её к отчетному сроку и т. д.). Сегодня, когда цитирование всё-таки считается необходимым, оно обычно выполняется соответственно возможностям, например, уже найденным или быстро находимым источникам, из которых приводятся цитаты. Понятно, что результат (по цитированию) весьма далёк не только от «образцов», но даже и от того объема источников, который сам автор – при «идеальных» обстоятельствах, которых ведь никогда не бывает – был бы склонен и готов процитировать. Словом, фактор времени можно считать скорее отклоняющим от целей надежного и объективного цитирования, нежели приближающим к ним.

2. *Фактор объема статьи.* В статье обычного объема цитаты, что вполне объяснимо, должны занимать относительно скромное место. Это склоняет к сокращению цитат даже тех авторов, которые накопили для этого обширный материал, но больше чем устраивает тех авторов, которые и не стремятся к сколько-нибудь репрезентативному (для их тем и проблем) цитированию и облегчает многим из них подход к цитированию как некоему принятому ритуалу. Его, этот ритуал, вроде бы надо соблюсти, но он же считается не слишком важным очень многим авторам (признаемся в том честно).

3. *Фактор доступности источников.* Относительно трудностей цитирования зарубежных работ по темам создаваемой статьи вопрос более или менее ясен: необходимо не просто знать соответствующие языки, быть в общем виде информированным насчет важности работ, но и попросту иметь к ним доступ. Сегодня, в эпоху интернета, доступ несколько облегчается, но главные трудности все

же остаются. Поэтому здесь остается много недочетов и претензий к отечественным исследованиям. Но и с доступностью отечественных источников всё в последние десятилетия обстоит из рук вон плохо: советская система распространения научных изданий по всей стране похоронена, так что в провинции узнать о новой книге или журнале и тем более заполучить их, как правило, практически невозможно. И наоборот, ученые центральных городов, как правило, не цитируют своих коллег из рассеянных по всей стране научных центров, ибо попросту не информированы об их работах или не добираются до них. В результате – отсутствие даже возможных цитирований и многие несправедливые перекосы в этом деле... И особенно в такой большой стране, как наша: мы сильно проигрываем малым странам и в цитатном отражении отечественной литературы.

4. *Фактор влияния на науку социально-идеологических установок.* Имеется в виду то, что в науке, как и во всей жизни общества, имеются формы и ступени социально-идеологического господства-подчинения. В разные эпохи и в разных странах их влияние варьируется. Степень же этого влияния во многом зависит от характера дисциплин. Например, и в советское время было нелепо предположить цитирование речей генеральных секретарей КПСС, скажем, в научных работах по математике. Но в диссертациях, и даже по естественным наукам, полагалось приводить подобные цитаты. А в биологии одно время «победителем» по цитированию, скорее всего, стал бы печально известный «народный академик» Т.Д.Лысенко... Что касается философии, то влияние этого фактора было очень сильным. Если бы о научных заслугах отечественных философов 40–50-х гг. XX в. судили по цитированию, то составил бы список «авторов», в наше время с полным основанием забытых. И наоборот, философы, в 60–70-х гг. образовавшие когорту авторов исследовательского круга и в последующие десятилетия признанных с точки зрения их научных заслуг, в это раннее время их работы никак не были и не могли быть «чемпионами» по цитированию. Итак, для некоторых длительных времен и эпох актуальные цитирования не только неспособны стать показателями уровня эффективности научных исследований и вкладов – они, как правило, дают искаженную, превратную картину исследовательской реальности. Впоследствии, правда, эта картина существенно корректируется. Но ведь в нашем контексте речь неизменно идёт об актуальном, «сегодняшнем» цитировании и его значении для науки.

Однако и в наши дни, во времена, куда более свободные от прямого давления господствующей идеологии, в том числе в социогуманитарных дисциплинах, существует не только немало искажающих внешних факторов – к ним присоединяются и субъективные, внутренние влияния, тоже делающие показатели цитирования сугубо неточным мерилем эффективности. Далее – о некоторых факторах субъективного ряда, которые можно считать типологически распространенными и правомерно присоединить к ранее перечисленным.

5. *Факторы зависимости ученых от начальства, от фондов и т. д.*

Приходится учитывать такие, например, осложняющие обстоятельства: среди цитат (и даже в числе соавторов) в научной статье могут быть такие, которые не связаны с научными заслугами (как правило, весьма скромными или отсутствующими) цитируемых или упоминаемых «деятелей». Все здесь подчас определяется какой-либо зависимостью авторов статей от разных категорий людей, работающих в науке – ими могут быть руководители, реально в исследованиях не участвующие или участвующие очень мало, или люди, от которых зависит распределение грантов, других средств и т. д.

В академической среде распространено цитирование ученых-членов Академии – особенно в случаях, когда тот или иной цитирующий автор имеет академические амбиции, т. е. рассчитывает войти в элитарный научный корпус, а потому цитирует, иногда совсем не к месту, как говорится, «всеу», членов своего отделения АН и т. д.

Тут надо сделать очень существенную оговорку, которая, кстати, тоже снижает значимость именно фактора цитирования. Сегодня не цитирование подтверждает уровень научных заслуг членов АН. Например, в философии, в отличие от прежних времен (когда члены академии были, как правило, «верными последователями учения Ленина–Сталина», частенько назначенными в Академию самим Сталиным), членами академии чаще всего становятся признанные философским сообществом ученые-исследователи. И ведь не цитирование выделило их: как раз на более ранних стадиях формирования их научной деятельности, именно в советское время, они подчас слыли и были неортодоксальными авторами, так что сильно уступали по уровню цитирования ранее упомянутым ортодоксам. Сегодня, конечно, их цитируют достаточно часто, но в целом их реальное признание всё-таки основывается в главном не на цитировании их

работ (в составе которого практически невозможно отделить и вычлест цитирование «всуе»), а на других, более существенных для науки факторах. Я бы сказала так: это (в основном) люди, которым несмотря на все социально-идеологические препятствия также и в философии удалось сделать своего рода открытия и стать лидерами целых научных направлений. (В каждом случае требуются конкретные обоснования, и их вполне можно представить.)

Не в пользу фактора цитирования в случае членов АН можно оттенить уже иное, никак не относящееся к их заслугам обстоятельство: когда их цитируют «всуе», они – по цитированию – обходят своих коллег, не имеющих таких званий, но не уступающих им по уровню научных заслуг и реальному признанию со стороны научного сообщества: последние, не состоящие в Академиях, не имеющие отношения к распределению фондов и т. д., цитируются в куда меньшей степени, что также искажает общую картину того, «кто есть кто» в данной научной области.

6. *Чисто субъективные факторы*, реально определяющие уровень цитирования других авторов и искажающие картину реального признания в (той или иной) науке, довольно многочисленны и здесь могут быть упомянуты лишь кратко, без детального рассмотрения.

– Влияние личных отношений – все же достаточно основательное: некоторые авторы вообще не цитируют коллег, которые им по тем или иным (внеаучным) обстоятельствам несимпатичны и, наоборот, обильно цитируют ближайших соратников, друзей, помощников, учеников и т. д. вне зависимости от научного качества работ этих последних. Отсюда – особое отличие результатов: по наличному цитированию подчас можно вычлестить некоторые кластеры, свидетельствующие о группировках в науке, или, выражаясь более обыденно, внутринаучных тусовок...

– Влияние «моды» внутри науки тоже имеет место и прямо отражается на цитировании. Механизм её воздействия похож на тот, что описан у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Она любила Ричардсона, не потому чтобы прочла... Но в старину княжна Алина, её московская кузина, твердила часто ей о нем...». Подобные синдромы – «не потому чтобы прочла» и следование мнению «московской кузины» – в особой форме влияют на науку. Один пример: сейчас очень модно цитировать Мартина Хайдеггера (цитировать по одному-другому переводному источнику, подвер-

нувшемуся под руку). Я спросила диссертанта, защищавшегося по той теме ранней средневековой философии, в которой Хайдеггер отнюдь не является экспертом, зачем именно в этом случае цитировать столь сложного автора без вхождения в детали (перевода и т. д.). Ответ был характерным: для «осовременивания», для «оживления»... Иными словами, в силу следования сложившейся моде. Подобным образом цитируют некоторых модных сегодня отечественных авторов. Сказанное отнюдь не означает, что они вообще недостойны цитирования. В некоторых случаях весьма достойны. Но в иных контекстах и на других условиях – не по принципу: «не потому чтобы прочла...» Кстати, для оценок действительного влияния того или иного философского учения (в том числе и такого популярного, как философия Хайдеггера) такие феномены модного цитирования скорее вредны, чем полезны, ибо тут перед нами «модные шумы»...

– А значит, от ранее рассмотренных факторов всего более страдают (с точки зрения показателей цитирования) те молодые и зрелые авторы, темы исследований которых – мы о них ранее говорили – специальные, новые, казалось бы, частные, но очень важные для той или иной дисциплины. И снова подчеркну: дискредитированы те ученые, которые пишут обстоятельные книги, иногда объемные, требующие длительного, последовательного, внимательного изучения и вполне достойные этого. Особенно важен фактор спешки, поверхностного чтения или вообще его отсутствия в условиях сегодняшнего времени, когда большинство ученых не могут избавиться от влияния исторически обусловленных способов повседневной жизни. Ныне это – высокие «скорости» всего и вся, «суета сует», от которых не уберегается и научно-исследовательская практика. В России к этой «суете сует» последних десятилетий присоединились дополнительные факторы: мизерные заработки в науке и необходимость, особенно для более молодых поколений, где-то подрабатывать, чтобы жить – и многое другое. И тогда, в частности, манера «цитировать», почти или совсем не читая вроде бы упоминаемого автора, становится своего рода эпидемией... Ко всему тому, что ранее сказано о реальном цитировании в науках и что, скорее всего, имеет интернациональное значение, добавим еще один фактор, относящийся к России. (И, быть может, еще к ряду стран с так называемыми редкими языками.)

О неблагоприятной, несправедливой ситуации, сложившейся применительно к российскому сообществу, много писали отечественные ученые⁴.

Зафиксирую исходное и сейчас вряд ли исправимое положение (имея в виду прежде всего лучше знакомую мне картину, касающуюся философских наук) и специфицируя его применительно к фактору цитирования.

В то время как наиболее продвинутые российские философы разных специализаций достаточно активно и грамотно цитируют релевантные их исследовательским занятиям работы западных и восточных коллег, у наших зарубежных коллег (особенно в Европе и США) начисто отсутствует привычка цитировать российских авторов. Прежде всего, конечно, работы, написанные и опубликованные на нашем родном языке. Но не только их: даже философы, знающие своих российских коллег, подчас публикуя свои статьи в европейских изданиях, что называется, рядом с российскими авторами, которым они нередко устно выражают свое одобрение, не спешат когда-либо и где-либо процитировать российских ученых. Так складывается не просто асимметрично-несправедливое, но и по-своему парадоксальное положение. А именно: ученые-россияне, при таких условиях исправно цитирующие западных авторов, даже вносят свой «вклад» в закрепление подобной асимметрии: ведь они-то, добросовестно и регулярно цитируя зарубежных коллег на языках оригиналов (притом в весьма богатом разнообразии последних), как бы закрепляют их преимущество, если оно регистрируется с помощью фактора цитирования.

Общие выводы относительно фактора цитирования

Главные, пожалуй, субъективные соображения, влияющие на практику цитирования, состоят в пусть и не всегда сформулированной ясно следующей принципиальной убежденности большинства ученых, в том числе современных: как число публикаций, так и особенно число цитирований в их работах (даже при нереальном для сегодняшнего дня условии точного их подсчета) не могут служить ни главными, ни даже второстепенными индикаторами качества научно-исследовательского труда – и тех, кто цитирует, и тех, кого цитируют.

Не сильно расходятся с этими убеждениями и профессиональные выкладки таких признанных социологов науки, как Р.Мертон. Он, правда, социологически осмысливает те более поздние этапы научно-исследовательской работы, когда фактор цитирования уже вошел в научную практику и когда социологи науки стали говорить, подобно Мертону: ссылки и сноски настоятельно нужны, и они даже могут стать «главным элементом системы стимулирования научного труда и лежащих в её основе представлений о справедливом распределении, которые во многом способствуют ускорению научного прогресса»⁵. Но это, так сказать, в идеале, который должен быть построен, и это главное, – на целой системе, принадлежащей к тому виртуальному, так сказать, «высшему суду» в науке, куда входят прежде всего качественные и длительные оценочные факторы. Например, «ономастика», т. е. присвоение имени определенных ученых тем или иным научным законам или формулам (закон Ньютона и т. п.). Использования подобных достижений столь многочисленны, что их подсчет невозможен – здесь и не требуется прямых цитат.

Упоминания великих имен в любых науках – фактор, не принимаемый в расчет в системах цитирования, на деле весит много больше, чем прямые цитаты. Наконец, в обсуждаемую систему входят не прямо подсчитываемые и трудные для учета, но все же уловимые и очень важные факторы негласного признания в каждой науке в любой данный момент её функционирования. Суждения и оценки друг другом членов научного сообщества – при всей их субъективности, при всех трудностях их учета и обобщения – могли бы много успешнее служить одним из параметров качественной оценки научного труда. При этом можно было бы, как ранее сказано, достаточно оперативно опознавать молодых ученых, которых ещё не цитируют сколько-нибудь активно, но которые уже успешно приобретают реальный вес в науке.

На фоне всей совокупности упомянутых (и не разобранных аналогичных) факторов практика цитирования, взятая с чисто количественной точки зрения (и тем более учтенная с не раз упоминаемой высокой неточностью существующих систем), могут скорее усложнить, затруднить получение реальной картины эффективности труда в актуально развивающейся науке⁶. В крайнем случае их можно принимать во внимание как *совокупность*

сугубо неточных чисто количественных показателей (уже тут – внутреннее противоречие) *даже не второстепенной, а куда меньшей значимости*. Но в обстоятельствах, когда им придают первостепенное значение, все чревато ошибками и вредными, не-объективными выводами и большими затратами времени, в том числе драгоценного времени самих ученых. Если им для отчетов перед высшими чиновными инстанциями придется собирать заведомо неточные данные и показатели...

Примечания

- ¹ Разумеется, здесь, в разговоре о цитировании, принимаются во внимание только опубликованные и авторизированные самим этим философом печатные произведения, а не тысячи страниц рукописных или надиктованных заметок, из которых в последние десятилетия составились многие тома обширнейшей «Гуссерлианы» (в них цитат и не могло быть).
- ² О всей сложности ситуации см.: *Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М., 2012 С. 193–209.
- ³ Обратите внимание на подчеркнутые слова. Дело в том, что даже Н.Хинске, живо интересующийся российской философией и, в частности, выпустивший вместе со мною в Германии книгу со статьями наиболее авторитетных российских кантоведов, сам не владеет русским языком. И стало быть, даже в его исследованиях, образцово-полных по цитированию, нет цитат из литературы вопроса на русском языке...
- ⁴ Моя статья, опубликованная первоначально в «Вестнике РАН» и обсуждавшая ту ситуацию, которая исторически сложилась по отношению к современной отечественной философии и отражает не просто её слабую представленность, а фактическую непредставленность в системах Web of Science, перепечатана в данном сборнике.
- ⁵ Об отношении Р.Мертонa к данной проблеме см.: *Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. С. 199, 201, 204–208.
- ⁶ Я не разбираю аргументацию, иногда приводимую в пользу преимущественной опоры на практику цитирования. Когда признают: да, она ненадежна и неточна, но может использоваться для *сравнительных* оценок (ибо она неточна-де в равной мере для каждого ученого). Но из того, что говорилось ранее, следует: непригодность сложившихся практик учета цитирования обусловлена в том числе их неточностью, которая имеет *дискриминационный, несправедливый характер*, причем не только по отношению к отдельным ученым, но к целым странам с неслабыми научными центрами.

А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов

Наука и власть: взаимодействие и оценка результативности*

В последнее время инстанции управления все более активно вмешиваются в жизнь науки. Если учесть все опосредованные звенья и цепочки связей, иногда это просто на грани вторжения в исследовательский процесс. В полной мере это проявляется в науках социогуманитарного цикла. Естественно, никто пока еще не указывает ученым напрямую, как и что изучать и какие результаты при этом должны быть. Однако если внимательно проанализировать весь массив регулирования и контроля, а в особенности имеющиеся здесь тенденции, то окажется, что одни только формуляры отчетности реально влияют не только на жизнь, но и на профессиональную работу научного сообщества.

Регулирование науки: дисциплинарные техники

Это влияние осуществляется хотя и косвенно (в основном), через самоконтроль исследователей, через саморегулирование, часто даже вовсе безотчетное, однако его эффективность от этого ничуть не снижается, если не наоборот. В связи с этим повышенную актуальность приобретают вопросы:

* Публикуется по изд.: Политэкономика. 2012. №10. С. 12–15.
Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (№ 11-03-00442а).

– насколько такое вмешательство необходимо и где его пределы?
– каковы его реальные эффекты, локальные, суммарные и сверхсуммативные?

– те ли это эффекты, которые реально нужны науке, обществу, стране и в том числе власти, самим инстанциям управления.

Прежде всего надо объективно оценить масштаб формального контроля и имеющиеся здесь тенденции.

При этом речь идет именно о формальном контроле: наращивание количества и объема заполняемых формуляров не приводит автоматически к повышению уровня контролируемости и управляемости. Часто даже наоборот. Пока отношения строятся на взаимном доверии и без избыточной бюрократии, оценка результата остается интегрально-интуитивной – и в этом смысле достаточно точной и объективной. Когда же интенсивно наращивается формальная составляющая, прежде всего планирование, отчетность и процедуры оценки результативности (в том числе количественные), сплошь и рядом оказывается, что обе стороны процесса вступают в «игру по правилам», а потому начинают пытаться обыграть друг друга, часто во вред общему делу.

Как это ни грустно, такие выводы – не моральное суждение, а установленный факт. В том числе установленный не только в системе взаимоотношений науки и власти, но и в рамках самого научного сообщества, в сфере его самоконтроля и саморегулирования (а этот формат куда более объективен и практически защищен от подозрений в желании науки сыграть на собственный цеховой интерес). Когда ученые пытаются более жестко формализовать оценку результативности своей работы и работы коллег, почти неизбежно происходит то, что в психологии называется «сдвигом мотива на цель» (А.Леонтьев). Люди начинают не только или даже не столько отчитываться по результату, сколько заранее подгонять результат под правильную, ожидаемую, поощряемую отчетность. Если кто-то думает, что это локальное отклонение, в особенности характерное для гуманитарных наук, а тем более для российского сегмента, это заблуждение. Такого рода закономерности зафиксированы в том числе: а) в мировой науке, в том числе западной, б) в точных и естественных науках, где, казалось бы, имитировать результативность практически невозможно.

Тем не менее, тенденция к максимальной формализации регулирования и саморегулирования в науке у нас совершенно очевидна и в управленческой среде, судя по всему, рассматривается

как единственно перспективная, стратегически безальтернативная, а также как методологически и методически безупречная. Что вовсе не очевидно.

С одной стороны, необходимо признать, что за такого рода формализацией стоят весьма серьезные тренды, прежде всего связанные с понятием постнеклассической науки. Одно из существенных отличий заключается здесь в следующем. Наука перестает быть священной коровой, на которую молятся, которой позволено все и даже больше: начиная с траты ресурсов и заканчивая рискованными экспериментами, в том числе на живых людях. Теперь науке приходится выстраивать свои отношения с обществом на практически паритетной основе: объяснять, что она делает и зачем нужна, доказывать свою полезность или, как минимум, безвредность. В некоторых отраслях знания, например, в науках биомедицинского цикла, это во многом получается почти автоматически, едва ли не самой собой: человечество пока еще более или менее легко верит, что скоро его разом накормят и вылечат (хотя и здесь уже осознаны серьезнейшие проблемы экспериментального риска и биоэтики). Однако другим наукам, уже успевшим напугать человечество масштабом расходов и угроз, например, ядерной физике, приходится решать куда более сложные проблемы самооправдания и обоснования необходимости финансирования хотя бы в прежних объемах (проблема ЦЕРНа). В этой ситуации попытки как-то формализовать и объективизировать оценку результативности вполне понятны.

Вместе с тем, эти общие тренды надо отделять от местных, туземных инициатив, которые вполне могут быть связаны с гораздо более прозаическими целями и интересами. В частности, нельзя не видеть наметившейся в последнее время общей тенденции к бюрократизации многих отраслей жизни и деятельности в России. Избыточное регулирование, распухание нормативной базы, дотошное, мелочное слежение за мельчайшими стадиями процесса – все это давно и не без оснований критикуется на политическом уровне как административный балласт, мешающий развитию экономики, технологий и, конечно же, науке. Чтобы в первом приближении оценить изменение ситуации, достаточно провести обычный статистический анализ формального документооборота, сравнив то, что есть сейчас, с тем, что было совсем недавно, а заодно и с

объемом разного рода формальной отчетности в советский период, обычно критикуемый за чрезмерное, иногда просто абсурдное вмешательство государства в тонкие, не поддающиеся прямому администрированию процессы. Более того, можно увидеть здесь и общую тенденцию к наращиванию разнообразных форм регулирования и контроля, выступающих в качестве своего рода дисциплинарных техник, вырабатывающих привычные отношения в системе власти, господства – подчинения. Однако до обращения к этим высоким материям придется столкнуться с куда более прозаическими вещами, в частности, с вопиющей проблемой качества этого контроля. В некоторых моментах вопрос даже не доходит до животрепещущего «много или мало» – все уже на дальних подходах к проблеме сводится к тому, что ТАК контролировать вообще нельзя, ни в больших дозах, ни в малых.

Антинаучная точность

Ярким примером такой ситуации является стремление уже сейчас, что называется с колес, использовать для оценки результативности отечественной науки разного рода библиометрические показатели: статистику публикаций, индексы цитирования, импакт-факторы и т. п.

Начнем с того, что избыточный, безоговорочный энтузиазм в отношении такого рода методик выглядит на данный момент проявлением не столько современности, сколько отсталости. В мировой науке уже поняли, что здесь и свои плюсы, но и подводные камни, начиная с искусственного раздувания числа публикаций, ссылок и т.п. и заканчивая циничным бизнесом на пристраивании заказных статей в ведущих научных журналах мира. Если эта проблема уже осознана как достаточно острая в мировой науке, с ее достаточно строгими традициями профессиональной научной этики, а также цехового и правового регулирования подобных ситуаций, можно представить себе, что может появиться в нынешней российской науке, когда ресурсное благополучие отраслей знания, институтов и отдельных исследований будет напрямую зависеть от такого рода формализованных показателей. Можно легко оказаться в положении, когда в самом профессиональном

сообществе будет одна, более или менее достоверная система признания и авторитетов, а в зоне формальной отчетности – существенно другая. Это породит совершенно ненужный, лишний конфликт между научным сообществом и властью, дискредитирует институты управления, а с ними косвенно и политические инстанции, а главное, станет серьезным тормозом дальнейшего развития отечественной науки.

Особенно остро встанет эта проблема применительно к наукам социогуманитарного цикла, в том числе и к отечественной философии. Российская институциональная библиометрия, в частности Российский индекс научного цитирования, находится в зачаточном состоянии и принимать его данные за полную информацию, достаточную для принятия управленческих, а тем более политических решений, мягко говоря, было бы некорректно. Что же касается наиболее известных зарубежных баз данных, таких как, например, Web of Science, Scopus и т. п., то отечественная гуманитаристика по целому ряду объективных и субъективных обстоятельств представлена там не то чтобы не полно, а убогими несколькими процентами от того, что на самом деле имеет место в нашем корпусе публикаций и ссылок. Эти базы практически не реферируют наши журналы (единицы), избирательность в составлении такого рода списков более чем очевидна и имеет место не только в отношении России, существует практически непреодолимый языковой барьер. Совет, который иногда приходится слышать от администраторов – пишите по-английски – выглядит либо некомпетентно, либо просто издевательски. Сплошь и рядом дело вовсе не в языке, а в том, что переводить практически нет смысла: эти публикации за рубежом не читают не потому, что они слабые, а просто потому что и не должны. Социология, этнография, история, литературоведение, лингвистика, целый спектр разделов философии – многое в этих и целом ряде других отраслей знания представляет огромный интерес для отечественной науки, для нашего общества, но совершенно не касается сферы интересов тех стран, которые занимаются переводом и изданием зарубежной научной литературы и одновременно контролируют наиболее известные базы данных. Это вполне естественное состояние для гуманитарных научных комплексов многих, если не

большинства неанглоязычных стран мира, но, кажется, только в России есть такое слепое доверие к зарубежным методикам, которые на Россию вовсе не ориентированы.

Более того, гуманитарное знание основным модулем публикаций очень часто имеет вовсе не статью, а именно книгу. Однако стандартные базы данных книги практически игнорируют, оставаясь на статьях в реферируемых журналах. Это с некоторыми оговорками может быть оправданно для точных и естественных наук, но дает фатально искаженную картину применительно к гуманитарному знанию.

Кроме того, в гуманитарном знании в ряде случаев вовсе не так строги требования к ссылочному аппарату, как в точных и естественных науках. Что же касается философии, то есть общепризнанные авторитеты и даже целые жанры, в которых ссылки в общепринятом смысле вообще отсутствуют. Если это не учитывать, мы получим картину не просто заведомо искаженную – из поля зрения выпадет едва ли не половина авторов и работ, считающихся безусловно классическими.

Есть еще целый ряд обстоятельств, в силу которых механически скопированные статистические данные дают эффект не столько информации, сколько дезинформации. Мы можем оказаться в положении, когда для оценки науки будут использоваться данные, которые по всем показателям являются ненаучными, а при злонамеренном использовании и антинаучными. Библиометрия, конечно же, наука, но применять ее необходимо корректно и с таким же научным пониманием предмета. В противном случае некоторая польза, получаемая в усреднении усредненного, окажется ничтожной в сравнении с гигантским вредом, который может быть нанесен отечественной гуманитарной науке.

Социальный заказ и инерция контроля

Российские власти периодически проявляют оформленный интерес к повышению активности участия науки в жизни общества, в выработке стратегий, в принятии политических и управленческих решений, а также в мониторинге их реализации. Если проанализировать в данном контексте термин «наука», то окажется,

что сюда попадает прежде всего знание социально-экономическое и общественно-политическое, а также гуманитарные науки в самых разных своих отраслях: этика, лингвистика, социальная психология, этнология, разного рода исторические исследования и пр. Есть направления гибридного характера, на грани знания точного и гуманитарного, например, та же библиометрия, все более активно используемая при оценке результативности исследований, а в итоге и в принятии управленческих, политических, а возможно, и стратегических решений.

Особый интерес в этом контексте представляет пресловутая «проблема внедрения». Технологическая утилизация достижений естественнонаучного знания более или менее понятно устроена и также общеизвестны имеющиеся здесь острее системные проблемы. Однако что в этом плане представляет собой проблема «внедрения» для гуманитарной науки, для философии, для отраслей социально-экономического и общественно-политического знания?

Проще всего все свести к обычным для науки академическим и (или) к популярным публикациям, к лекционно-просветительской деятельности и т. п.

Однако совершенно очевидно, что социальный заказ – и от общества, и от структур власти – выглядит существенно иначе и гораздо шире. Как раньше было принято выражаться, «партия и правительство» призывают философов, гуманитариев и пр. представителей «не естественных наук» активно участвовать в жизни общества, в выработке, оценке и реализации политических и управленческих решений. Оставим пока в стороне вопрос, насколько часто такой заказ бывает искренним и нацеленным на подлинное эффективное взаимодействие. Допустим даже, что система власти и управления в этом призыве всегда адекватна и готова всерьез прислушиваться к рекомендациям науки. Однако и в этом случае мы окажемся в нелепом и контрпродуктивном положении: система формализованной отчетности, по крайней мере в ее библиометрической составляющей, ориентированной на так называемые рецензируемые журналы, то есть на академические списки, не только не ориентирует «общественников» и гуманитариев на неакадемическую активность, но и фактически отвращает от нее, поскольку ресурс времени и сил у каждого ученого понятным образом ограничен. Вместе с тем, если бы библиометрическая стати-

стика сподобилась учитывать не только публикации в интернете, но и общественную активность вокруг них, в частности, ретрансляцию и сетевое тиражирование, ссылки и рекомендации, профессиональные комментарии и т. п., мы уже сейчас получили бы совершенно другую и куда более оптимистичную картину развития нашей гуманитарной науки и ее участия в жизни страны.

Это же относится и к участию науки в подготовке и экспертизе законопроектов, нормативных правовых актов, управленческих решений. Часто в этих разработках присутствует и собственно научный результат, который как таковой не эксплицируется, а потому не учитывается, хотя и получает известное распространение в соответствующих сегментах научного сообщества.

* * *

Все это не отрицает известной полезности применения формализованных и количественных методов при оценке результативности отечественной науки. Однако необходимо в полной мере учитывать системные ограничения, накладываемые на применение этих методов спецификой гуманитарной науки вообще и отечественной гуманитаристики в особенности. В противном случае мы можем сами неволью сработать на понижение статуса и имиджа российской науки в мире. И тогда зачем затратные проекты, нацеленные на улучшение образа России?

Возможно, было бы больше пользы, если бы хотя бы малая часть этих средств была направлена на распространение и продвижение результатов нашей гуманитарной науки за рубежом. Тогда, возможно, у нас было бы меньше проблем и с мировыми базами данных.

Об основных подходах к оценке результативности научных исследований в России

Поводом написания данной статьи послужили два обстоятельства: во-первых, общая ситуация в сфере социогуманитарных и других наук, сложившаяся в результате введения ряда мер со стороны государства, касающихся разработки и внедрения системы оценки результативности научной деятельности, а во-вторых, собственный личный опыт подготовки отчетов, содержащих показатели результативности деятельности Института философии РАН.

Система критериев оценки результативности исследований, предложенная научно-исследовательским институтам, вызвала много вопросов со стороны научной общественности, тем не менее, она была внедрена и действует уже больше года. В связи с этим одной из важных задач при подготовке данного материала стало описание существующей ситуации, а также ее анализ с точки зрения применимости к философии и гуманитарным наукам.

К сожалению, как показала практика, в России идея внедрения системы оценки результативности с целью «улучшения регулирования и повышения эффективности» привела к увеличению регулирования. Вывод о том, привела ли она к улучшению регулирования, делать пока рано. Отметим лишь, что сама практика оценки научной деятельности в мире широко распространена. За рубежом работы по «оценке в сфере исследований, инноваций и технологий» проводят, например, CNRS (Франция), Советы по финансированию высшего образования (Великобритания), Институт академических степеней и оценивания университетов

(Япония), Комиссии по оценке научных исследований при Министерстве образования, культуры и науки (Нидерланды) и тому подобные организации.

Подчеркнем также, что с точки зрения философии эта тема в первую очередь касается вопросов, связанных с самой **возможностью** оценки научного труда и его измеримости.

К истории вопроса

В какой момент было принято решение начать процесс разработки нормативной базы для будущей оценки результативности научно-исследовательских институтов Российской Федерации, финансируемых из государственного бюджета, сегодня сказать сложно. Но формировались предпосылки для внедрения в российскую практику оценки еще с 2002 г. Тогда были приняты «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу». Основные положения Концепции базировались на суждении о том, что состояние научно-исследовательского сектора страны нельзя считать удовлетворительным, для него характерна низкая степень инновационной, инвестиционной, патентной активности.

В августе 2005 г. в Минобрнауки России состоялся круглый стол, на котором было озвучено, что система формирования «рейтинга результативности» однопрофильных научных организаций будет основываться на традиционных статистических инструментах измерений и использовании количественных индикаторов.

К 2008 г. Минобрнауки России на основании поручения Президента и Правительства РФ были разработаны основные нормативные документы, определяющие и регулирующие оценку результативности, которые затем прошли обсуждение на Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям.

Эти документы были сформированы на основе результатов ряда проектов, выполненных в Институте статистических исследований и экономики знаний под руководством Л.М.Гохберга (Государственный университет – Высшая школа экономики) по заказу Федерального агентства по науке и инновациям (Роснаука), а именно:

– «Разработка рекомендаций по применению оценки эффективности научной, научно-технической и инновационной деятельности с использованием передового зарубежного опыта и на ее основе анализ результативности системы научных исследований и разработок в России в сравнении с зарубежными странами»¹ (2005 г.);

– «Разработка методических рекомендаций по проведению оценки деятельности научных организаций в Российской Федерации»² (2006 г.);

– «Разработка методологии и нормативного обеспечения системы мониторинга бюджетных и внебюджетных расходов по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в РФ и перечню критических технологий РФ»³ (2007–2008);

– «Разработка нормативных материалов и статистических показателей для анализа научно-технического потенциала и проведения инвентаризации организаций научно-технического комплекса Российской Федерации»⁴ (2007–2008);

– «Разработка нормативной правовой базы оценки результативности функционирования государственных научных организаций, осуществляющих научные исследования гражданского назначения, разработка и практическая апробация процедур экспертной оценки»⁵ (2007).

Потребность в системе оценивания, по словам разработчиков системы, связана в первую очередь с ростом затрат государства на НИОКР, вследствие чего делается акцент на результативность, на поиск более эффективных механизмов финансирования, гибкого перераспределения ресурсов между государственными научными организациями, а значит, на разработку и внедрение инструментов обратной связи между ресурсами и результатами⁶.

Затем 15.09.2008 г. Президентом РФ было подписано Постановление об оценке результативности научных организаций Российской Федерации, в котором, в частности, поручалось: «в целях формирования эффективной системы научных организаций Рос-

¹ <http://old.mon.gov.ru/work/zakup/lot/104/>.

² <http://old.mon.gov.ru/work/zakup/lot/796/>.

³ <http://old.mon.gov.ru/work/zakup/lot/2422/>.

⁴ <http://old.mon.gov.ru/work/zakup/lot/2499/>.

⁵ <http://old.mon.gov.ru/work/zakup/lot/1672/>.

⁶ Из презентации Л.М. Гохберга, сделанной на круглом столе.

сийской Федерации и роста их вклада в инновационное развитие экономики Российской Федерации Правительство Российской Федерации» утвердить «Порядок оценки результативности научных организаций Российской Федерации», «Типовое положение о деятельности комиссий по оценке результативности научных организаций Российской Федерации», а также разработать и утвердить в IV квартале 2008 г. типовую методику оценки результативности научных организаций Российской Федерации. Именно эти документы и являются сейчас нормативной основой системы оценки результативности исследований. 15.09.2008 г. на сайте strf.ru был размещен проект не только типовой методики, но и самой процедуры, которой должен следовать эксперт, оценивая представленный научной организацией соответствующий отчет⁷.

Сразу после этого 19 сентября 2008 г. в Министерстве образования и науки РФ состоялся очередной круглый стол⁸, посвященный обсуждению проектов этих документов. Кроме этого круглого стола фактически не было никаких общественных обсуждений этих документов. Было объявлено, что 2500 научных государственных организаций России будут регулярно проходить через единую систему оценки их деятельности, учитывающую сложную систему количественных показателей, что должно в первую очередь способствовать достижению основной цели – перераспределению финансовых потоков из федерального бюджета от слабых организаций и ученых – сильным и конкурентоспособным. Таким образом, эти документы впервые были представлены объекту оценивания – научному сообществу фактически лишь на этапе их принятия.

Выступая на этом круглом столе, Л.М.Гохберг отметил, что существующие ныне экспертные процедуры носят, как правило, «весьма субъективный закрытый характер и часто не базируются на открытых количественных методах. С другой стороны, ведомственные системы даже там, где происходит подобного рода оценивание, носят закрытый характер. Скажем, традиционная отчетность – финансовая, статистическая и прочая – практически не привязана к индикаторам результативности»⁹. Предлагаемый проект был призван эти недостатки устранить.

⁷ <http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d>.

⁸ Обзор круглого стола см.: <http://polit.ru/article/2008/09/30/mon190908/>.

⁹ <http://polit.ru/article/2008/09/30/mon190908/>.

В 2009 г. были изданы следующие документы, касающиеся организаций РАН, ГНЦ, ведомственных НИИ и вузов:

– Постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312 «Об оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, № 15, ст. 1841), утвердившее Правила оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения;

– Типовое положение о комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, и Типовая методика оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, утверждённые приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 октября 2009 г. № 406а (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 28 января 2010 г. № 16115).

Пафос настроений того времени иллюстрирует цитата из выступления Председателя Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям В.А.Черешнева на парламентских слушаниях на тему: «Оценка результативности научных организаций как субъектов инновационной деятельности» (Государственная дума РФ, 17 февраля 2009 г.): «В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. предусмотрено повышение доли инновационного сектора в валовом внутреннем продукте с 10,9 % в 2007 г. до 18 % в 2020 г., что будет сопровождаться повышением расходов на НИОКР (за счет всех источников финансирования) – до 2,2 % ВВП в 2015 г. и 3 % ВВП в 2020 г. Повышая расходы на НИОКР, государство вправе ожидать одновременного роста результативности исследований научных организаций, появления новых процессов, технологий и в первую очередь по приоритетным направ-

лениям развития науки, технологий и техники и <...> исключить из участников конкурса на получение бюджетных средств лженаучные организации»¹⁰.

Система оценки результативности в РАН

Сегодня вся система оценки результативности в Российской академии наук регулируется следующими документами:

– Постановление Президиума Российской академии наук от 20 апреля 2010 г. № 84 о создании Комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций Российской академии наук (председатель академик С.М.Алдошин, <http://ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=e655c31e-51ea-4f15-916f-88ef53035855>).

– Постановление Президиума Российской академии наук «Об утверждении Положения о Комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций Российской академии наук и Методики оценки результативности деятельности научных организаций Российской академии наук» № 201 от 12.10.2010 г. (<http://ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=9767952e-4821-4510-89d6-5f678677066d>).

– Типовое положение о комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (<http://ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=4c9271f2-2a58-4e19-9b3a-0d59a13d150d>).

– Типовая методика оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (<http://ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=74647b89-4652-4687-b25f-579f78297275>).

– Показатели оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти или государственным академиям наук, выполняю-

¹⁰ <http://www.komitet2-8.km.duma.gov.ru/site.xp/052053124051056051.html> (Стенограмма); <http://www.komitet2-8.km.duma.gov.ru/site.p/052053124051056050.html> (Решение).

щих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (<http://ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=0e98b3d3-35fc-4a9b-b6bf-ad9839836473>).

Оценка результативности деятельности научной организации включает ряд этапов (основные положения):

- ежегодную подготовку научной организацией отчетных данных по показателям оценки;
- рассмотрение ежегодных отчетных данных и иных материалов, представленных научной организацией;
- формирование референтной группы научных организаций;
- подготовку экспертного заключения об оценке результативности и эффективности деятельности научной организации.

Предусматривается также, как правило, одновременная оценка группы научных организаций, имеющих сходные цели, работающих в одной области науки и/или осуществляющих деятельность в сходных условиях (референтной группы).

На основе показателей оценки результативности и эффективности деятельности научной организации она может быть отнесена к одной из следующих категорий:

1 категория – научные организации-лидеры;

2 категория – стабильные научные организации, демонстрирующие удовлетворительную результативность;

3 категория – научные организации, утратившие научный профиль и перспективы развития¹¹.

В РАН система начала действовать в 2011 г. На основе Типовой методики и Показателей была разработана адаптированная система оценки результативности деятельности научных организаций РАН с учетом специфики исследований, проводимых в научных организациях РАН. Академия наук, с одной стороны, имела право внести в Типовую методику дополнительные пункты, но, с другой стороны, не могла из нее ничего удалить. Была создана Комиссия по оценке результативности, которой поручили, в частности, разработку структуры и состава уже упомянутых референтных групп научных организаций РАН, анализ информации о результативно-

¹¹ Пункт 11 Правил оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312.

сти деятельности научных организаций РАН, предоставленной региональными отделениями и региональными научными центрами РАН, отделениями РАН и секциями отделения РАН по направлениям науки; подготовку заключения о результативности деятельности научных организаций РАН и предложений по совершенствованию этой деятельности для рассмотрения Комиссией Президиума РАН по совершенствованию структуры Российской академии наук и Президиумом РАН. Институты РАН сдали годовые отчеты по новой системе за пять лет, начиная с 2006 г.

Критерии и параметры системы оценки результативности

Сразу оговоримся, что *оценка* «системы оценки» в данном случае не входит в нашу задачу, однако представляется целесообразным сделать акцент на некоторых моментах, актуальных именно для социогуманитарного знания.

Воздадим должное реально существующей системе оценки результативности – она не только и не столько опирается на индексы цитируемости и публикационную активность (о роли этих показателей и критериев мы не говорим в данной статье, т.к. они очень подробно проанализированы в, частности, в публикациях Н.В.Мотрошиловой и А.П.Огурцова, вошедших в данный сборник, а также в ряде публикаций других авторов).

Итак, научная деятельность сегодня в России оценивается с использованием **следующего блока параметров и критериев:**

- актуальность и перспективность направлений научных исследований, реализуемых научной организацией,
- перечень государственных и международных премий, призов, наград, почетных званий, полученных научной организацией или отдельными ее работниками,
- научные школы,
- публикационная активность,
- научные мероприятия,
- ОИС,
- вовлеченность научной организации РАН в национальное и мировое научно-образовательное сообщество,
- экспертная деятельность научной организации,

- коммерциализация результатов исследований и разработок,
- кадровый потенциал научной организации,
- инфраструктура научной организации и ресурсная обеспеченность научных направлений,
- состояние финансовой деятельности научной организации.

Внутри каждого из этих блоков показателей, насколько можно судить по позициям краткого отчета за пять лет и ключевым индикаторам, которые запрашивает Минобрнауки России, наиболее важными и показательными для оценки параметрами являются следующие:

- общая стоимость основных фондов,
- средний возраст исследователя,
- количество Государственных Премий РФ, премий Президента молодым ученым, Премий Правительства РФ, а также крупных международных премий,
- цитируемость работников научной организации в РИНЦ, отнесенное к численности исследователей,
- цитируемость работников научной организации в Web of Science в расчете на одного исследователя,
- импакт-фактор публикаций работников научной организации в Web of Science,
- общее число участников всех проведенных организацией мероприятий в расчете на одного исследователя,
- количество положительных решений по заявкам на выдачу охранных документов РФ или свидетельств о регистрации,
- внутренние затраты на исследования и разработки за счет средств, полученных из иностранных источников в расчете на одного исследователя,
- количество работников научной организации, являющихся членами редакционных коллегий зарубежных научных журналов и отечественных научных журналов, входящих в перечень ВАК Минобрнауки России в расчете на одного исследователя,
- объем средств, поступивших по договорам с отечественными организациями реального сектора экономики на выполнение НИОКР, оказание научно-технических и иных услуг, а также объем средств, поступивших по договорам с зарубежными организациями реального сектора экономики на выполнение НИОКР, оказание научно-технических и иных услуг отнесенный к средствам, полученным из бюджета,

– число кандидатских диссертаций, защищенных работниками в отчетном году в расчете на одного исследователя.

Отметим, что два показателя из перечисленных выше не могут быть применены при оценке социогуманитарных исследований: это ОИС (патентные исследования) и коммерциализация результатов и взаимодействие с реальным сектором экономики. Поэтому первоочередная задача – добиться замены этих показателей на другие, релевантные гуманитарным исследованиям.

Институтом философии РАН в начале 2011 г. была проделана экспертная работа в этом направлении: были внесены следующие предложения в методику оценки результативности, часть из которых нашла место в доработанном списке показателей, но были и такие, которые в него не вошли, а именно:

– наличие собственных профильных периодических общероссийских и международных изданий: общероссийских и международных: количество и тираж (для электронных – посещений в день/год; количество загруженных из библиотеки работ за год), количество и тираж (для электронных – посещений в день/год; количество загруженных из библиотеки работ за год);

– общий объем (а.л.) и число публикаций, отнесенное к численности ученых;

– научно-просветительская деятельность, за которую традиционно отвечают гуманитарии: например, количество открытых клубов, семинаров и других площадок, а также количество публицистических и научно-популярных работ, радио- и телепередач;

– количество внутренних конкурсов на лучшую работу;

– количество общероссийских и международных конкурсов, организуемых учреждением РАН;

– количество Интернет-сайтов, созданных Институтами и сотрудниками Институтами;

– наличие и объем открытой электронной библиотеки.

Именно эти показатели могли бы способствовать более объективной и адекватной оценке конкурентоспособности социогуманитарных наук и соответствующих исследовательских организаций.

Вместо заключения

Какие основные выводы можно сделать из всей вышеприведенной информации?

Во-первых, важно подчеркнуть, что к разработке методики и показателей были привлечены не представители РАН, а организации, образованные по приказу Минобрнауки России, или те, кого, возможно, даже не будут оценивать с помощью данной системы – Высшая школа экономики. Поэтому важно понимать, что в России на сегодняшний день принципиально отсутствует принятая во всем мире система оценки, в разработке которой принимали бы участие сами оцениваемые. Отметим также, что подобные отчеты – это очень большое напряжение для научных организаций, т.к., например, одно дело, зная эти новые показатели, сдать отчет за 2011 год, другое – собрать все необходимые данные за 5 лет в течение 3 недель. А именно столько изначально было дано научным организациям РАН на составление отчетов по оценке результативности, и в реальности этот срок был увеличен всего на 2 недели.

Во-вторых, отметим, что показатели ориентированы на соответствие приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, утверждённых Президентом, среди которых нет социогуманитарных направлений.

В-третьих, опасная тенденция связана со сведением эффективности научной работы к финансовой результативности, например, учитывается степень софинансирования проектов и научных тем из внебюджетных источников (на основе чего делается вывод об их востребованности), где считаются только те деньги, которые поступают на счет организации. А ведь бывает и так, что разрабатывается перспективное инициативное научное направление, которое по разным причинам не успело получить поддержки из какого-либо источника. И важно в данной ситуации, чтобы научная работа не стала сводиться к бесконечному зарабатыванию денег на стороне, т.к. задачей научно-исследовательского института остается не зарабатывание денег, а создание научной продукции.

К сожалению, эта тема не получила должного развития в СМИ и сети Интернет. Отметим, правда, что хорошая подборка сформировалась с 2008 г. на сайте <http://www.strf.ru> – это статьи и интервью, объединенные общим названием «Результативность научных организаций – кто и как её определяет?»¹².

Отметим, что часто именно от гуманитариев раздаются наиболее разумные предложения: см., например, интервью с И.Дежиной (ИМЭМО РАН)¹³ о недостатках данной системы, в котором, в частности, говорится: «Во-первых, в предложенном варианте методики предполагается непосредственное участие ведомств в проведении оценки (через участие в комиссии). Чтобы обеспечить действительную независимость оценки, она должна проводиться без участия представителей федеральных органов исполнительной власти или руководства государственных академий наук. Во-вторых, число показателей, по которым предполагается проводить оценку, представляется избыточным, что создаст непомерную нагрузку на инвентаризируемые организации, и таким образом окажется нарушенным один из провозглашённых принципов работы комиссии. С этой точки зрения показателем опыт академических институтов по ежегодному расчёту ПРНД – там показателей, которые надо собирать и вносить в формы, меньше, однако ежегодные кампании по их сбору, приданию коэффициентов, расчётам и перерасчётам были стрессом как для администраций институтов, так и для рядовых научных сотрудников, и отвлечением их от научной работы. Поэтому, в-третьих, интервал оценки можно было бы увеличить с трёх до пяти лет. И здесь я также исхожу из известного мне зарубежного опыта организации и проведения подобной оценки. В-четвёртых, ряд показателей вызывает вопросы по сути своей. Например, нужно ли оценивать число «официальных научных школ»? И что под ними понимается в настоящее время – группы сотрудников, получивших гранты с одноимённым названием? Другой пример – показатель наличия «концепции (плана) привлечения и удержания научных кадров высокой квалификации». Ответ «да» на этот вопрос на самом деле ни о чём не свидетельствует».

¹² http://www.strf.ru/themes.aspx?d_no=15498.

¹³ http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=15538.

Думается, что в сложившейся ситуации гуманитариям нужно учитывать еще и опыт коллег – представителей других научных областей (естественных и технических), например, опыт создания экспертных корпусов как альтернативных существующей системе оценки. О работе такого сообщества и его задачах можно узнать на сайте <http://expertcorps.ru/science/about/>.

Отметим, что, в начале работы по созданию системы оценки не было уделено должное внимание тому факту, что российская наука только начала восстанавливаться после тяжелейшего пост-перестроечного периода. Вот как комментирует эту ситуацию специалист одного из технических институтов: «Большую отечественную науку (она уже 15 лет существует в придушенном состоянии) надо сначала подлечить, и только потом, соответствующим образом экипировав, отправлять на ответственные международные соревнования»¹⁴.

¹⁴ http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=15644.

Measuring Philosophy: The grounds and criteria for evaluating the impact of philosophical and socio-humanitarian studies

The book is a collection of articles on the problem of grounds and criteria for evaluating the impact of research in the field of philosophy and humanities. It deals with a wide spectrum of issues, ranging from fundamental problems of what “the result” in philosophy is and what its differences from other spheres of knowledge are up to special ones such as usage of bibliometrics for evaluating the efficiency of research and making management decisions. The book is addressed to professionals in the field of philosophy, scientometrics and administration, as well as to all those who are interested in philosophical knowledge and the latest methods of studying it.

At present, virtually the entire scope of knowledge is actively reviewing its own foundations: relations with the world and society, the relationship with culture, politics, and power. In this context the very notion of a scientific result is changing. It is possible that in philosophy such audit may be more profound than in the natural and technical sciences or even in socio-humanities.

At the same time, two related trends are developing. On the one hand, science itself is trying to find objective, formalized criteria (including, if not primarily, quantitative ones) for evaluating its own effectiveness. In particular, it refers to bibliometrics which works with such exponents as statistics on publications and references, citation indexes, impact factors. On the other hand, the same interest is demonstrated by the institutions of external science management. As they believe themselves to be no less in need of countable indicators which would measure the processes and trends in science with the help of “objective” data.

However, it is necessary to take into consideration the serious problems encountered in the attempts to formalize this type of evaluation and measurement. Even in natural and technical sciences, such formalization generates responding stereotype behavior – work not for the result but for the figures (a form of “shift from the motive to the goal” described by A. Leontiev). Far more significant problems are detected in the attempts to formalize and measure the effectiveness of the socio-humanities and more so of philosophy. Mechanical usage of natural science methods in reference to humanities leads to the evaluation based on the distorted grounds. Additional deformations occur when the specificity of the Russian case is partly or even completely ignored. All this may lead to serious, if not fatal errors in administrative decisions.

Thus, the problem is not so much in the bibliometrics (though there is a lot of scientific criticism and self-criticism of such approach), as in how critically its data is being accepted, how meaningfully and correctly it is being used.

The attempt to answer these questions or correctly formulate them inevitably leads to broader generalizations and profound issues. In particular: what is “the result” in philosophy and can it be measured and valued as it is done in positive sciences or non-philosophical humanities? What limitations should be kept in mind while evaluating the result, taking administrative and even political decisions related to science? To what extent may we trust the foreign databases, their representativeness in relation to the Russian studies? The future of Russian science, its prestige in the world – and therefore the prestige of the country itself – are largely dependent on the answers to all the above-mentioned questions.

These and a number of related issues are discussed by the authors of this book.

Most of the articles in the collection have been written in the framework of the Project “The grounds and criteria for evaluating the impact of philosophical and socio-humanitarian studies” (grant of RFH № 11-03-00442a). The authors of the Project are Anatoly Baranov, D.Sc. in Philology, Director of the Branch for Experimental Linguistics, Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; Abdusalam Guseynov, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Nikolay Lapin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head, Centre for the Study of Social and Cultural Change, Institute of Philosophy, RAS; Nelly Motroshilova, Professor, Head, Department of History of Western Philosophy, Director of the IPh RAS Branch for the Study of History of Philosophy; Alexander Ogurtsov, D.Sc. in Philosophy, Head, Centre for the Methodology and Ethics of Science, Institute of Philosophy, RAS; Alexander Roubtsov (Head of the Project) Head, Centre for Philosophical Studies of Ideological Processes, Deputy Director of the IPh RAS Branch for Axiology and Philosophical Anthropology, Boris Yudin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the IPh RAS Branch for Integrated Study of Human Being, Aleksandra Yakovleva, Head, Information-Analytical Department, Institute of Philosophy, RAS.

The authors hope that this publication will contribute to further discussion on the vital problems related to the impact of the philosophical and scientific research. They invite for cooperation everyone who is interested in the topic.

Содержание

Предисловие	3
<i>А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов</i> Может ли философия быть неактуальной? (Об оценке результативности философских исследований).....	5
<i>Н.В. Мотрошилова</i> Недоброкачественные сегменты наукометрии.....	33
<i>Б.Г. Юдин</i> Измерение научной продуктивности и добросовестность в исследованиях	60
<i>Н.В. Мотрошилова</i> Система РИНЦ применительно к философским наукам	76
<i>А.П. Огурцов</i> Импакт фактор: его возможности и изъяны	99
<i>А.Н. Баранов</i> Семантическая сеть как инструмент библиометрии в гуманитарных науках.....	108
<i>Н.В. Мотрошилова</i> О реальных факторах, объясняющих неоправданность истолкования показателей цитирования как точных инструментов оценки эффективности научно-исследовательского труда	118
<i>А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов</i> Наука и власть: взаимодействие и оценка результативности	136
<i>А.Ф. Яковлева</i> Об основных подходах к оценке результативности научных исследований в России.....	144
Measuring Philosophy: The grounds and criteria for evaluating the impact of philosophical and socio-humanitarian studies	157

Научное издание

**Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки
результативности философских
и социогуманитарных исследований**

*Утверждено к печати Дирекцией
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 19.11.12.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 10,00. Уч.-изд. л. 8,16. Тираж 500 экз. Заказ № 041.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>